ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г.

Высокодаровитый русскій писатель, поэтъ и переводчикъ—Николай Васильевичъ Бергъ, онъ же преподаватель отечественной русской словесности въ Варшавскомъ университетѣ, не задолго до своей преждевременной кончины, по нашему приглашенію, написалъ записки о своей жизни.

Записки эти оказались предсмертнымъ трудомъ талантливаго писателя.

Вдова покойнаго, послѣ его кончины, поспѣшила доставить намъ эти мемуары. Эта рукопись писана карандашемъ, на 108 страницахъ, въ половину листа, съ помарками и зачеркнутыми авторомъ нѣкоторыми цѣлыми страницами. Недостатокъ мѣста въ «Русской Старинѣ» не позволилъ намъ, въ теченіи пяти лѣтъ, воспользоваться этими записками; приступаемъ къ ихъ изданію въ настоящей книгѣ. Некрологическія и автобіографическія свѣдѣнія о Н. В. Бергѣ см. въ «Русской Старинѣ» над. 1884 г., т. LIV, стр. 72.

I.

Мой дѣдъ и отецъ.—День смерти императрицы Екатерины.—Служба отца въ Сибири.—Постройка Оленска.—Ромадинъ, строитель Оленска.—Нравы города.—Женитьба отца.—Переѣздъ въ Москву.—Женитьба Майкова.

Наша фамилія происходитъ изъ Лифляндіи, гдѣ имѣла помѣстья и замокъ. Дѣдъ мой по отцу, Валтеръ, впослѣдствіи Владиміръ, Бергъ, былъ человѣкъ военный, артиллеристъ, и совершилъ съ Суворовымъ нѣсколько кампаній. Въ одну изъ нихъ, подъ крѣпостью Силистріей, онъ былъ раненъ и умеръ, въ чинѣ штыкъ-юнкера. На память о немъ ничего не осталось, кромѣ краткаго послужнаго списка на одномъ листѣ синей бумаги и граматы на чинъ штыкъ-юнкера, подписанный государыней Екатериной. Никакого письма, ни клочка бумаги, ничего ровно.

Даже неизвѣстно, что̀ это былъ за человѣкъ. Бабушка моя по отцѣ, Марья Петровна, рожденная Астафьева, разсказывала сыну, т. е. отцу моему, что мужъ ея былъ человѣкъ страстный и картежникъ.

Вотъ и всѣ воспоминанія о немъ!

Когда его не стало, отцу моему, Василію Владиміровичу, было только два года. Онъ росъ въ Москвѣ при матери, въ Нѣмецкой слободѣ, въ весьма стѣсненномъ состояніи. Ливонскія помѣстья его и замокъ были захвачены разной отдаленной родней и вырывать ихъ оттуда, тягаться съ ними бабушкѣ моей, за неимѣніемъ средствъ, было очень трудно. О поѣздкѣ въ Лифляндію съ ребенкомъ нечего было и мечтать. У нея была тогда одна забота: это—ребенокъ; ей хотѣлось воспитать его въ строгихъ правилахъ церкви и отправить, какъ только подростетъ, въ Петербургъ, въ какое-нибудь ученье. Первое было достигнуто: мальчикъ выросъ, что называется, въ страхѣ Божіемъ. Самъ разсказывалъ мнѣ, что разъ, глотнувъ нечаянно молока въ постъ, когда ему было ужъ 12 лѣтъ, онъ цѣлый день не зналъ что дѣлать со страха. Не пойти къ обѣднѣ въ праздникъ или воскресенье было для него дѣломъ немыслимымъ. Такъ какъ около него не было никого, кромѣ русскихъ, никакой нѣмецкой родни, и мать его не умѣла иначе говорить, какъ только по русски, онъ выросъ, естественно, русскимъ ребенкомъ и ему никогда и въ голову не приходило, что въ немъ есть что-нибудь нѣмецкое.

И вотъ, когда первая половина плана была достигнута, ребенокъ выросъ тихимъ, богобоязненнымъ мальчикомъ, Марья Петровна начала помышлять объ исполненіи второй половины своихъ предначертаній: объ отправленіи его въ Петербургъ въ какую-нибудь школу. Почему именно въ Петербургъ? Почему нельзя было отдать его учиться въ какое либо изъ московскихъ учебныхъ заведеній? На эти вопросы отвѣчать не умѣю. Не были ли тогда московскія учебныя заведенія черезъ-чуръ плохія?... Поѣздка въ Петербургъ тоже не устраивалась долго, вслѣдствіе недостатка средствъ. Отецъ мой сдѣлался уже довольно большимъ мальчикомъ, такимъ, какихъ рѣдко отдаютъ въ ученье — и все не могъ уѣхать. Наконецъ, мать его собрала кое-какія деньжонки и отправила сына самымъ дешевымъ способомъ, при

какой-то оказіи въ Петербургъ, съ письмомъ къ одному отдаленному родственнику, который отдалъ его въ юнкерское училище, гдѣ онъ былъ положительно больше всѣхъ, такъ что мелочь, его окружавшая, надъ нимъ смѣялась. Во что именно обошлась ему переправа изъ Москвы въ Петербургъ—я не помню (кажется, рублей въ десять); но помню хорошо, что по пріѣздѣ онъ тратилъ на первыхъ порахъ не болѣе пятака въ день и былъ сытъ, и никогда не ропталъ.

По окончаніи курса въ юнкерскомъ училищѣ отецъ мой попалъ какимъ-то образомъ въ чиновники для переписыванія бумагъ къ кабинетъ-секретарю государыни Екатерины, Василью Степановичу Попову,—человѣку, въ то время очень сильному. Онъ чрезвычайно полюбилъ моего отца, приказалъ ему переѣхать къ себѣ въ домъ, и, конечно, сдѣлалъ бы ему впослѣдствіи много добра, но времена вдругъ измѣнились: государыня умерла, а новый государь разослалъ по разнымъ концамъ Россіи ея любимцевъ. Поповъ уѣхалъ въ свою малороссійскую деревню, присовѣтовавъ моему отцу воспользоваться приглашеніемъ правительства, только что объявленнымъ тогда въ газетахъ: ѣхать на службу въ Сибирь, въ открывавшіеся новые города, на выгодныхъ условіяхъ.

Отецъ мой разсказывалъ много любопытнаго о временахъ Екатерины, много такого, чего я не слыхалъ отъ другихъ и не читалъ нигдѣ, но все это, къ сожалѣнію, разсказывалось тогда, когда я былъ очень молодъ, не умѣлъ надлежащимъ образомъ слушать, а куда ужъ тамъ записывать! Изъ всего этого уцѣлѣлъ въ моей памяти только одинъ разсказъ о днѣ смерти государыни Екатерины.

Поповъ, какъ только узналъ объ этомъ, сейчасъ же поѣхалъ съ отцомъ моимъ по всѣмъ дворцамъ, гдѣ могъ предположить какія-либо компрометирующія государыню бумаги и письма, начиная, кажется, съ Таврическаго, а также и Аничковскаго дворца; приказывалъ затапливать печь, садился за столъ, читалъ, разсматривалъ и подавалъ отцу моему пачки и свертки для бросанія въ растопленную печь. Однажды отецъ мой не выдержалъ, выхватилъ изъ огня обгорѣвшую пачку бумагъ и спряталъ въ карманъ, чтобы сохранить что нибудь на память о великой государынѣ, которую обожалъ не менѣе того, кто такъ заботился о

ея добромъ имени. Кромѣ этого, отецъ мой взялъ въ одномъ изъ ея дворцовъ со стола нѣсколько перьевъ, починенныхъ самою государынею, немного иначе, чѣмъ перья чинятся обыкновенно: срѣзъ ихъ былъ больше, вѣроятно, для того, чтобы рука была дальше отъ чернилъ. Всѣ эти перья отецъ мой растерялъ въ странствіяхъ, которыхъ было много, а пачка обгорѣлыхъ бумагъ, свидѣтельница любопытнаго историческаго момента, уцѣлѣла и дошла до моихъ рукъ. Многіе пакеты слиплись одинъ съ другимъ отъ растопившагося сургуча. Всѣ надписаны разнымъ лицамъ (болѣе всего Потемкину-Таврическому), рукою самой государыни. Есть листокъ съ распредѣленіемъ разныхъ праздниковъ во дворцѣ, писанный весь рукою государыни, и полуобгорѣвшее письмо Потемкина, гдѣ подпись его сохранилась вполнѣ.

Кромѣ этихъ воспоминаній изъ того времени, отецъ мой сохранилъ нѣсколько писемъ В. С. Попова, одно письмо Суворова и игральныя карты, пятерки, восьмерки, девятки, изрисованныя Костюшкой, который содержался тогда въ Петропавловской крѣпости [1]). Отъ скуки, онъ безпрестанно рисовалъ на картахъ разныя фигуры, пригоняя искусно масть къ лицу, къ рукамъ, къ ногамъ, къ колѣнямъ. Отецъ мой разсказывалъ, что въ особенности искусно былъ нарисованъ на бубновой пятеркѣ бандуристъ. Ни одной изъ этихъ картъ мнѣ не досталось, ихъ растаскали при жизни моего отца; равно пропало письмо Суворова. Я имѣю только письма Попова.

Отецъ мой послушался совѣта, поѣхалъ въ Сибирь, именно въ городъ Томскъ; ему, какъ человѣку солидному и крайне воздержному (которому придавало много значенія и то обстоятельство, что онъ былъ у Попова, какъ его домашній секретарь), была поручена доставка въ Томскъ цѣлаго десятка мелкихъ чиновниковъ, людей добродушныхъ, но страшныхъ кутилъ, которые всю дорогу сочиняли разнаго рода спектакли, какъ, напр., въ какой-то деревнѣ посадили въ полуботы одного изъ своихъ товарищей и возили на дрогахъ, крича: «не хотите ли тюленюшку посмотрѣть?»—подобно тому, какъ матросы возили тогда, временами, по Петербургу настоящихъ тюленюшекъ и собирали

[1]) Въ Литовскомъ замкѣ, нынѣ Тюремный замокъ въ Спб. Ред.

съ любопытныхъ дань. Прибѣжали они, съ большимъ шумомъ и крикомъ, и къ моему отцу:

— Василій Владиміровичъ, Василій Владиміровичъ! не хотите ли тюленюшку посмотрѣть?

Почти на каждой станціи какая нибудь новая исторія, новое изобрѣтеніе или отчаянная попойка. Отецъ мой не зналъ, когда настанетъ всей этой муки конецъ и онъ привезетъ праведныхъ судій, тогдашнихъ «Ташкентцевъ», въ новую дѣвственную страну. Онъ велъ записки всѣхъ этихъ странствованій отъ Петербурга до Томска; я имѣлъ когда-то въ рукахъ эту тетрадку, но гдѣ она теперь—рѣшительно не знаю.

Въ Сибири прослужилъ отецъ мой довольно долго, около 20 лѣтъ, преимущественно въ Томскѣ, въ Иркутскѣ, въ Нерчинскѣ, Тобольскѣ, Березовѣ. Изъ разсказовъ его отъ этого времени у меня осталось въ памяти пребываніе въ Березовѣ: великолѣпное сѣверное сіяніе, ѣзда и охота въ зимнее время на собакахъ, при чемъ отецъ мнѣ разсказывалъ, что собаки, содержимыя на почтовомъ дворѣ въ большомъ количествѣ, всегда предчувствовали прибытіе почты и начинали выть. «Почта не далеко: собаки начинаютъ выть», говорили чиновники, и это неизбѣжно оправдывалось.

Еще помню разсказъ моего отца о плаваніи съ генералъ-губернаторомъ по Енисею, на разстояніи двухъ-трехъ тысячъ верстъ, когда ему удалось, между прочимъ, освободить изъ острога нѣсколькихъ тунгусовъ, которыхъ упекли туда казаки, собиравшіе съ нихъ пеню соболиными шкурами. И объ этомъ плаваніи отецъ мой составилъ записку; лѣтъ 30 тому назадъ, я ее видѣлъ.

Еще уцѣлѣлъ у меня въ памяти разсказъ моего отца о томъ, какъ чиновники города Тобольска хотѣли, во время нашихъ войнъ съ Наполеономъ I-мъ въ 1812 году, арестовать губернатора Трескина, заподозрѣвъ его въ какихъ-то сношеніяхъ съ императоромъ французовъ, но, по счастью, не хватило духу. Помню еще нѣсколько страшныхъ его разсказовъ о генералъ-губернаторѣ Сибири Пестелѣ...

Немного раньше того времени, когда отецъ мой отправился изъ Петербурга въ Томскъ съ чиновниками, отправился точно также одинъ чиновникъ изъ Малороссіи, Ефремъ Ѳедоровичъ

Ромадинъ, въ Якутскую область. Ему, какъ имѣвшему понятіе о стройкѣ избъ, дѣланіи телѣгъ и т. п., и даже лично владѣвшему топоромъ и рубанкомъ, было поручено, по повелѣнію государыни, выстроить въ тысячи верстахъ отъ Якутска на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, кедровыхъ и другихъ хвойныхъ (по сибирски: въ тайгѣ), гдѣ жили одни только якуты, — городъ Оленскъ, руками сосланныхъ въ тѣ страны уральскихъ казаковъ и башкиръ Пугачева. Подъ ихъ топорами, и отчасти подъ топоромъ самого начальника Ромадина, очень скоро выросъ небольшой городокъ въ 15 богатыхъ избъ, названный Оленскомъ. Ефремъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ такимъ личностямъ, которыхъ нельзя было не слушать: богатырь тѣлосложеніемъ, съ голосомъ, какъ труба, онъ былъ деспотомъ въ домѣ, гдѣ всѣ передъ нимъ дрожали, и деспотомъ въ завоеванномъ имъ, въ глухой сибирской тайгѣ, пространствѣ. Ефремъ Ѳедоровичъ ходилъ по немъ, пока онъ строился и послѣ, не иначе какъ въ халатѣ (сюртукъ надѣвался только въ праздничные дни), въ шапкѣ и безъ шапки, какъ случится, съ топоромъ въ одной и съ нагайкой въ другой рукѣ—и поролъ ею безпощадно всякаго, кто былъ съ какой либо стороны неисправенъ.

По окончаніи стройки жилыхъ и нежилыхъ строеній, часть ихъ назначена подъ присутственныя мѣста: уѣздный судъ, полицію, врачебную управу и т. д., часть на житье чиновникамъ. Въ окна вставили слюду, а гдѣ ея не хватило, тамъ окна залѣпили бумагой, а зимой вставлялись въ такія окошки льдины, которыхъ заготавливалось у каждаго дома достаточное количество на всю зиму. Какъ растаетъ льдина (что происходитъ не такъ скоро, какъ, можетъ быть, думаетъ читатель,—не чаще, какъ въ недѣлю разъ), вставляли другую. Разумѣется, въ этихъ домахъ, да и во всѣхъ домахъ города Оленска, было зимою очень холодно. Сидѣли и спали въ шубахъ. Зимы были суровыя, но лѣто почти тропическое. Все росло быстро: хлѣбъ, травы чрезвычайныя... Лѣса и луга, тянувшіеся на необъятное пространство и принадлежавшіе жителямъ города настолько, насколько кто могъ захватить, дышали дѣвственною, дикою поэзіею и были полны звѣрей и птицъ, никогда еще не пуганныхъ человѣкомъ. Они смотрѣли на смѣлую горсть русскихъ, между ними неожиданно появившихся, почти также, какъ звѣри и птицы

временъ Адама и Евы смотрѣли на этихъ первыхъ обитателей земли: никто никого не трогалъ. Охотниковъ въ городѣ не было. Дикіе гуси и утки прилѣтали на городской прудъ, вырытый строителемъ. Чернобурыя лисицы грѣлись на солнцѣ, растянувшись по соломеннымъ крышамъ домовъ. Медвѣдь ходилъ въ одинъ дворъ изъ лѣсу пить молоко, опрокидывалъ всякій разъ нѣсколько горшковъ и опять уходилъ въ лѣсъ, никогда никого не трогая, даже не рыча, какъ будто не былъ настоящимъ медвѣдемъ. Его не боялись и не безпокоили. При необычайномъ изобиліи молока (такъ какъ каждый чиновникъ имѣлъ у себя большое количество коровъ, которыхъ содержаніе стоило немного), никто не смущался шалостями Мишки, ихъ даже поощряли, подставляя горшокъ—другой на опрокидываніе лѣсному гостю. Это былъ какой-то общій другъ и знакомецъ,—исчезни онъ, стали бы скучать. А убить его не поднялась бы ни одна рука въ Оленскѣ. Проказы этого гостя составляли даже развлеченіе для жителей. Нужно было чѣмъ-нибудь развлечься. Лѣто представляло еще для этого средства: ѣздили всею гурьбою, всѣмъ населеніемъ города, въ лѣсъ, верхами, на дикихъ коняхъ, при чемъ женщины садились въ сѣдло по мужски, имѣя для этого особую, приспособленную къ верховой ѣздѣ, якутскую одежду. Въ лѣсахъ—сбираніе ягодъ, грибовъ, игры, пѣсни, волокитство. Ефремъ Ѳедоровичъ, создатель города, отецъ-командиръ, судья, все что хотите, никогда не отставалъ въ такихъ экскурсіяхъ отъ прочихъ и также мчался на дикомъ конѣ, то въ степи, то въ лѣса, вмѣстѣ съ своими подчиненными. Онъ былъ тогда человѣкъ еще довольно молодой, необычайно крѣпкій и сильный. Въ немъ играли еще всѣ молодыя страсти. Онъ не отставалъ отъ молодыхъ и по разнымъ лѣскамъ, трущобамъ, кустамъ, густой, высокой травѣ... Все было просто, какъ природа, какъ вся невѣроятная жизнь Оленска. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ въ тайгу Ефрему Ѳедоровичу приглянулась дочь Сынбоярскаго, Ирина Родіоновна. Послѣ краткаго ухаживанія онъ сдѣлалъ ей предложеніе и обвѣнчался въ ближайшемъ городкѣ, гдѣ была церковь. Судьба подшутила надъ нимъ что до имени супруги: онъ говаривалъ обыкновенно, что ни за что не женится на Аринѣ, Оеклѣ, Ѳедорѣ, Акулинѣ и тому подобныхъ глупыхъ и неблагозвучныхъ именахъ—и вдругъ повелъ къ вѣнцу Арину!

Но, какъ деспотъ и самодуръ, рѣшился немедля поправить эту ошибку, эту иронію фатума: приказалъ строго на строго всѣмъ въ домѣ и въ городѣ звать его жену не иначе, какъ Катерина Ивановна, и она стала Катерина Ивановна, позабывъ свое настоящее, при святомъ крещеніи данное, имя.

Какое имѣлъ оффиціальное положеніе въ Оленскѣ Ефремъ Ѳедоровичъ—это мнѣ въ точности неизвѣстно. Знаю только то, что его всѣ боялись и всѣ слушались. Высшее начальство губернскаго города Якутска знало о жесткихъ, своеобычныхъ и рѣзкихъ свойствахъ строителя Оленска и потому рѣшилось поручить ему въ окрестностяхъ новаго города на довольно большое пространство, въ раіонѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, что по-сибирски вовсе не много,—вводить въ употребленіе картофель, тогда еще очень мало извѣстный въ Сибири. Ефремъ Ѳедоровичъ, названный засѣдателемъ (поякутски «отъ»), сѣлъ въ телѣгу, въ другую посадилъ двухъ казаковъ съ хорошими нагайками и началъ скакать по разнымъ окрестнымъ селамъ, деревнямъ и городкамъ, заглядывая въ печи простыхъ обывателей, мѣщанъ и крестьянъ, русскихъ и якутовъ. «Отъ скачетъ!» говорили, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Что, картофель есть въ печи?—спрашивалъ онъ гдѣ поякутски, гдѣ по-русски, переступая черезъ порогъ избы, либо юрты.

— «Есть, батюшка!» говорила перепуганная баба.

— «Показывай»!

Горшокъ вытаскивался, горячій картофель высыпали на столъ.

— «Ѣшь сейчасъ при мнѣ»! кричалъ неистово отъ.

Баба ѣла. Если-же горшка не находили или, найдя, замѣчали въ бабѣ и въ другихъ обитателяхъ захваченнаго врасплохъ жилища отвращеніе къ этой пищѣ, сейчасъ-же происходила расправа: клали и пороли; одинъ казакъ держалъ, сидя на головѣ жертвы, а другой поролъ «сколько влѣзетъ». Такъ былъ введенъ, или, точнѣе сказать, вбитъ въ жителей тѣхъ странъ нагайками картофель!

Вѣроятно, по другимъ направленіямъ скакали другіе засѣдатели. Нѣсколько позже, точно такимъ-же образомъ, тотъ-же самый отъ вводилъ въ Оленскѣ и окрестностяхъ употребленіе телѣгъ; лично показывалъ какъ ихъ дѣлать, иногда оставлялъ во дворѣ пугачевскаго башкира, знавшаго телѣжное ремесло, чтобъ онъ училъ жителей дѣлать телѣги, а потомъ въ извѣстные

сроки отъ объѣзжалъ селенія и производилъ ревизіи. Лѣтъ черезъ 15 у Ефрема Ѳедоровича явилась довольно большая семья: нѣсколько сыновей и дочерей, крѣпкихъ, рослыхъ, красивыхъ. Все это, еще малыми дѣтьми, любило лѣтомъ уноситься на дикихъ коняхъ въ тайги, дѣлить съ другими отважное, патріархальное развлеченіе. Дѣвочки нисколько не отставали отъ мальчиковъ. Лошади иногда били ихъ. Иногда являлись домой всѣ въ синякахъ, ранахъ и царапинахъ—полутрупъ вмѣсто человѣка. Все это было въ нравахъ города Оленска. Большихъ несчастій не случалось. Трупъ оправлялся, молодость и крѣпость все выносила. И опять скакали въ тайгу. и опять падали и разбивались, и опять—ничего!...

Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ существованія баснословнаго городка, было невозможно никакое ученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтей чиновниковъ. Они умѣли только ухарски скакать на коняхъ по тайгѣ, пѣть пѣсни, цѣловаться. А что такое русская или другая какая грамота, это было имъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ большинству. Дѣти ота, главнаго начальника, патріарха, не умѣли ни читать, ни писать. Ему самому учить ихъ было некогда: онъ былъ съ утра до ночи въ занятіяхъ, въ разъѣздахъ. А жена его, рожденная и воспитанная въ такихъ же условіяхъ, какъ и ихъ дѣти, тоже не знала грамоты. Кому было учить цѣлый десятокъ ухарей, только и смотрѣвшихъ, чтобы удрать въ тайгу, была-ли то зима, было-ли лѣто....

Вскорѣ затѣмъ правительство нашло невыгоднымъ имѣть городъ въ такихъ лѣсныхъ трущобахъ; чиновникамъ предписано, по выдачѣ извѣстной суммы на подъемъ каждому, оставить Оленскъ и отправиться на службу или на житье кому куда-угодно. Всѣ двинулись, распродавъ въ ближайшіе города и деревни всѣ черезъ-чуръ громоздкія вещи и скотъ. Корова шла по полтиннику за штуку. Лошадь немного болѣе.

Такъ мудреный городокъ, какая-то прихотливая фата-моргана,—явившаяся по мановенію волшебнаго жезла среди непроходимой тайги и тундръ, пересталъ вдругъ существовать, имѣвъ въ 15 лѣтъ жизни, всего на всего, только 8 дѣлъ [1]).

[1]) Свѣдѣніе отъ моего отца, которому сказывалъ объ этомъ самъ Ефремъ Ѳедоровичъ. Прочее—большею частью составлено по разсказамъ моей матери, которая родилась въ Оленскѣ и прожила тамъ всѣ годы его существованія.

Н. В.

Что теперь на его мѣстѣ? Поселились-ли якуты или опять засѣли прежнія тайги, поросли травы—и ревутъ тамъ только медвѣди, волки да лисицы—сказать трудно.

Создатель городка, человѣкъ съ большими душевными силами,—перенесся съ семьею въ Иркутскъ и сталъ искать себѣ новой службы. Но дѣло какъ-то не улаживалось.

Въ это время съ нимъ познакомился мой отецъ, тогда совѣтникъ иркутскаго губернскаго правленія. Кажется, это случилось потому, что одна изъ дочерей Ефрема Ѳедоровича, Анна, чрезвычайно красивая дѣвушка, встрѣчаемая отцомъ моимъ у разныхъ знакомыхъ на дружескихъ вечеринкахъ, стала съ нѣкоторыхъ поръ ему нравиться больше и больше. Чтобы побѣдить ея сердце, отецъ мой явился на одномъ общественномъ маскарадѣ, гдѣ разсчитывалъ ее увидѣть, наряженный казакомъ. Подѣйствовалъ или не подѣйствовалъ маскарадъ на сердце дѣвушки, ужъ этого я не знаю, только она стала вскорѣ послѣ этого госпожею Бергъ.

Послѣ рожденія первыхъ трехъ дѣтей (дѣвочекъ, которыя умерли въ Сибири), отецъ мой отправился въ Москву съ женою и съ матерью ея, Катериной Ивановной. Отца ея, Ефрема Ѳедоровича, уже не было тогда на свѣтѣ: еще нестарый дубъ, надломленный какими-то налетѣвшими бурями, рухнулъ... Дѣти его, мужескаго пола, опредѣлились въ военную службу: двое въ мѣстный иркутскій гарнизонъ; третій въ какой-то изъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ. Всѣ въ непродолжительномъ времени дослужились до офицеровъ. Старшій, Василій, досталъ себѣ мѣсто городничаго въ Якутскѣ. Второй, Павелъ, велъ однажды партію ссыльныхъ въ страшный морозъ, велѣлъ ихъ расковать, вслѣдствіе чего они разбѣжались и былъ отданъ въ солдаты.

Отецъ мой, по прибытіи въ Москву, также поступилъ на службу въ только-что образованную комиссію по сооруженію храма Христа-Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, согласно грандіозному и мистическому плану Витберга, геніальнаго юноши, едва успѣвшаго окончить курсъ наукъ въ академіи художествъ. Исторія этого плана и самого Витберга черезъ-чуръ извѣстна, чтобъ ее здѣсь разсказывать. Другой великій художникъ, Герценъ, (встрѣтившійся съ Витбергомъ въ Вяткѣ), лучше и ярче всѣхъ обрисовалъ это высоко-поэтическое лицо... Мистикъ-

императоръ не чаялъ, что называется, души въ мистикѣ-архитекторѣ. Невозможное казалось возможнымъ. Никакіе навѣты безчисленныхъ враговъ нѣсколько зазнавшагося артиста не могли поколебать восторженнаго довѣрія монарха къ его любимцу. Но по смерти его все измѣнилось: Витбергъ и многіе изъ чиновниковъ комиссіи попали подъ судъ. Отецъ мой, казначей, черезъ руки котораго прошли многіе милліоны, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и получилъ, по протекціи своего пріятеля, барона Штейнгеля, правителя дѣлъ генералъ-губернатора Тормасова, какое-то мѣсто въ городѣ Бронницахъ, а потомъ переведенъ въ Москву. Въ это тревожное для нашей семьи время—я произошелъ на свѣтъ въ домѣ Насонова, на Варваркѣ. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ Витбергъ, матерью одна богатая купчиха Гусятникова—бабушка поэта А. Н. Майкова, близь этого времени родившагося, кажется, въ томъ-же самомъ домѣ.

О женитьбѣ отца Аполлона Николаевича, Николая Аполлоновича Майкова, самоучки-академика, въ нашихъ семейныхъ преданіяхъ сохранилось слѣдующее: Николай Аполлоновичъ, сынъ директора московскихъ театровъ, Аполлона Николаевича, жившаго открыто, весело, былъ въ самомъ началѣ столѣтія очень красивый, но... бѣдный гусарикъ. Онъ часто ходилъ къ намъ и чуть-ли не черезъ насъ познакомился съ домомъ Гусятниковыхъ; одна изъ дочерей послѣднихъ, весьма богатая невѣста, нравилась ему, но онъ не смѣлъ питать никакихъ надеждъ... Однажды (какъ кажется, весною 1819 года) пришелъ онъ къ намъ грустный и задумчивый. Отца моего не было дома. Матушка спросила у него: «что вы все такой грустный, Николай Аполлоновичъ?»—и тутъ же взялась угадать причину. Онъ сознался, что такъ и такъ.

«Хотите, я вамъ погадаю на картахъ», сказала матушка, «мнѣ извѣстно одно особенное гаданіе «по мѣсяцамъ»; если чему случиться, я назову вамъ прямо мѣсяцъ, когда это будетъ, только вотъ какое условіе: если я угадаю и мое предсказаніе сбудется, вы должны написать мой портретъ».

— «Извольте, съ большимъ удовольствіемъ! я и такъ давно собираюсь написать вашъ портретъ».

Матушка разложила карты и сказала гостю, что свадьба будетъ въ сентябрѣ. Карты иногда играютъ съ людьми странныя

шутки: сыграли онѣ шутку и съ Николаемъ Аполлоновичемъ. Онъ, дѣйствительно, женился въ сентябрѣ мѣсяцѣ на Марьѣ Петровнѣ Гусятниковой и сдержалъ слово: нарисовалъ портретъ моей матери на слоновой кости, который хранится въ нашемъ семействѣ до сихъ поръ, принадлежа моей сестрѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Михиной.

Старый Майковъ, директоръ московскихъ театровъ, вышелъ въ скоромъ времени послѣ этого въ отставку и перебрался на жизнь въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ ту-же веселую жизнь. Вечеромъ, всякое воскресенье, сходилась у него куча добрыхъ знакомыхъ, играли въ карты, вкусно ужинали. Знаменитое 14-е декабря (1825 г.) приходилось, какъ извѣстно, въ понедѣльникъ; это былъ день именинъ Аполлона Николаевича. Собравшіеся наканунѣ въ воскресенье гости рѣшили досидѣть до утра, чтобы встрѣтить именины добраго пріятеля съ бокалами въ рукахъ, разъѣхаться на короткое время и опять съѣхаться и кутить. Въ числѣ гостей былъ закадычный другъ Майкова, графъ Милорадовичъ, тогдашній генералъ-губернаторъ Петербурга. Онъ заигрался съ нѣсколькими ближайшими къ Аполлону Николаевичу лицами до девятаго часа 14 декабря. Вдругъ прибѣжали къ нему и доложили, что на сенатской площади неблагополучно. Онъ велѣлъ дать сани и уѣхалъ. Извѣстно, что его ранили смертельно.

Государь спросилъ: «чего ты хочешь? выскажи свое послѣднее желаніе, оно будетъ непремѣнно исполнено!»

— Ничего не прошу для себя, я и безъ того получилъ много... не оставьте только моего друга, изъ дома котораго я выѣхалъ на площадь, чтобы служить вашему величеству: это честный, но весьма небогатый человѣкъ.

А. Н. Майковъ получилъ 3,000 добавочныхъ къ пенсіону. Государь никогда не забывалъ этой фамиліи. Николай Аполлоновичъ, художникъ, писалъ мѣстные образа для свадьбы любимой дочери государя, Маріи Николаевны, съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Сыну его Аполлону было предложено впослѣдствіи мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности государю наслѣднику Николаю Александровичу.

II.

Назначеніе отца въ Томскъ. — Новыя лица. — Геденштромъ. — Поѣздки на острова.—Томское уѣздное училище.—Своеобразные экзамены.—Увеселительныя поѣздки.—Ефремовъ.—Взяточникъ Васька.—Бытъ сибирскихъ крестьянъ.—Заимки.—Городской садъ.

1830—1834.

Близь 1830 г. отецъ мой получилъ мѣсто предсѣдателя томскаго губернскаго правленія. Въ Россіи предсѣдатель губернскаго правленія—губернаторъ. Въ Сибири по множеству занятій губернатора, а главное—разъѣздовъ по губерніи, которая величиною въ полторы Франціи, предсѣдатель губернскаго правленія—особое лицо. Онъ выше вице-губернатора (который также есть) и въ отсутствіе губернатора правитъ его должность, а не вице-губернаторъ. Объ этомъ назначеніи сохранилась въ нашемъ семействѣ такая легенда: матушка моя, женщина чрезвычайно религіозная, пошла пѣшкомъ къ Троицѣ въ то время, когда мой отецъ, (весьма нуждавшійся тогда въ службѣ), поѣхалъ искать мѣста въ Петербургъ. Онъ получилъ сказанное мѣсто тогда-же; министръ внутреннихъ дѣлъ Закревскій, встрѣтясь съ нимъ на крыльцѣ, гдѣ «какъ живые, стоятъ два льва сторожевые», объявилъ ему объ этомъ въ ту самую минуту, когда матушка моя, достигшая до монастыря, пала передъ ракой Сергія въ слезныхъ молитвахъ; такъ послѣ оказалось по разсчету времени. Отецъ мой былъ также человѣкъ вѣрующій и составилъ о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, ухаживаніяхъ тамъ за разными министрами и другими высокими лицами и о пилигримствѣ матушки къ Сергію-Троицѣ подробную записку.

Мы двинулись въ Сибирь, столько знакомую и желанную для обоихъ моихъ родителей, особенно для матушки, которая никогда не могла достаточно объ ней наговориться и считала время, проведенное ею въ Омскѣ и въ Иркутскѣ, за лучшее въ жизни.

Поѣхали мы въ большой англійской каретѣ, которую отцу моему случилось выгодно пріобрѣсть на какомъ-то аукціонѣ. Карета была снабжена множествомъ бауловъ, чемодановъ, наверху, спереди, сзади и представляла сущій домъ. Сидѣть намъ въ ней

всего пятерымъ (отцу моему, матушкѣ, мнѣ, горничной дѣвушкѣ Татьянѣ, которая правила тогда временную должность няньки при маленькой сестрѣ моей), было удобно.

Жившая въ нашемъ семействѣ моя бабушка по матери, Катерина Ивановна, не вынесла россійскаго климата, хотя онъ былъ гораздо умѣреннѣе Сибирскаго, и умерла очень скоро по пріѣздѣ изъ Сибири. Матушка съ отцемъ моимъ, хороня ее на лазаревскомъ кладбищѣ подлѣ нѣсколькихъ внучатъ ея, моихъ братьевъ, должна была сказать священнику, что настоящее ее имя Ирина, а не Катерина,—такъ ее и поминали и такъ написали на каменномъ крестѣ. Мнѣ было при выѣздѣ изъ Москвы семь лѣтъ; я нѣсколько помню наше длинное путешествіе: переправу на паромѣ черезъ Волгу, подъ Нижнимъ-Новгородомъ; Нижній-Новгородъ и ярмарку, гдѣ мы остановились въ домѣ стараго друга моего отца, откупщика Смолина; паяцовъ на площади; зрительную трубу на окнѣ хозяина, наведенную на ярмарку. Я то-и-дѣло въ нее смотрѣлъ и дивовался разнымъ чудесамъ. Когда мы стали подъѣзжать къ Сибири, миновавъ знаменитую своими легіонами мошекъ Барабинскую степь, попросту Барабу, отецъ показалъ мнѣ валяющіеся подъ ногами красные и разные сердолики, и тутъ я, вслѣдствіе дѣтской впечатлительности, сталъ отличать эту породу камней отъ обыкновенныхъ горныхъ и очень скоро, на одной почтовой станціи, спускаясь пѣшкомъ подъ гору къ перевозу черезъ рѣку, нашелъ первый сердоликъ.

Живо также представляется моему воображенію прибытіе въ Томскъ: большая рѣка Томь, (имѣющая подъ городомъ версту въ ширину), переѣздъ черезъ нее на паромѣ и другой городской берегъ, темнѣющій у пристани народомъ: чиновниками въ мундирахъ и простыми жителями разнаго званія; затѣмъ высокій правильный холмъ, въ видѣ огромнаго конуса, покрытаго кедрами отъ подошвы до вершины, и наверху его бесѣдка. Это начало городскаго сада. Потомъ пошли немудрыя строенія города, тогда еще немощенаго: деревянные домики, въ родѣ сельскихъ помѣщичьихъ обиталищъ, въ одинъ, два и три этажа. Кое-гдѣ мелькали и каменныя, тоже не очень большія строенія.

Отцу моему была отведена казенная квартира при домѣ приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ мы прожили недѣлю или

двѣ, а потомъ переѣхали за рѣку Ушайку (особый неширокій рукавъ Томи), въ домъ купца Борковскаго, деревянный, въ два этажа. Мы занимали вверху одну его половину налѣво, а другую, правую, занимали хозяева; внизу помѣщалась прислуга, состоявшая на первыхъ порахъ изъ двороваго нашего человѣка Василья и изъ горничной дѣвушки Татьяны, нанятой въ Москвѣ. Въ кухнѣ, стоявшей у воротъ на дворѣ, поселились поваръ—полякъ изъ сосланныхъ, кучеръ—калмыкъ, по имени Осипъ, тоже изъ сосланныхъ, и два казака. Въ числѣ первыхъ лицъ, которыя стали мелькать у насъ въ домѣ, были двѣ дамы въ черномъ, мать съ дочерью, по фамиліи госпожи Берхъ, навязавшіяся намъ въ родню. Дочь преподнесла мнѣ, при первомъ же свиданіи, нѣсколько книгъ, съ изображеніемъ цвѣтовъ. Въ концѣ было объясненіе на двухъ языкахъ: русскомъ и французскомъ. Это были книги изъ остатковъ библіотеки покойнаго отца подносившей, француза Берха, который попалъ какимъ-то образомъ въ Сибирь довольно давно, ходилъ постоянно въ башмакахъ, отчего жители Томска (гдѣ этотъ Берхъ встрѣтился съ моимъ отцомъ, еще холостымъ) стали говорить, что у нихъ два Берга: «Бергъ въ сапогахъ и Бергъ въ башмакахъ».

Тогда отецъ мой занималъ немудрое мѣсто въ губернскомъ правленіи и былъ «Берху въ башмакахъ» не нуженъ; оттого никто изъ его фамиліи къ намъ никогда не заглядывалъ. А когда отецъ мой получилъ чинъ повыше, вдова «Берга въ башмакахъ» оказалась намъ вдругъ родней...

Вслѣдъ затѣмъ явилась и настоящая наша родня: братъ матушки, Павелъ Ефремовичъ, разжалованный, какъ выше было сказано, въ солдаты. Отецъ мой скоро уладилъ, что онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и записанъ въ томскій гарнизонъ.

Четвертымъ памятнымъ для меня лицомъ, вскорѣ показавшимся въ нашемъ домѣ, былъ человѣкъ довольно замѣчательный, нѣкто Матвѣй Матвѣевичъ Геденштромъ. Прошедшее его мнѣ неизвѣстно. Въ молодости онъ, живя въ Петербургѣ, въ чемъ-то провинился и былъ сосланъ въ глубокую Сибирь, въ каторжную работу. Въ видахъ облегченія ему тяжкой участи, мѣстныя власти (а можетъ и изъ Петербурга) предложили ему совершить поѣздку на сѣверъ отъ Новой Земли, въ страны, еще никѣмъ

непосѣщенныя. Онъ промахалъ на собакахъ верстъ 300—400, пока хватало пищи и дровъ, и потомъ описалъ это путешествіе. Конечно, это довольно рѣдкая, отважная и трудная поѣздка Геденштрома поставлена ему въ заслугу: его подвинули поближе къ Россіи, въ Иркутскъ (уже какъ обыкновеннаго посельщика) и тутъ отецъ мой встрѣтился съ нимъ въ первую службу свою въ Сибири, въ 1820-хъ годахъ, и далъ ему въ займы, въ очень трудныхъ обстоятельствахъ, 1,000 рублей, безъ всякой надежды получить ихъ когда-либо обратно. При встрѣчѣ съ отцомъ моимъ въ Томскѣ, въ 1830 году, Геденштромъ принесъ взятые у отца моего, Богъ вѣсть когда, 1,000 рублей и отдалъ. Отецъ мой указывалъ на этотъ фактъ, какъ знаменательный, свидѣтельствующій «о массѣ особыхъ честныхъ крѣпышей, которыхъ поглотили снѣга Сибири и помогли изъѣсть мошки да букашки».

Довольно скоро (можетъ къ осени того-же 1830 г.) отецъ мой завелъ почти ежедневныя поѣздки на острова рѣки Томи «камушки сбирать»: сердолики, халцедоны, топазы, которыхъ было тамъ необычайное множество. Такъ какъ я этому дѣлу былъ обученъ еще дорогой, то собираніе камушковъ пошло сейчасъ-же у меня очень успѣшно. Черезъ недѣлю съ небольшимъ изъ меня образовался опытный собиратель. Выше наслажденія, какъ ѣхать съ отцомъ на острова въ большой лодкѣ, при чемъ гребли всегда казаки, а на рулѣ сидѣлъ мой отецъ, для меня тогда не существовало. Это были первыя мои путешествія куда-то въ неопредѣленный край, далеко отъ дому. Что ни день, была какая нибудь новость: иной островъ, иной на немъ лѣсокъ, а порой можетъ и старый, казавшійся новымъ... Въ отдаленіи, по ту сторону рѣки, синѣли безконечные кедровые и сосновые лѣса, какъ темная рама у большой картины, лѣса, никому не принадлежащіе, куда могъ тогда ходить всякій, рубить дрова, валить деревья и увозить домой, сколько душѣ угодно. Эти же самые безконечные лѣса я видѣлъ и съ балкона нашего дома. Однажды хозяинъ Борковскій сказалъ моему отцу:

— Для чего это вы покупаете дрова, послали бы въ лѣсъ моего батрака—и конецъ.

— Но, вѣдь, батраку надо дать что-нибудь за труды, отвѣчалъ мой отецъ,—а тутъ, безъ всякихъ хлопотъ, я плачу по 25 коп. ассигнаціями за трехполѣнную сажень лучшихъ березовыхъ дровъ.

Хозяинъ все-таки упорствовалъ и увѣрялъ, что съ батракомъ это можно уладить гораздо дешевле. Рябчики были тогда въ Томскѣ на базарѣ 10 коп. ассигн. десятокъ!.. Можетъ быть, посредствомъ батрака можно было уладить это еще дешевле.

Поѣздки наши на острова не имѣли, конечно, никакой практической цѣли. Это была прогулка—и больше ничего. Камни, которыхъ мы привозили ежедневно цѣлые мѣшки, были невысокаго достоинства: всѣ они бѣлаго или мѣдно-желтаго цвѣта, изрѣдка съ красноватымъ оттѣнкомъ, небольшіе, а если и попадется большой, то непремѣнно въ трещинахъ. Сердоликъ кровавикъ, темный сердоликъ, голубой халцедонъ—дѣти другихъ странъ, другихъ мѣстностей Сибири или даже Индіи (какъ напр. зеленый сердоликъ). Мнѣ случалось находить сердолики пріятнаго краснаго цвѣта, но всегда очень маленькіе и обыкновенно не крупнѣе, какъ горохъ. Только однажды найденъ былъ мною малиновый, полосатый халцедонъ, величиною съ кулакъ. Голубыхъ халцедоновъ ни я, ни отецъ мой не находили рѣшительно никогда. Топазы, находимые нами, были постоянно не велики, въ голубиное яйцо и меньше. Случалось иногда подымать и небольшіе аэролиты.

Дома отецъ мой (любившій меня безъ памяти, такъ какъ изъ девяти сыновей я, послѣдній по рожденію, одинъ остался въ живыхъ) не спускалъ съ меня глазъ. Я, можно сказать, жилъ въ его кабинетѣ, находясь, большею частью, подлѣ его библіотеки, привезенной изъ Россіи и состоявшей изъ рѣдкихъ книгъ. Тамъ были всѣ наши тогдашніе классики, все знаменитое русское. Иностранныхъ книгъ отецъ мой не имѣлъ, такъ какъ не зналъ ни одного иностраннаго языка. Предметомъ его восторженнаго поклоненія былъ Державинъ, котораго лучшія оды онъ зналъ наизусть и поминутно читалъ изъ нихъ отрывки. Затѣмъ любилъ Крылова, Дмитріева, Ломоносова. Пушкинъ и Жуковскій были, по его мнѣнію, писатели неважные, мода на которыхъ должна была пройти, тогда какъ Державинъ вѣченъ. У Пушкина и Жуковскаго онъ замѣчалъ каждую небольшую ошибку: не то удареніе, отступленіе отъ инаго синтаксическаго правила. У Державина не видѣлъ никакихъ ошибокъ: ему все прощалось, какъ лицу исключительному, какъ генію; это было солнце безъ

пятенъ... Такихъ восторженныхъ поклонниковъ Державина между тогдашними стариками можно было встрѣтить довольно.

Позднѣе такихъ же поклонниковъ имѣлъ Жуковскій. Очень естественно, я сталъ, какъ попугай, повторять за отцемъ: «О, ты, въ пространствѣ безконечный», «Съ бѣлыми Борей власами», «Лицо скрываетъ день» и т. п., и до сихъ поръ знаю всѣ эти пьесы наизусть. А черезъ годъ сталъ сочинять стихи и самъ, подражая то Крылову, то Державину, а иногда писалъ и оригинальныя стихотворенія, гдѣ ямбъ нерѣдко мѣшался съ хореемъ. Никакихъ другихъ размѣровъ я не зналъ. Когда мнѣ пошелъ десятый годъ, я пересталъ мѣшать хореи и ямбы — и разсказалъ однажды исторію Войнаровскаго, своими словами, въ такихъ-же четырехстопныхъ ямбахъ, какъ она разсказана у Рылѣева. Кромѣ того, сдѣлалъ подобныя же переложенія нѣкоторыхъ его «Думъ».

Въ это время я уже былъ ученикомъ томскаго уѣзднаго училища, единственнаго тогда казеннаго учебнаго заведенія въ городѣ, гдѣ соединялись всѣ классы и сословія: дворяне, купцы, мѣщане, солдатскія дѣти и дѣти крестьянъ. Дворянское сословіе представлялось дѣтьми чиновниковъ, которыя ходили въ училище для проформы, чтобы только не повѣсничать и не баловаться дома; но учиться, какъ учились мѣщане, солдатскія дѣти и крестьяне, никто изъ чиновничьихъ дѣтей и не думалъ; учителя ихъ никогда ни о чемъ не спрашивали, смотрѣли на нихъ, какъ на сословіе привилегированное, имѣвшее право ничего не дѣлать. Сидѣли они всѣ на первой и второй лавкѣ во всѣхъ трехъ классахъ училища, а плебеи держались на заднихъ скамейкахъ.

Учителей во всѣхъ трехъ классахъ (приготовительномъ, первомъ и второмъ) было только трое: въ первомъ приготовительномъ классѣ училъ всѣмъ предметамъ Виноградовъ (имени его не помню). Въ первомъ классѣ училъ тоже всѣмъ предметамъ Александръ Алексѣевичъ Глаголевъ. Въ послѣднемъ, второмъ, классѣ былъ учителемъ всего Павлинъ Алексѣевичъ Поповъ. Директоръ училища, Новотроицкій, находясь постоянно во время ученья во второмъ классѣ, сидѣлъ за особымъ столомъ, въ углу, со своимъ секретаремъ.

Надзирателей никакихъ не существовало; наблюденіе за приходящими въ училище съ разныхъ концовъ города учениками

предоставлялось до прихода учителей двумъ сторожамъ, добродушнѣйшаго свойства отставнымъ солдатамъ, которые жили въ особой каморкѣ при училищѣ и ни о какомъ наблюденіи за учениками не думали. Оба они занимались въ свободные часы, т. е. все послѣобѣденное время (когда училище было заперто), ловлей соловьевъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, которыхъ потомъ продавали охотникамъ и любителямъ. Вся сторожка была увѣшана поэтому множествомъ нитяныхъ и деревянныхъ клѣтокъ, съ пѣвчими птицами, и страшно прокурена махоркой. Не смотря, однако-же, на крѣпкій и ѣдкій запахъ этой сторожки, гдѣ, сверхъ махорки, носились въ спертомъ воздухѣ и другія спиртуозныя вещества, распредѣлить которыя по сортамъ не взялась бы никакая химія,—ученики училища любили тамъ толочься въ дурную погоду. Въ хорошую погоду, преимущественно зимой, устраивались на дворѣ училища кулачные бои, стѣна на стѣну, гдѣ участвовали одни плебеи безъ дѣтей чиновниковъ; только сынъ одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, Кротова, родомъ сибиряка и самъ сибирякъ, крѣпкій и здоровый парень, рѣшился биться съ плебеями на кулаки. Когда происходили бои, кто нибудь изъ учениковъ становился за калиткой и давалъ знать товарищамъ, что учитель подходитъ, тогда бой прекращался; раскраснѣвшіеся, съ разбитыми носами и украшенные синяками, бойцы усаживались на лавки. Учитель всегда зналъ что происходило передъ его приходомъ, зналъ это и директоръ, но ни тотъ, ни другой не мѣшались въ это дѣло. Довольно было того, что ученики аккуратно ходили на лекціи и учились сносно.

Когда приближалась пора экзамену, который производился публично на актѣ училища, въ присутствіи его властей и высшихъ городскихъ сановниковъ: губернатора, вице-губернатора предсѣдателя губернскаго правленія, казенной палаты и т. п.,—дѣтей солдатъ, мѣщанъ, купцовъ и прочихъ низшихъ сословій экзаменовали какъ слѣдуетъ, правильно и выдавали каждому, по степени его знанія, свидѣтельство: похвальный листъ, а иныхъ награждали и книгами. Съ дѣтьми чиновниковъ дѣло было иначе: каждаго изъ нихъ учитель того класса, въ которомъ онъ находился, приглашалъ къ себѣ въ домъ и тамъ проходилъ съ нимъ ту часть предмета, которую намѣренъ былъ спросить,—ученикъ вызубривалъ отвѣтъ и очень исправно отвѣчалъ на экзаменѣ.

Я попалъ прямо въ первый классъ, минуя приготовительный (1831 г.), и сталъ ходить въ училище аккуратно, сопровождаемый сначала казакомъ, либо кучеромъ. А когда явился въ нашемъ домѣ дядя мой, Павелъ Ефремовичъ, проводы меня въ училище поручались обыкновенно ему. Назадъ, домой, возвращался я одинъ, не то съ двумя товарищами, Кротовымъ и Дѣевымъ, которые жили отъ насъ недалеко. Съ казакомъ и кучеромъ ходилъ я обыкновенно длинной улицей, налѣво изъ воротъ, потомъ базарной площадью и затѣмъ черезъ мостъ на рѣчкѣ Ушайкѣ, мимо всѣмъ извѣстнаго дома золотопромышленника и богача Шумилова. Дядя мой изобрѣлъ путешествіе покороче: черезъ базарную площадь, прямо къ Ушайкѣ, минуя мостъ, такъ что онъ едва-едва виднѣлся влѣво. На берегу Ушайки мой провожатый вырывалъ изъ земли одинъ изъ столбовъ, на которомъ прикрѣплялись цѣпями и запирались на замокъ рыбачьи лодки, сажалъ меня въ лодку и, раскачавшись, пихалъ ее такъ сильно, что она съ шумомъ бороздила воду и врѣзывалась въ другой берегъ; я выходилъ, подымался въ гору и шелъ къ училищу, которое было оттуда уже недалеко, а дядя мой, постоявъ немного на берегу, возвращался домой. Лодку, конечно, уносило потомъ волнами по теченію Богъ знаетъ куда. Что думали рыбаки объ этихъ регулярныхъ выворачиваніяхъ столбовъ и объ исчезновеніи ихъ лодокъ—ужъ я не знаю, только никогда не караулили похитителя и никакихъ исторій не происходило. Сколько было всего выворочено столбовъ и спущено по теченію Ушайки лодокъ во время пахожденія моего въ училищѣ—сказать трудно... Дядюшка мой считалъ такое поведеніе правильнымъ, а я не понималъ, хорошо-ли это или дурно, всегда съ удовольствіемъ соглашался на сокращеніе путешествія и въ выворачиваніи столбовъ видѣлъ только силу и находчивость дядюшки, а во всемъ—забавную и оригинальную переправу... Иногда, проходя базарною площадью, видѣли мы сплошную темную массу народа, собравшагося поглядѣть на наказаніе кнутомъ. Кнутъ взлеталъ на воздухъ, какъ черная палка, и падалъ. Изрѣдка слышались изъ середины крики. Наказываемые мущины кричали не всегда, но женщины постоянно. Мы подходили иной разъ близко. Я смотрѣлъ на жестокую казнь, какъ на самый обыкновенный спектакль, безъ всякаго смущенія и жалости. Объ этомъ такъ часто

говорили... Но еслибы мой отецъ зналъ на какихъ зрѣлищахъ бываетъ почти ежедневно его десятилѣтній сынъ, еслибы зналъ, что онъ почти крадетъ у бѣдныхъ рыбаковъ по лодкѣ въ день, ради не очень нужнаго сокращенія пути въ училище,— дядюшкѣ моему сильно-бы досталось... Но узнать моему отцу о подробностяхъ нашихъ путешествій съ дядюшкой было не отъ кого. Отношенія учителей училища ко мнѣ и къ дѣтямъ другихъ чиновниковъ были для отца моего тоже тайной. Онъ думалъ постоянно, что насъ хоть немного, но всетаки чему-нибудь да учатъ, что мы отвѣчали публично на актѣ естественно, безъ приготовленій въ домахъ учителей. Ему и въ голову не приходило, что я исключительный баловень и шелопай училища, которому извинялись всякіе безпорядки. Какъ-то разъ зимою я забылъ надѣть сюртукъ и накинулъ шубу прямо на рубашку. Недостатокъ необходимаго для училища костюма оказался на мѣстѣ, когда я пришелъ и сбросилъ съ себя шубу. Ученики всѣ захохотали, а начальство (учитель Павлинъ Алексѣевичъ и директоръ), тоже засмѣявшись, сказали: «ну оставайтесь такъ, чтожъ дѣлать!»—и я просидѣлъ весь классъ въ рубашкѣ.

Другой разъ, во время урока, влетѣлъ въ нашъ классъ воробей и сталъ биться о стекла въ одномъ окнѣ. Позабывъ все на свѣтѣ, я бросился ловить этого воробья, но онъ никакъ не давался въ руки и, перелетѣвъ на другое окошко, бился въ стекла и тамъ. Я туда, точно та же исторія. Весь классъ, учитель, директоръ и его секретарь гомерически хохотали; лекція прекратилась. Наконецъ, Павлинъ Алексѣевичъ воскликнулъ: «да поймайте ему этого воробья!» Нѣсколько учениковъ бросились къ окошкамъ и воробей былъ пойманъ—и выпущенъ на волю. Порядокъ возстановился. Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Преподаваніе пошло своимъ чередомъ.

Подошли послѣдніе экзамены,—выпускъ учениковъ въ свѣтъ. Павлинъ Алексѣевичъ сказалъ мнѣ, чтобы я побывалъ у него и, когда я пришелъ, объявилъ мнѣ, что «необходимо приготовить нѣсколько отвѣтовъ; что изъ географіи онъ спроситъ у меня главные города въ Европѣ и рѣки, чтобы я это хорошенько выучилъ. Изъ русскаго языка вопроса особаго не будетъ, но я долженъ выучить басню «Метафизикъ» Хемницера и сказать ее наизусть. Кромѣ того представить какой-нибудь рисунокъ горнымъ каран-

дашомъ. Причемъ далъ мнѣ голову какого-то римлянина и просилъ ее нарисовать на большомъ веленевомъ листѣ, наклеивъ его лично на свою доску. Я нарисовалъ дня въ три, въ четыре; выучилъ наизусть басню Хемницера «Метафизикъ», главные города и рѣки въ Европѣ и опять отправился къ Павлину Алексѣевичу. Онъ спросилъ у меня весь этотъ урокъ. Въ «Метафизикѣ» поправилъ чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ; голову римлянина, нарисованную мною весьма немудро, оставилъ у себя и превратилъ ее во что-то такое, чего я и никто изъ учениковъ ни за что бы не сдѣлали. Такихъ подготовокъ было произведено нѣсколько. Всѣмъ дѣтямъ чиновниковъ были заданы уроки. Только Павлинъ Алексѣевичъ не рисовалъ имъ никакихъ головъ.

Первымъ лицомъ на актѣ, когда я выходилъ изъ училища, былъ мой отецъ, правившій должность губернатора, что случалось нерѣдко, потому что губернаторъ, горный инженеръ, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, любилъ жить въ Барнаулѣ, центрѣ золотыхъ промысловъ Томской губерніи. Передъ отцемъ моимъ и нѣсколькими другими чиновниками высшихъ ранговъ, я пробормоталъ очень бойко билетъ изъ географіи; прочелъ «Метафизика», представилъ рисунокъ головы римлянина — и удостоился получить изъ рукъ моего отца похвальный листъ, послѣ чего важно раскланялся и сѣлъ на мѣсто. (Этотъ похвальный листъ цѣлъ у меня до сихъ поръ).

Разставаясь теперь съ училищемъ, о которомъ больше говорить не буду, я считаю нелишнимъ замѣтить, къ чести учениковъ дворянскаго происхожденія, что они держали себя относительно всѣхъ другихъ сословій очень правильно, по дружески и просто, и всѣ вмѣстѣ, куча ребятъ отъ восьмилѣтняго возраста, представляли одно цѣлое—веселый и живой кружокъ, гдѣ никакихъ крупныхъ безпорядковъ и безчинствъ не происходило рѣшительно никогда. Я не помню даже ни одной ссоры, формально ни одной, во всѣ два года пребыванія моего въ училищѣ.

Поѣздки на острова «собирать камушки» продолжались для меня точно также послѣ поступленія въ училище, какъ и до поступленія. Однажды мы поѣхали на острова большимъ обществомъ, въ нѣсколькихъ лодкахъ, гдѣ участвовали и дамы, жены и дочери чиновниковъ, наиболѣе знакомыхъ и

близкихъ нашему семейству. Мы проѣздили цѣлый день съ утра до поздней ночи, были гдѣ-то далеко и посѣтили острова, вовсе мнѣ неизвѣстные; это было для меня сущимъ праздникомъ; я бѣгалъ, какъ шальной, разсматривая незнакомые заливы и кусты. Отыскиваніе камушковъ было уже дѣломъ второстепеннымъ, лучше сказать—его не было вовсе. Я поднялъ около десятка сердоликовъ и положилъ ихъ въ карманъ—и снова бѣгалъ. Дамы ловили удочками рыбу. Мы съ отцемъ присоединились потомъ къ нимъ-же. Я поймалъ не менѣе десятка отличныхъ, большихъ карасей и еще какой-то рыбы. Ловъ былъ, вообще, какъ бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, удачный, сибирскій. Наловленныхъ нами и нашими людьми самыхъ разнообразныхъ рыбъ некуда было дѣвать. Среди дня былъ устроенъ на берегу подъ кустами импровизированный обѣдъ, который всѣмъ показался очень вкуснымъ. Вечеромъ чай и опять что-то ѣли. Конечно, рыба являлась на каждомъ блюдѣ. Долго мнѣ снилась эта поэтическая прогулка. Такихъ веселыхъ, полныхъ пріятными впечатлѣніями, дней я помню въ жизни моей немного.

Другія мои развлеченія состояли изъ посѣщеній вмѣстѣ съ родителями домовъ разныхъ знакомыхъ чиновниковъ и купцовъ, по большей части золотопромышленниковъ, имѣвшихъ въ Томскѣ богатые каменные дома и при нихъ сады, гдѣ они всячески силились развести фруктовыя деревья на воздухѣ, но всѣ ихъ усилія не приводили ни къ чему. Помню, какъ одинъ разсказывалъ намъ, что добился на одной яблони яблока, но и то сорока склевала. Разводить тепличныя растенія не было у жителей въ обычаѣ. Ни одинъ изъ богачей не имѣлъ даже крохотнаго зимняго сада. О персикахъ, сливахъ и другихъ плодахъ, воспитанныхъ оранжереями, не было и помина. Единственный плодъ, какой намъ случилось съѣсть во всю нашу жизнь въ Томскѣ, была четвертая доля яблока, привезеннаго изъ Россіи однимъ унтеръ-офицеромъ приказа общественнаго призрѣнія, Ефремовымъ, который командировался въ Петербургъ ежегодно при различныхъ казенныхъ транспортахъ; что̀ именно онъ возилъ—не знаю. Это меня нисколько не занимало. Помню только, что Ефремовъ захватывалъ съ собой всякій разъ довольно значительное количество рѣдкой и цѣнной рыбы, большею частію стерлядей, пудовыхъ и тяжелѣе, и преподносилъ ихъ въ Петер-

бургѣ разнымъ высокимъ лицамъ, за что получалъ хорошіе подарки. Онъ былъ очень видный собою и примѣрнаго поведенія солдатъ, оттого и назначался всякій разъ въ начальники оказіи, что зависѣло отъ моего отца. Вслѣдствіе этого онъ временами показывался въ нашемъ домѣ и имѣлъ счастіе или несчастіе влюбиться въ горничную моей матери, Татьяну, просилъ ея руки и получилъ согласіе, только съ условіемъ ѣхать въ Россію, когда отправятся туда господа. Тяжело было этому, не очень уже молодому сибиряку, оставить свою родину, конечно навсегда, но онъ рѣшился для своей Татьяны Ивановны и впослѣдствіи дѣйствительно уѣхалъ. Крѣпостной лакей нашъ Василій, изъ тамбовской деревни, о которомъ упомянулъ я выше, побѣдилъ сердце молодой и красивой служанки нашихъ хозяевъ. Стала тоже устраиваться свадьба..., какъ вдругъ отецъ мой узнаетъ, что Васька (какъ его обыкновенно звали) пропускаетъ къ нему просителей, получая отъ нихъ всякій разъ солидное вознагражденіе. Явились какіе-то крестьяне, которые нашли возможность пробраться къ моему отцу безъ доклада и спросили: «доходитъ-ли до васъ батюшка, ваше превосходительство, наша благодарность, которую мы препровождаемъ черезъ вашего лакея? Взяло насъ сумлѣніе: говорятъ, вы не берете,—куда-же идутъ наши денежки? Вотъ мы и осмѣлились утруждать вашу милость; простите насъ за простоту и смѣлость!»

Отецъ мой, въ высшей степени строго относившійся ко взяткамъ, остолбенѣлъ, услышавъ, что эта язва подобралась къ нему такъ близко. Спрошенный имъ, въ присутствіи челобитчиковъ, Васька ту-же минуту признался, что бралъ взятки съ просителей, являвшихся въ нашъ домъ, и не считалъ это за большой грѣхъ, такъ какъ всѣ лакеи берутъ. Отецъ мой объявилъ ему, что онъ пойдетъ въ солдаты. Сколько ни просили его чужіе и домашніе, между прочимъ и матушка, уменьшить мѣру наказанія, (говоря, что если отдавать за такіе пустяки въ солдаты, то надо всѣхъ тамбовскихъ лакеевъ отдать)—ничего не помогло, и мы скоро увидѣли Ваську въ солдатской шинели, которая была ему очень къ лицу. Какъ-то сразу онъ сталъ настоящимъ бравымъ солдатомъ. Дѣтина онъ былъ рослый, стройный и красивый, съ небольшими черными усами. Въ особенности было поразительно для меня то, что онъ ни на волосъ не измѣнилъ

своего характера и чувства къ нашему дому: былъ постоянно веселъ, ходилъ къ намъ (живя уже въ казармахъ) какъ добрый знакомый; относился къ отцу моему и къ матери такъ, какъ будто-бы они продолжали быть его господами. Его суженой было сейчасъ-же объявлено объ участи, его ожидавшей. Предполагали, что она не рѣшится идти замужъ за солдата. Куда тамъ! она сказала, что «ничто на свѣтѣ не измѣнитъ ея чувствъ къ Василію Ерооеевичу, что она пойдетъ всюду, куда-бы ни понесла его судьба, хоть-бы на каторгу. А солдатское званіе еще не великое несчастье». И свадьба была сыграна. Служанка, о которой я говорю, была женщина самаго простаго званія, дочь крестьянина одной изъ окрестныхъ деревень. Здѣсь кстати скажу я нѣсколько словъ о сибирскихъ крестьянахъ: они гораздо выше и развитѣе нашихъ русскихъ крестьянъ и живутъ несравненно чище и богаче, въ богатыхъ бѣлыхъ избахъ, мѣстами двухъ-этажныхъ и трехъ-этажныхъ, всѣ до одного пьютъ чай и одѣваются, какъ горожане. Города сибирскіе хуже россійскихъ, но деревни лучше нашихъ деревень несравненно. Это какъ-бы маленькіе города, мѣстечки, а не деревни. По крайней мѣрѣ, есть такіе, и не мало. Жить богаче, чище, просторнѣе нашихъ крестьянъ помогаетъ имъ, сверхъ свободы, еще и то обстоятельство, что они имѣли постоянно подъ рукою, сколько угодно, прекраснѣйшаго хвойнаго лѣсу, никому не принадлежавшаго, и точно-также сколько угодно земли. Лѣсъ они брали въ дремучихъ тайгахъ; но какъ они брали землю—это мнѣ неизвѣстно. Соблюдались или не соблюдались при этомъ какіе либо формальности, дѣлались или не дѣлались заявленія правительству?.. Что касается полученія во владѣніе земли чиновниками и купцами въ окрестностяхъ какого-либо города или села, гдѣ получающій жилъ, это дѣлалось такъ: надо было подать заявленіе, какъ кажется въ губернское правленіе, что вотъ де такой-то желаетъ занять для своихъ надобностей такое-то количество земли, тѣмъ-то, причемъ описывается подробно мѣстность съ приложеніемъ плана. Правительство всегда разрѣшало. Составлялся актъ и просимая земля становилась собственностью того или другаго лица, называясь его «заимкой». У рѣдкаго жителя Томска, мало-мальски зажиточнаго, не было подъ городомъ своей земли, съ домикомъ и службами. Иные домики были

довольно древняго происхожденія, смотрѣли деревенскими, куда совершались временами поѣздки знакомыхъ хозяина, давались тамъ вечера съ музыкой и танцами; на иныя заимки совершались изъ города, въ извѣстные годовые праздники, процессіи съ образами вслѣдствіе какого-нибудь преданія по старому обычаю. Часто цѣлый городъ подымался и шелъ за такой процессіей. На заимкѣ закусывали, отдыхали, къ вечеру вся гурьба отправлялась въ городъ обратно. Я по любви ко всякимъ путешествіямъ всегда напрашивался на подобныя странствія. Помню какъ на одной богатой заимкѣ у золотопромышленника Попова занималъ меня бьющій кверху фонтанъ, видѣнный мною впервые.

Случалось еще мнѣ ѣздить съ отцомъ, по воскресеньямъ, лѣтомъ, въ публичный садъ, на краю города, у рѣки. Я упомянулъ о бесѣдкѣ этого сада, видной издалека на горѣ, когда выѣзжаешь въ Томскъ изъ Россіи. Къ этой бесѣдкѣ тянулась широкая дорожка отъ воротъ, близь которыхъ, слѣва на лугу, стоялъ домикъ, что-то въ родѣ клуба, гдѣ играли въ карты. Подлѣ была устроена игра въ кегли. Тутъ же находилось мѣсто для музыкантовъ, которые изрѣдка дудили тамъ на мѣдныхъ трубахъ. Больше ничего не помню. Этотъ городской или публичный садъ былъ въ сущности не что иное, какъ часть огороженнаго частоколомъ кедроваго лѣса, гдѣ были и другія хвойныя деревья. Далѣе, когда смотришь изъ бесѣдки, что на краю сада, тянулись такіе же лѣса, которымъ конца не было. Одно дерево, кажется, кедръ, какъ-то особенно выдавалось изъ всѣхъ другихъ, какъ своимъ необычайнымъ ростомъ, такъ и широкими развѣсистыми вѣтвями. Преданіе говорило, что если подойти къ этому дереву, то уже не отойдешь. Я видалъ это дерево не только изъ бесѣдки городскаго сада, но и при многихъ путешествіяхъ съ образами на заимки. Первый, кто мнѣ разсказалъ объ его таинственныхъ свойствахъ, былъ нашъ кучеръ Осипъ, великій мой пріятель, который помогалъ моимъ шалостямъ, затѣямъ и играмъ; ловилъ для меня зимою и лѣтомъ разныхъ птицъ, клеилъ бумажныхъ змѣй и вмѣстѣ со мною запускалъ ихъ къ облакамъ. Однажды склеилъ мнѣ огромный змѣй изъ двадцати листовъ бумаги, но мы никакъ не могли его спустить, разрубили на четыре части и эти части полетѣли, какъ слѣдуетъ.

Зимою всегда у меня была гора, по тамошнему—катушка,

которую дѣлалъ тотъ-же Осипъ, съ казакомъ. Я выучился кататься не только на салазкахъ, правя толстыми, кожаными рукавицами, но и на ногахъ, и до сихъ поръ владѣю этимъ искусствомъ.

Въ послѣднюю зиму нашего пребыванія въ Томскѣ (необыкновенно холодную: однажды было 42 градуса морозу, по спиртовому термометру въ аптекѣ, а ртутные термометры замерзли), городъ былъ особенно оживленъ, балы за балами, вечера за вечерами, а у губернатора былъ даже маскарадъ. Меня нарядили матросомъ. Дѣти другихъ чиновниковъ обоего пола тоже были одѣты въ разные костюмы. Мы танцовали и играли въ разныя игры въ особой залѣ. На меня сдѣлала тогда впечатлѣніе дочь одного чиновника, Сашенька. Это была первая моя страсть. Я сталъ напрашиваться на поѣздки въ ихъ домъ, забирался къ Сашенькѣ на антресоли, болталъ съ нею всякій вздоръ и страстно цѣловалъ ея маленькія пухленькія ручки. Насъ оставляли однихъ иногда на нѣсколько часовъ сряду; никто не думалъ, чтобъ могла произойти какая-нибудь романтическая исторія между такими дѣтьми: мнѣ былъ девятый годъ, ей— шесть— семь...

Позже, лѣтъ черезъ 40, мы встрѣтились въ Петербургѣ. Она была уже сѣдая, неинтересная вдова. Мнѣ пришли, однако, на память старые сны и я написалъ стихотвореніе, напечатанное въ книгѣ Любви (стр. 54).

Весною слѣдующаго затѣмъ 1833 года, рѣка Томь разлилась такъ, какъ разливается одинъ разъ въ десятилѣтіе. Весь Томскъ потонулъ въ водѣ. Нижніе этажи всѣхъ домовъ залило. Такъ какъ кухня въ домѣ, гдѣ мы жили, стояла отдѣльно на дворѣ, то кушанье возили на лодкахъ. По улицамъ не могло быть, разумѣется, никакого другаго движенія, какъ только на лодкахъ.

Н. В. Бергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г.

III [1]).

Переѣздъ въ Тамбовскую деревню.—Шандроша.—Поступленіе въ гимназію.—Учителя.—Переходъ въ московскую гимназію.—Знакомство съ писателями.—Первые литературные труды. — Бывшій директоръ Кяхтинской таможни.—Первыя увлеченія.—Кружокъ славянофиловъ.—Редакція „Москвитянина".—Смерть антиковъ.

За полгода до выхода моего отца въ отставку, по выслугѣ полнаго пенсіона, матушка моя рѣшила отправиться съ нами (со мною и съ моей сестрой) въ нашу тамбовскую деревню, чтобы приготовить тамъ все для нашего постояннаго житья. Выѣхали мы въ послѣдніе мѣсяцы зимы 1833 года, въ просторной зимней повозкѣ, взявъ въ провожатые сибирскаго казака, рослаго и здороваго парня, лѣтъ 25. Онъ устроилъ себѣ особое сидѣнье сзади, говоря, что ему тамъ лучше будетъ. Лучше было собственно только съ той стороны, что онъ могъ напиваться спирту, который помѣщался сзади повозки въ баулѣ, служа въ помощь нашей дорожной кухнѣ, гдѣ мерзлые пельмени, которыхъ

[1]) См. „Русскую Старину" 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 293—319.

ѣхалъ съ нами цѣлый мѣшокъ, играли не послѣднюю роль. Изъ нихъ, при участіи бульона и кипятка, устраивался весьма сносный супъ. Въ Казани спирту уже не хватило. Надо было покупать новаго, но казакъ скоро выпилъ и этотъ.

Въ деревню въѣхали мы уже съ наступленіемъ весны и заняли старый ветхій домъ, который матушка начала сейчасъ-же перестраивать. Мы жили въ банѣ, въ большомъ саду. Для меня наступили совершенно новыя впечатлѣнія русской деревни. Я бѣгалъ цѣлый день по всему имѣнію, съ ордой крестьянскихъ мальчишекъ, которые учили меня лазить по высокимъ деревьямъ, играть въ клепъ, отыскивать въ травѣ сурѣпицу, купари и ихъ ѣсть. Чего-чего тогда не ѣлось въ теченіи цѣлаго дня, какихъ огородныхъ и полевыхъ произрастеній, и все это, впрочемъ, варилъ богатырскій желудокъ. Въ числѣ моихъ деревенскихъ развлеченій были наблюденія надъ однимъ рѣдкостнымъ типомъ старыхъ богатырскихъ временъ, Прокофіемъ Львовичемъ Давыдовымъ, котораго всѣ звали Шандроша. Онъ происходилъ отъ бѣдныхъ дворянъ, но въ немъ не было ничего дворянскаго: ни физіономіи, ни образованія, ни ухватокъ. Онъ смотрѣлъ отставнымъ солдатомъ и былъ въ самомъ дѣлѣ „отставнымъ солдатомъ“— Суворовскихъ дружинъ, бился съ турками подъ Кинбурномъ и въ другихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова, но не помнилъ ровно ничего изъ всѣхъ кампаній, въ которыхъ участвовалъ, кромѣ поединка своего съ какимъ-то турецкимъ богатыремъ, на Кинбурной косѣ. Главное, что отличало Прокофія Львовича отъ всѣхъ другихъ, были чрезвычайная физическая сила и здоровье; и тѣмъ и другимъ онъ страшно злоупотреблялъ, потѣшая грубыхъ и дикихъ помѣщиковъ деревни Лопатиной (гдѣ жилъ изъ милости на хлѣбахъ у богатаго инженера Кисловскаго) и другихъ окрестныхъ деревень, гдѣ онъ слонялся, не имѣя никакого дѣла, а думая только о томъ, какъ-бы напиться. Ему подносили, но требовали, чтобы онъ поджидалъ такого-то и задавалъ ему трепку. Обыкновенно травили такимъ образомъ заѣзжихъ купцовъ или мелкопомѣстныхъ дворянъ—и никто не жаловался.

Одинъ богатый помѣщикъ, отставной кавказскій полковникъ, который не считалъ себѣ равнымъ никого на значительномъ пространствѣ,—про него окрестные мужики говорили, что „судъ

весь у него: стало, куда-же съ нимъ тягаться!"—задалъ отъ скуки Шандрошу такую задачу: позволить себя облить водою изъ колодца въ трескучій морозъ,—разумѣется, въ костюмѣ праотца Адама,—и затѣмъ идти шагомъ въ кабакъ, гдѣ напиться водки, сколько ему угодно, и одѣться. Шандрошъ исполнилъ это — и не занемогъ. Я нашелъ еще въ деревнѣ стариковъ-свидѣтелей этой безобразной сцены, которые разсказывали о ней, какъ о происшествіи самомъ обыкновенномъ и ихъ ничуть не поражавшемъ.

Въ мое время, т. е. въ годъ пріѣзда нашего изъ Сибири и нѣсколько позже, — восьмидесятилѣтній Шандрошъ былъ еще крѣпкій, не знавшій никакихъ недуговъ старикъ. Лицо его было постоянно красное, какъ-бы вѣчно горѣвшее. Надо полагать, что и во всемъ тѣлѣ носилъ онъ вѣчный жаръ. Онъ не зналъ никакихъ теплыхъ одеждъ; и зимою и лѣтомъ его видѣли въ одномъ и томъ-же синемъ сюртукѣ, когда въ шапкѣ, когда безъ шапки, которую онъ какъ-нибудь терялъ, не то оставлялъ въ кабакѣ. Говорили еще, будто-бы его не кусала ни одна собака, будто-бы онъ бралъ иныхъ цѣпныхъ собакъ на руки, какъ телятъ, онѣ ласкались къ нему и лизали у него руки. Я ни разу не видалъ этого, но слыхалъ отъ людей, которымъ можно было вѣрить. Однажды я спросилъ у Шандроша: „почему его собаки не кусаютъ?"

—„Я суворовскую молитву читаю"—былъ отвѣтъ.

Будь я постарше, я бы записалъ эту молитву, ради курьеза, но тогда и въ голову не пришло. Шандрошъ былъ для меня любопытенъ, какъ одинъ изъ немногихъ уже представителей ушедшей отъ насъ далеко эпохи; какъ сила, какъ человѣкъ, у котораго, въ 80 лѣтъ, трещали кулаки, когда онъ ихъ сжималъ (явленіе, какого я послѣ никогда не видывалъ), который не зналъ, что такое морозъ, что такое болѣзни, наконецъ, какъ человѣкъ, который забавлялъ меня, изображая атаку суворовскихъ гусаръ... Какъ онъ былъ живъ въ то время, какъ бѣгалъ по комнатѣ, махая палкой! Конечно, такого спектакля не въ состояніи былъ-бы представить мнѣ молодой парень лѣтъ двадцати.

Поздно осенью 1833 года пріѣхалъ въ деревню мой отецъ и сейчасъ-же взглянулъ на порядки нашей жизни съ другой, такъ сказать, юридической точки зрѣнія, которая матушкѣ моей

была недоступна. Оказалось, что четыре наши дѣвки обвѣнчаны насильно однимъ сосѣдомъ на его крестьянахъ, отбита часть принадлежащихъ намъ луговъ... Отецъ мой сейчасъ-же завелъ тяжбу и выигралъ. Луга сейчасъ-же перешли опять въ наше владѣніе, а полученіе назначеннаго вознагражденія за дѣвокъ тянулось долго—и кончилось какимъ-то возкомъ, якобы стоющимъ четырехъ дѣвокъ.

Вглядѣлся мой отецъ и въ мою деревенскую жизнь. Знакомство съ ребятишками, учившими меня лазить по деревьямъ и отыскивать по лугамъ гарлюпу и купыри, прекратилось. Шандрошъ былъ удаленъ. А весной слѣдующаго 1834 года отецъ отвезъ меня въ Тамбовскую гимназію и помѣстилъ на житье у инспектора Булаха, гдѣ былъ пансіонеромъ также сынъ одного нашего сосѣда по имѣнію.

Порядки тогдашней Тамбовской губернской гимназіи были немногимъ чѣмъ выше только-что оставленнаго мною Томскаго училища. Ученики до прихода учителей дѣлали въ классѣ, что угодно. Единственный надзиратель, отставной офицеръ временъ Екатерины II, Василій Никифоровичъ (фамиліи не помню), называвшійся обыкновенно гимназистами Буланый, (вѣроятно по цвѣту лица), долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ во всѣхъ классахъ вдругъ. Онъ входилъ туда, гдѣ слышалось болѣе шуму, грозился безмолвно, выслушивалъ иногда крики: „буланый!“ и уходилъ. Точно тоже совершалось, когда гимназисты, послѣ перваго часа занятій, выбѣгали всей массой на такъ называемый огородъ, длинную полосу земли, между конюшнями и заборомъ, отдѣлявшимъ гимназическія владѣнія отъ садовъ чиновника Герасимова. Буланый показывался на одну минуту изъ-за строеній, въ своемъ старомъ форменномъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, грозилъ опять пальцемъ бѣгавшей въ разныхъ направленіяхъ толпѣ учениковъ и уходилъ. Такую форму исполненія своихъ надзирательскихъ обязанностей считалъ онъ совершенно достаточной. Начальство болѣе ничего не требовало.

Созданные позже (когда я былъ уже въ третьемъ классѣ), въ помощь Буланому, старшіе,—одинъ на классъ,—немного прибавили порядку. Ихъ „записываній“ никто не боялся. А иногда они и сами разрѣшали какой-нибудь легкій и, по ихъ мнѣнію, приличный безпорядокъ, напримѣръ: бѣганье отъ лавки до лавки

одного довольно стараго гимназиста Абрамова, прозывавшагося „дѣдушкой“, который во время бѣганья какъ-то особенно смѣшно хромалъ, (такъ что самъ старшій помиралъ со смѣху), либо сокращенное представленіе „Филатки и Мирошки“, не то „Стряпчаго подъ столомъ“, чтеніе юмористическихъ стиховъ. А до прихода этихъ старшихъ классъ дѣлалъ, разумѣется, по прежнему, что хотѣлъ.

Что касается нашихъ гимназическихъ учителей—большинство ихъ были люди весьма немудрые. Наиболѣе выдавался учитель математики, Левицкій, который зналъ свой предметъ превосходно и преподавалъ его ясно и хорошо. Онъ могъ быть профессоромъ математики въ любомъ университетѣ—и тамъ бы не ударилъ лицомъ въ грязь. Видъ онъ имѣлъ въ высшей степени оригинальный: крѣпышъ, сбитый какъ кремень, всегда въ форменномъ старомъ вицмундирѣ, кое-какъ причесанный, сумрачный, съ толстой палкой въ рукѣ. Со всѣми, кто ему оказывалъ сопротивленіе или дѣлалъ что-либо непріятное,—онъ расправлялся лично, тутъ-же на улицѣ или гдѣ случится. Иногда припускался за учениками и непремѣнно догонялъ и начиналъ возить. Бѣгалъ удивительно.

За нимъ непосредственно шли учителя латинскаго языка, оба семинаристы, знавшіе свое дѣло какъ слѣдуетъ. Учитель французскаго языка былъ тоже не дуренъ и понималъ, что ученики переводили ему по-русски; но нѣмецкій—формально ничего не понималъ и удовлетворялся какими угодно практическими упражненіями учениковъ. Обыкновенно писалась на одной половинкѣ листа басня по-нѣмецки, на другой—ея русскій переводъ. Учитель прочитывалъ нѣмецкій текстъ, а въ русскій и не заглядывалъ. Если по-нѣмецки было написано сносно—подписывалось „хорошо“. По-русски могло быть вовсе не хорошо. Одинъ шутъ гороховый изъ гимназистовъ подалъ упражненіе: Die Blume. По-русски переводъ начинался такъ: „Цвѣтъ! А какой цвѣтъ—не вѣмъ, и басни сей перевода не имамъ“.... Учитель аттестовалъ: „хорошо“. Исторія и географія преподавались кое-какъ по книгамъ. Учитель прочитывалъ, ученики отмѣчали въ своихъ книжкахъ—и потомъ „вызубривали“.

Всего небрежнѣе читался русскій языкъ учителемъ Петромъ Абрамовичемъ Преображенскимъ, по фамиліи, надо думать,

семинаристомъ, но онъ нисколько не былъ похожъ на семинариста. Обыкновенно, говорили, что онъ очень „талантливъ“. Въ чемъ именно выражался его талантъ—ужъ не знаю. Читалъ онъ что ему вздумается, по книгамъ и безъ книгъ, и вѣчно былъ пьянъ.

Ходили учителя кто въ вицмундирѣ, кто въ какомъ случится сюртукѣ—коричневомъ, сѣромъ, черномъ. Директоръ Петровъ являлся въ гимназію, много-много разъ въ мѣсяцъ, всегда въ сѣренькомъ сюртукѣ, обходилъ классы, ни съ кѣмъ не говоря ни о чемъ, и удалялся. Инспекторъ ходилъ чаще, но также безмолвно. Однажды былъ какой-то ревизоръ, остался не очень доволенъ положеніемъ гимназіи, сдѣлалъ какія-то замѣтки въ записной книжкѣ, даже записалъ туда одного ученика, показавшагося ему большимъ шалуномъ. Разумѣется, этой ревизіи мы не видѣли. На праздники и всякіе отдыхи гимназистовъ начальство смотрѣло такимъ образомъ, что разъ уволило воспитанниковъ отъ ученія единственно по тому поводу, что черезъ городъ проходилъ въ парадной формѣ кирасирскій полкъ.

Разъ въ году бывалъ въ гимназіи торжественный актъ. Говорились рѣчи, раздавались наиболѣе отличившимся ученикамъ книги, похвальные листы, имена самыхъ лучшихъ записывались на золотую доску. На одномъ изъ такихъ актовъ я читалъ свое стихотвореніе: „Ночь“. Въ четвертомъ классѣ я застрялъ. Отецъ мой, по совѣту одного пріятеля, петербургскаго жителя, Алексѣя Аѳанасьевича Андреева, который былъ проѣздомъ въ Тамбовской губерніи, рѣшился отвезти меня въ Москву. Это имѣло очень важное значеніе въ моей жизни.

Первая московская гимназія (у Пречистенскихъ воротъ), куда меня отдали на полный пансіонъ, съ платою 300 руб. въ годъ, была похожа на гимназію, даже считалась, изъ всѣхъ четырехъ московскихъ гимназій, лучшею, вслѣдствіе чего ей даны особыя права: выпускать послѣдній 7-ой классъ въ университетъ безъ экзамена, чѣмъ пользовались тогда немногія гимназіи Россіи (между прочимъ, Рязанская).

Иные порядки, иные учителя, иной взглядъ на науку, иной кругозоръ подѣйствовали на меня сразу благотворно. Поэзія моя развилась подъ общими впечатлѣніями столицы. Учитель греческаго языка, читавшій его съ увлеченіемъ и поэтически, и притомъ самъ поэтъ, Игнатій Андреевичъ Коссовичъ (братъ извѣст-

наго оріенталиста Каэтана Андреевича Коссовича), узнавъ о моей склонности къ воспроизведенію разныхъ иноземныхъ поэтовъ въ переводахъ на русскомъ языкѣ, предложилъ мнѣ познакомиться съ польскимъ поэтомъ Мицкевичемъ. Я сталъ къ нему ходить и читать съ нимъ Дзядовъ, потомъ Конрада Валенрода и разныя мелкія стихотворенія, по виленскому изданію Завадскаго, въ 16-ю долю. А нѣсколько позже прочелъ кое-что изъ Пана Тадеуша, по изданію Еловицкаго, въ двухъ томахъ, которыми снабдилъ меня М. Н. Катковъ, тогда еще безвѣстный гражданинъ Москвы, не имѣвшій никакого мѣста, жившій стѣсненно. О немъ говорили, однако, что это очень талантливый человѣкъ, переводчикъ „Ромео и Юліи“ Шекспира, кое-какихъ мелкихъ стихотвореній изъ Гейне; что онъ скоро будетъ профессоромъ философіи въ московскомъ университетѣ. Финансы Каткова были тогда въ такомъ плачевномъ состояніи, что онъ пришелъ разъ ко мнѣ и спрашивалъ, кто мнѣ дѣлаетъ статское, не форменное платье. Я рекомендовалъ ему своего крѣпостнаго портнаго, жившаго въ Москвѣ по паспорту.

Поэзія Мицкевича сильно увлекала меня. Я учился по-польски страстно, какъ ни одному предмету въ гимназіи, хотя и въ гимназіи учился сносно (въ шестомъ и седьмомъ классахъ былъ то первымъ, то вторымъ ученикомъ по пересадкѣ). Я много переводилъ изъ Мицкевича. Объ этомъ узнали вдругъ директоръ гимназіи, Матвѣй Алексѣевичъ Окуловъ, и профессоръ русскаго языка и словесности въ московскомъ университетѣ Шевыревъ. Окуловъ устроилъ спеціально для меня нѣсколько литературныхъ вечеровъ, гдѣ я читалъ переводы съ польскаго, съ чешскаго и съ сербскаго. Шевыревъ письменно приглашалъ меня участвовать въ „Москвитянинѣ“; потомъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ, познакомилъ съ Погодинымъ, Гоголемъ, Павловымъ, Аксаковыми, Карновичемъ, Хомяковымъ, Кошелевымъ... Окуловъ познакомилъ съ Загоскинымъ, Шаховскимъ (бывшимъ директоромъ московскихъ театровъ).

Кругу этихъ литераторовъ и любителей словесности (болѣе всего Шевыреву) обязанъ я народнымъ, точнѣе сказать, славянскимъ направленіемъ моей музы. Я изучалъ съ любовью славянскихъ поэтовъ, переводилъ съ польскаго, чешскаго, сербскаго. Первымъ серьезнымъ трудомъ былъ переводъ Краледворской руко-

писи, напечатанный въ сборникѣ Панова. Тамъ-же, черезъ годъ, напечатаны были мои переводы сербскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ собранія Вука Стеф. Караджича. Переводы съ польскаго я печаталъ въ „Москвитянинѣ“, прикрывая иное маскою, которую никогда не умѣла поднять тогдашняя безграмотная цензура. Мнѣ подмигивали только студенты-поляки, которые всегда знали, какъ, что и откуда.

„Домой“, въ отпускъ, я ходилъ изъ гимназіи къ одному старому пріятелю и сослуживцу моего отца по Сибири, Н. А. З., который въ послѣдніе годы своей службы (въ концѣ 1820-хъ и отчасти 1830-хъ годовъ) имѣлъ весьма „кормное“ мѣсто директора кяхтинской таможни, которое получилъ (какъ самъ признавался) за большую взятку какому-то высокопоставленному лицу въ Петербургѣ.

Женатъ онъ никогда не былъ; въ Кяхтѣ было ему нестерпимо скучно — одному какъ перстъ въ богатыхъ директорскихъ покояхъ; хозяйство шло безтолково, некому было присмотрѣть за бѣльемъ, за обѣдами; при наплывѣ гостей онъ просто-напросто терялся. А денегъ и чаю, самаго рѣдкостнаго, много. Можно было-бы запаливать пирушки хоть куда, но какъ это сдѣлать?.. Взять сожительницу изъ мѣстныхъ купчихъ или мѣщанокъ и ей вручить бразды домашняго правленія—старику не хотѣлось: пойдутъ сплетни, шалости, найдется огромная родня... это пуще иной женитьбы!.. Директоръ (довольно практичный и осторожный въ жизни человѣкъ) припомнилъ, что у него осталось въ Россіи тьма-тьмущая бѣдной родни. Есть между прочимъ довольно пожилая сестра О. А. З. Онъ написалъ ей, чтобы она пріискала ему въ Москвѣ молодую и пріятную подругу жизни, и пріѣзжала-бы вмѣстѣ съ нею править его хозяйствомъ въ Кяхту. О. А. обрадовалась неслыханно: пріискала красивую скромную дѣвушку лѣтъ 18—20, въ одной бѣдной семьѣ московскихъ мѣщанъ, росписала ей блистательное положеніе своего брата въ Кяхтѣ (одно изъ первыхъ лицъ въ городѣ, генералъ; денегъ куры не клюютъ, можетъ обезпечить и ее и всѣхъ ея родныхъ на всю жизнь). Собрались живо и поѣхали. Домъ Н. А. въ Кяхтѣ принялъ совсѣмъ другой видъ. О. А. имѣла страусовый желудокъ, способный поглощать какую угодно тяжелую пищу круглый Божій день, вслѣдствіе чего кухня значительно

улучшилась. Самовары не сходили со стола. Чаи пились такіе, какіе не всегда, можетъ статься, подавались богдыхану.

Въ 1833 г. Н. А. счелъ своевременнымъ подать въ отставку. Говорили иные, будто-бы послѣдовало нѣкоторое побужденіе... Тронулись въ путь въ двухъ огромныхъ экипажахъ: въ одномъ ѣхалъ самъ директоръ съ сестрою, сожительницею и двумя небольшими дѣтьми. Въ другомъ—прислуга, между прочимъ двое молодыхъ калмычатъ, купленныхъ незадолго до отъѣзда за какую-то бездѣльную сумму (рублей за 10) и сейчасъ-же окрещенныхъ въ православную вѣру. Одинъ, Александръ, на дорогѣ захворалъ и умеръ, а другой, Платонъ Евграфовичъ (по крестному отцу), доѣхалъ благополучно до Москвы, въ званіи камердинера Н. А. и имъ оставался до конца.

Бывшій директоръ кяхтинской таможни остановился въ Москвѣ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ и началъ пріискивать себѣ для постояннаго житья собственный домъ. Скоро одинъ деревянный, но весьма помѣстительный домъ съ антресолями и двумя особыми флигелями, на Поварской, въ приходѣ Бориса и Глѣба (нынѣ—1884 г.—Бѣлевцова, между Хлѣбнымъ и Скатертнымъ переулкомъ), понравился всей семьѣ сибирскихъ антиковъ—былъ пріобрѣтенъ, отдѣланъ въ лучшемъ видѣ, снабженъ хорошею мебелью, въ числѣ которой находились рояль и органъ оркестріонъ, работы первыхъ московскихъ органистовъ Бругера и Фуртвенглера. Стѣны въ гостинной увѣшаны картинами, яко-бы старинныхъ мастеровъ, изъ мѣняльной лавки Волкова. На столахъ въ простѣнкахъ фронтальной стѣны стояли, передъ длинными зеркалами, двое бронзовыхъ часовъ.

Послѣ этого старики отслужили какъ слѣдуетъ молебенъ и въѣхали въ свои владѣнія. Какъ-то довольно скоро отыскались у нихъ еще родственники и родственницы, и притомъ довольно близкіе: дѣти трехъ братьевъ директора, круглыя сироты, жившія неизвѣстно какъ и чѣмъ. Н. А. пріютилъ у себя въ новомъ домѣ сейчасъ же трехъ племянницъ и двухъ племянниковъ. Кромѣ того четверо племянниковъ (трое военныхъ и одинъ статскій) ходили временами къ старикамъ, обѣдали, а иногда и ужинали и даже ночевали.

Что съѣдалъ ежедневно этотъ домъ—трудно себѣ представить. Говорили будто-бы однѣхъ сливокъ выходило въ мѣсяцъ на 200 рублей.

Старики жили сначала очень открыто. По воскресеньямъ сходилось у нихъ человѣкъ 20—30 обѣдать. Вечеромъ музыка, парадный чай. Раскупоривались рѣдкостные цыбики, привезенные изъ Кяхты. Особыми ароматами наполнялись отъ этого покои. Время отъ времени дѣлались балы и вечера—собственно для молодыхъ племянницъ. Былъ случай, что приглашали изъ театра танцора позабавить публику танцами.

Я уже не засталъ всѣхъ этихъ блесковъ и тресковъ. Остались только воскресные обѣды. Старики видимо стали думать о бо̀льшемъ сбереженіи гроша; дошли даже до нѣкоторой скаредности, занимали зачѣмъ-то деньги и были туги на расплату. Дорогіе чаи были распроданы. Оставлены только два-три свинцовыхъ ящика, изъ числа привезенныхъ изъ Кяхты. Ихъ откупоривали очень рѣдко, не болѣе одного раза въ годъ. Чаи для ежедневнаго употребленія покупались цыбиками у Боткина и сортировались дома, на большихъ простыняхъ, при помощи его прикащиковъ. Пилось чаю всетаки очень много. Въ чемъ другомъ, а въ хорошемъ чаѣ и столѣ старики не могли себѣ отказать. Ѣли отлично до конца жизни и любили ѣсть не одни.

Удивительно для посторонняго наблюдателя проходила жизнь антиковъ. Бо̀льшаго однообразія и монотонности трудно спрашивать. Утро, послѣ чая въ компаніи трехъ племянницъ, а иногда и двухъ-трехъ племянниковъ, проводили старики въ спальнѣ О. А., на диванѣ, поставленномъ такъ, что можно было видѣть, въ два большія окна, улицу и противоположный тротуаръ съ домами. Подлѣ стариковъ всегда играли ихъ собачки. Старикъ держалъ постоянно въ правой рукѣ синій платокъ, чтобы утирать носъ. Такъ они просиживали цѣлое утро часовъ съ одиннадцати до трехъ, говоря всякій вздоръ и наблюдая за проѣзжими и за прохожими. Иной прохожій до такой степени заинтересовывалъ хозяйку, что она кликала человѣка, который обязанъ былъ находиться бо̀льшую часть дня въ передней, единственно для отпиранія дверей и разрѣшенія разныхъ мудреныхъ вопросовъ въ родѣ слѣдующаго: „не видалъ-ли ты, батюшка, сейчасъ прошелъ тутъ человѣкъ, несъ что-то зеленое на плечахъ и повернулъ направо?“

— Нѣтъ-съ, не видалъ!

„Хорошо, ступай!“

И опять сидѣніе, ласканіе собачекъ и разговоры о всякихъ пустякахъ. Если раздавался звонокъ, старикъ бо́льшею частію вскакивалъ на ноги и потомъ его уносило какимъ-то вѣтромъ въ сторону, гдѣ зазвонили. Бѣда, если человѣка въ передней не было и дверей долго не отворяли: старикъ выказывалъ самое дѣтское нетерпѣніе, хотѣлось узнать что̀ это такое, кто прибылъ? Нѣтъ-ли чего интереснаго? Такъ какъ почти всегда дѣло оканчивалось вздоромъ (письмо или записка къ племяннику, не то къ племянницѣ... какая-нибудь газета, билетикъ.)—старикъ сердито усаживался на прежнее мѣсто, опять смотрѣли въ окошки, опять болтали вздоръ, ласкали собачекъ.

Въ три часа акуратно сервировался домашній обѣдъ человѣкъ на шесть, на семь. Обѣдъ составлялъ нѣчто весьма существенное для обоихъ стариковъ, въ особенности для старухи. Она наливала себѣ супу въ тарелку, столько, что, казалось, налито двѣ тарелки, а не одна. Обо всѣхъ другихъ блюдахъ можно сказать то же самое. Кости обгрызались и объѣдались такъ, что потомъ трудно было найти что-нибудь погрызть даже собакѣ. Однажды человѣкъ убралъ тарелку съ костями раньше, нежели слѣдовало, и бросилъ собакамъ. Поднялись крики: „гдѣ кости? что вы никогда не спросите? Сейчасъ ужь и хватать!“

Человѣкъ сказалъ: „кости? вотъ онѣ: я сейчасъ подамъ!“

Отогналъ собакъ, уложилъ кости въ тарелку, какъ были, и принесъ; старуха еще съ полчаса ихъ обгрызала, сосала и возилась съ ними...

Затѣмъ слѣдовалъ довольно серьезный отдыхъ. Старики спали каждый у себя со своими собачками вплоть до вечерняго чая, который распивался точно также, какъ утренній, въ компаніи племянниковъ и племянницъ, а иногда и постороннихъ гостей. За чаемъ очень много съѣдалось булокъ, сухарей и другаго печенья. Послѣ чая, часовъ въ девять, устраивалась неизбѣжная игра въ преферансъ. Партію старикамъ составляла которая-нибудь изъ племянницъ. Племянники садились играть рѣдко, такъ какъ это было неимовѣрно-скучно. За отсутствіемъ или нездоровьемъ обычныхъ партнеровъ, ихъ замѣняла сожительница—тогда уже баба лѣтъ тридцати слишкомъ, но еще румяная и здоровая. Она была начальница дѣвичьей, завѣдывала устройствомъ чаевъ, даже

сама ихъ разливала. Характера она была спокойнаго, хорошаго, держала себя въ отношеніи разныхъ лицъ съ большимъ тактомъ, оттого ее всѣ любили и уважали.

Она-ли составляла партнера для стариковъ въ вечернемъ преферансѣ или другія лица—всѣмъ слѣдовало играть такъ, чтобы никакъ не выиграть. Иначе старики вскакивали со своихъ мѣстъ въ заключеніи игры, сердитые, бросали карты и бранились.

Въ 12 часовъ ночи подавали ужинъ, такой-же серьезный, какъ обѣдъ. Старуха ѣла съ тѣмъ-же азартомъ, также обгрызала и обсасывала кости. Надо знать, что зубы у нея были въ чрезвычайномъ порядкѣ всѣ до одного, какъ у молоденькой здоровой барышни, никогда не болѣли и сама она не знала что̀ такое значитъ хворать.

Послѣ ужина всѣ расходились спать. Старуха тутъ-же и засыпала, а старикъ довольно долго читалъ какой-нибудь новый или старый романъ, какого угодно писателя. Онъ говаривалъ мнѣ не разъ, что ему рѣшительно все равно что̀ ни читать: первую часть, третью часть мимо второй и первой, лишь-бы читалось.

Слѣдующій день стариковъ былъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на тотъ, который прошелъ....

Молодежь занималась въ это самое время своими дѣлами. На женской половинѣ шли толки болѣе всего о томъ, какъ-бы поскорѣе выпрыгнуть изъ тяжелаго, зависимаго положенія. Мужская половина совершала утреннія свои похожденія на службу и куда придется, потомъ, пообѣдавъ со стариками и поспавши, отправлялась на вечернія похожденія, совершенно непохожія на утреннія, не то въ театръ (насколько позволяли доходы, т. е. жалованье, которое у самаго старшаго племянника В. Е. З., малаго уже лѣтъ 30 слишкомъ, простиралось только до 35 р. въ мѣсяцъ) или, наконецъ, оставалась дома, читала повѣсти Марлинскаго, старыя и новыя, Лермонтова и что удавалось достать. Если не было чтенія, болтали о театрѣ, о разныхъ городскихъ происшествіяхъ; чаще всего предметомъ разговоровъ

Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ казакъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежный

Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.....

Василій Евграфовичъ и его гости, такіе-же небольшіе чиновники, какъ и онъ самъ, разсказывали другъ другу о своихъ успѣхахъ въ томъ или другомъ домѣ, о какихъ-то красавицахъ. Я прислушивался къ этимъ разсказамъ съ замираніемъ сердца; они занимали меня больше, чѣмъ всякія повѣсти Марлинскаго и всѣхъ другихъ писателей. Въ скоромъ времени отыскались и предметы обожанія, прежде всего--одна молоденькая голландка въ магазинѣ съ разными буттербродами, сырами, колбасами, ветчиной, масломъ. Я написалъ ей множество стиховъ и вспоминаю о ней въ „Книгѣ любви“ на стр. 64, въ одномъ польскомъ стихотвореніи, написанномъ гораздо позже, въ Варшавѣ. Потомъ меня плѣняли разныя актрисы, которыхъ я видѣлъ изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, и потому судить объ ихъ красотѣ настоящимъ образомъ не могъ. Просто нравилось неизвѣстно что, пришла такая пора; я влюблялся чуть не всякій день.... Пріѣхала къ З—мъ изъ Рязани одна помѣщица съ дочерью-невѣстой. Онѣ узнали, что я немного поэтъ, хорошо читаю свои и чужіе стихи и стали приглашать меня по вечерамъ къ себѣ на чтенія. Старуха дремала на диванѣ, а я подлѣ читалъ за маленькимъ столомъ и скоро выучилъ дочку ставить мнѣ, во время чтенія, на ноги свои маленькія ножки, подавать руку; потомъ мы стали цѣловаться, завели переписку и были пойманы.... Мать поспѣшила уѣхать въ деревню. Я былъ скоро утѣшенъ пріѣздомъ другой барышни изъ Оренбурга, потомъ еще другой изъ Смоленска.... нашлось нѣсколько мѣстныхъ. В. Е. вмѣсто того, чтобы устранять меня отъ такихъ раннихъ донжуанскихъ похожденій, напротивъ, всячески мнѣ помогалъ, старался одѣть меня къ лицу, причесывалъ мнѣ волосы, душилъ меня своими духами.... даже бывалъ иногда моимъ повѣреннымъ, передавая письма, стихи.

Когда я сдѣлался студентомъ, получилъ полную свободу, ходилъ когда и куда хотѣлъ, никого не спрашиваясь,—похожденія, разумѣется, увеличились.... Въ числѣ моихъ новыхъ наставниковъ по этой части очутился одинъ студентъ, страстный охотникъ съ ружьемъ, немного поэтъ, немного пѣвецъ и любитель итальянской оперы, Н. Н. В. Онъ былъ некрасивъ, рыжій, но

неимовѣрно ловокъ и счастливъ въ своихъ ухаживаньяхъ за разными женщинами: барынями, барышнями, горничными, деревенскими бабами и дѣвками. Впрочемъ, за иныя похожденія ему приходилось серьезно расплачиваться...

По выходѣ изъ университета я сталъ сближаться съ разными литературными кружками Москвы, уже какъ человѣкъ, принадлежащій свѣту, не мальчикъ, не воспитанникъ учебнаго заведенія. Ближе всѣхъ былъ для меня кружокъ славянофиловъ, гдѣ первымъ, наиболѣе выдающимся, лицомъ считался поэтъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, человѣкъ очень богатый, имѣвшій нѣсколько деревень и большой каменный домъ въ Москвѣ на Собачьей площадкѣ, гдѣ жилъ съ семействомъ, и другой на углу Петровки и Хамовнаго переулка, нанимаемый постоянно одной изъ лучшихъ кондитерскихъ. Говорили одно время, что Хомяковъ продалъ какую-то часть своихъ имѣній за милліонъ рублей... Легко понять отсюда, что глава Славянофильскаго кружка ни въ чемъ не нуждался; въ службѣ не нуждался, жилъ въ свое удовольствіе, дѣлая временами набѣги на Европу. Болѣе всего любилъ онъ Англію. Впрочемъ и другіе члены этого кружка могли назваться людьми независимыми.

Александръ Ивановичъ Кошелевъ былъ прямо богачъ, имѣя кареты, нѣсколько деревень въ Рязанской губерніи и большой каменный домъ въ Москвѣ на Поварской. Ходили слухи, что онъ нажилъ деньги откупами въ доброе старое время, а потомъ бросилъ заниматься этимъ дѣломъ, неприличнымъ для образованнаго дворянина, сталъ корчить московскаго барина, помѣщика, получая будто-бы до ста тысячъ рублей годоваго дохода. Разъ заплатилъ за долги своего единственнаго сына, армейскаго кутилы и поклонника цыганокъ, 6000 р., а въ другой разъ — 100.000!... Такъ разсказывали!

Самарины были извѣстные богачи. Аксаковы (старикъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ съ сыновьями Константиномъ, Иваномъ и Григоріемъ) были тоже не бѣдные люди. Затѣмъ Елагины, Кирѣевскіе, Пановъ, Свербѣевы, Павловъ, (стоявшій одной ногой въ кружкѣ славянофиловъ, а другой—у западниковъ),— не нуждались и не служили. Только Свербѣевъ направилъ своихъ дѣтей по юридической дорогѣ.

Естественнѣе всего для меня было пристать къ этому кружку,

можно сказать, единственному солидному кружку московской интеллигенціи; западниковъ въ Москвѣ было такъ мало, что ихъ нельзя было назвать кружкомъ. Сердце ихъ было далеко отъ славянофиловъ, но они, тѣмъ не менѣе, поневолѣ съ ними вязались,—однако-же странно: я никакъ не могъ съ ними сблизиться, чувствуя, что въ этомъ кружкѣ, не смотря на его солидность, на почтенныя, извѣстныя вездѣ, фамиліи его членовъ, людей, безъ сомнѣнія, честныхъ и хорошихъ — есть какая-то фальшь; что они, въ сущности, только толкутъ усердно воду, что-то хотятъ сказать и не договариваютъ, ничего не выходитъ. Выходитъ отсутствіе настоящей почвы, безцвѣтность, натянутость, неясность стиховъ и прозы, извергаемыхъ въ изобиліи Хомяковымъ. Кого убѣждали всѣ эти Бѣлграды и Софіи, всѣ эти воздыханія въ риѳмахъ Константина Аксакова и отчасти Ивана. Все это было, увы, безталанно или, по крайней мѣрѣ, малоталанно и если восхищало кого, такъ только авторовъ и ихъ друзей, да и то не всѣхъ. Самыя одежды славянофиловъ мнѣ были не по нутру. Было даже непріятно, что обстоятельства втянули меня въ редакцію „Москвитянина“,—журнала, считавшагося славянофильскимъ, хотя онъ славянофильскимъ, въ строгомъ смыслѣ, никогда не былъ. Меня тянуло постоянно въ Петербургъ въ „Отечественныя Записки“, въ „Современникъ“, но близость моя съ Шевыревымъ и съ Погодинымъ, (не бывшими славянофилами, какъ Аксаковы, Хомяковъ, но стоявшими къ нимъ всетаки ближе, чѣмъ къ западникамъ), дѣлали переходъ въ другой лагерь для меня совершенно невозможнымъ. Потомъ я какъ-то свыкся съ „Москвитяниномъ“, въ особенности послѣ того, какъ тамъ стали появляться талантливые люди, совсѣмъ иного закала: Аполлонъ Григорьевъ, Мей, Эдельсонъ, составлявшіе кучку людей, которымъ одряхлѣвшій и погруженный въ свои историческія изслѣдованія Погодинъ ввѣрилъ до нѣкоторой степени завѣдываніе дѣлами редакціи.

Появленіе въ свѣтъ комедіи „Банкрутъ“ (позже названной: „Свои люди—сочтемся“) выдвинуло мгновенно изъ всѣхъ литературныхъ именъ Москвы имя Островскаго. Комедія эта была прочтена при большомъ стеченіи народа у Погодина, въ кабинетѣ его, на Дѣвичьемъ полѣ. Была тамъ только-что пріѣхавшая изъ Петербурга на прочное житье въ Москву графиня Ростопчина

(послѣ исторіи съ „Насильственнымъ Бракомъ“—потеря способствовала ей много къ украшенью). Былъ Гоголь, кажется, Граповскій. Авторъ „Банкрута“ пристроился, естественно, къ кружку молодыхъ редакторовъ „Москвитяпина“. Пьесы Писемскаго: „Ипохондрикъ“, „Тюфякъ“ тоже читались у Погодина и тоже пріобрѣтены имъ для „Москвитянина“, какъ пріобрѣтенъ и самъ Писемскій.

Съ этихъ поръ нашъ кружокъ получилъ болѣе опредѣленный обликъ. Молодыя силы работали усердно, кто во что горазд. Скоро очутились тамъ-же: Рамазановъ (профессоръ скульптуры въ училищѣ живописи и ваянія на Мясницкой, только что пріѣхавшій изъ Италіи, гдѣ воспитывался на казенный счетъ, какъ талантливый ученикъ Петербургской академіи художествъ); * * * — талантливый пѣвецъ русскихъ пѣсенъ; Сергѣй Калошинъ, повихнувшійся отъ разныхъ обстоятельствъ, гусаръ въ отставкѣ, сынъ декабриста, могшій, и даже весьма могшій, служить литературѣ, но его голова была устроена такъ, что въ ней роились планы не повѣстей, не критикъ, не комедій, а только скандалы и выпивки, препровожденіе времени на квартирѣ брата, въ домѣ родителей, на Смоленскомъ рынкѣ, въ одной рубахѣ по цѣлымъ недѣлямъ въ обществѣ такихъ-же забулдыгъ, какъ онъ самъ. Надо удивляться, какимъ образомъ „Москвитянинъ“ могъ еще добыть отъ этого безпутнѣйшаго малаго какія-нибудь работы. Ихъ было немного, но всетаки были, и самъ безпутнѣйшій малый одно время состоялъ членомъ молодой редакціи „Москвитянина“. Потомъ онъ опредѣлился, черезъ своего отдаленнаго родственника, Н. В. Сушкова (дядю графини Ростопчиной) въ сибирскіе казаки подъ начальство графа Муравьева-Амурскаго, но скоро принужденъ былъ оттуда бѣжать. Опять скитался по Москвѣ уже одинокій, устраивалъ скандалы и издавалъ сухощавый журнальчикъ „Зритель“.

Изъ этихъ лицъ довольно долгое время слагалась кучка помощниковъ Погодина по изданію единственнаго Московскаго журнала, гдѣ, не смотря на чрезвычайный хаосъ въ редакціи и въ типографіи, всетаки появлялись нерѣдко дѣльныя и талантливыя вещи Островскаго, Писемскаго, Григорьева, Эдельсона, Мея и кое-кого изъ славянофиловъ. Гоголь, сколько помнится, подарилъ своему старому пріятелю только одну статью: „Римъ“, (1849).

Были въ числѣ усердныхъ и полезныхъ работниковъ „Москвитятина“ и другіе вкладчики: Кореневъ, По—вскій ....., люди съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, но какъ-то, по своимъ житейскимъ пріемамъ, свойствамъ и скромности, державшіеся отдѣльно, иногда мелькавшіе на одну минуту.

Они принадлежали къ редакціи, но никакъ не къ кружку. Тамъ имъ было какъ-то жутко....

Антиковъ своихъ я во все это время не только не покидалъ, напротивъ, это былъ по прежнему (болѣе всего черезъ племянниковъ) одинъ изъ самыхъ близкихъ для меня домовъ, гдѣ я считался почти родственникомъ, значилъ то же, что и настоящіе ихъ родные, могъ придти и оставаться сколько мнѣ угодно; гостемъ никогда не былъ.

Быстро угасали старики. Кружокъ посѣтителей ихъ дома уменьшался съ каждымъ часомъ. Изъ множества знакомыхъ осталось десятокъ фигуръ, которыя ходили изрѣдка, отчасти по привычкѣ, отчасти изъ жалости. Обѣды и чаи уже не играли прежней роли ни для хозяевъ, ни для гостей. Хозяева становились скучнѣе, капризнѣе, несноснѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Даже антресоли женскія и мужскія измѣнили свой характеръ. Одна племянница, покрасивѣе и помоложе, вышла замужъ. Двѣ остальныя были очень неинтересны. Изъ племянниковъ уцѣлѣлъ въ прежнихъ условіяхъ относительно стариковъ и дома только одинъ: самый старшій В. Е. Прочихъ разнесло разными вѣтрами кого куда. Двое женились и должны были, разумѣется, устраивать свои собственные углы.

Около 1847 г. старикъ захворалъ и умеръ, завѣщая все свое имущество сестрѣ, О. А. Она тоже стала припадать и скончалась какъ-то вдругъ, черезъ годъ послѣ брата, не сдѣлавъ никакого духовнаго завѣщанія. Говорили, будто-бы всѣ имѣвшіяся у нея деньги (довольно большія) она передала старшему своему племяннику на томъ основаніи, что онъ одинъ до конца не покидалъ стариковъ, а за нею даже прямо ухаживалъ, когда они остались въ домѣ только вдвоемъ, вслѣдствіе чего получилъ прозвище „семьянина, домостроителя“.

Какъ именно произошла эта передача и была-ли она въ дѣйствительности, — это неизвѣстно, только оставшійся чѣмъ-то въ родѣ хозяина въ домѣ, В. Е., объявилъ наѣхавшимъ родствен-

никамъ и родственницамъ, что послѣ смерти ихъ тетки оказалось наличными всего-на-всего 500 рублей.

Поднялись кривы, не имѣвшіе никакого результата. Общею добычею были сказанные 500 рублей и домъ, гдѣ жили старики, который вскорѣ проданъ генералу Бѣлевцову, а деньги пошли въ раздѣлъ между громадною семьею.

IV.

Поступленіе на службу. — Кружокъ Ѳ. Н. Глинки. — Четверги Вельтмана. — Изданія Вельтмана. — Ростопчины. — Субботы Ростопчиной. — Соболевскій, Мицкевичъ и Ржевусскій. — Исторія съ портретомъ Пушкина. — Щербина. — Кружокъ Павловыхъ. — Вторая жена Павлова. — Ссылка его. — Собранія у Погодина. — Его коллекція. — Отношеніе къ Погодину московскаго общества. — Черты его характера.

Въ 1848 году я былъ приглашенъ однимъ семействомъ въ качествѣ преподавателя русскаго языка и словесности къ ихъ дочери, которую извѣстный санскритологъ, К. А. Коссовичъ, училъ классическимъ языкамъ. Я описалъ этотъ эпизодъ моей жизни въ особой статьѣ, подъ названіемъ „К. А. Коссовичъ“ — вскорѣ послѣ того, какъ этого замѣчательнаго и почтеннаго человѣка не стало. Близь того-же времени я опредѣлился на службу, при помощи моего друга, С. П. Шевырева, въ Московскую контору Государственнаго Коммерческаго Банка, писцомъ съ жалованьемъ во сто рублей, но черезъ полгода былъ уже зачисленъ секретаремъ конторы съ возвышеніемъ жалованья и вскорѣ затѣмъ помощникомъ бухгалтера съ новымъ возвышеніемъ жалованья, которое однако никогда не было велико. Сами директора банка, (которыхъ было трое), получали по полторы тысячи рублей и квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Управляющій получалъ 3000 р. и квартиру. Въ 1849 году и я получилъ квартиру, при содѣйствіи разныхъ моихъ друзей, имѣвшихъ кое-какія связи съ управляющимъ.

Литературныя знакомства мои объ эту пору увеличились двумя особыми кружками, нисколько не похожими одинъ на другой, оригинальными, московскими, о которыхъ считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Первый былъ кружокъ литератора не нашихъ временъ, человѣка уже немолодаго (лѣтъ

за 50) Ѳедора Николаевича Глинки, прозаика и поэта, женатаго на дочери князя Павла Васильевича Голенищева-Кутузова, Авдотьѣ Павловнѣ, тоже нелишенной литературныхъ дарованій. Она много переводила изъ разныхъ нѣмецкихъ поэтовъ—на свой бабій пай недурно. Прозой написала: „Жизнь Богородицы". Отецъ ея, князь Павелъ Васильевичъ, былъ въ свои молодые годы большой либералъ

Имѣлъ онъ или не имѣлъ вліянія на своего зятя,—сказать трудно, только зять пошелъ по той-же либеральной дорогѣ и былъ въ числѣ крупныхъ декабристовъ 1825 года, состоя адъютантомъ при графѣ Милорадовичѣ, который, какъ кажется, не подозрѣвалъ ничего. Послѣ смерти графа, Ѳедоръ Глинка, позванный къ допросу, все свалилъ на покойника, говоря, что онъ приказалъ ему сойтись съ революціонерами, слѣдить за ихъ дѣйствіями и передавать все, что замѣтитъ. Отвѣты Ѳедора Николаевича на всевозможные вопросы высочайше учрежденной комиссіи были такъ бойки, ловки и естественны, что его велѣно оставить въ подозрѣніи, но никуда не опредѣлять.

Глинка уѣхалъ съ женою въ Москву и купилъ на Садовой улицѣ, близь Сухаревой башни, крохотный домикъ съ антресолями, комнатъ въ 5—6, но совершенно для нихъ достаточный. Въ 1840-хъ годахъ, Глинки (какъ ихъ обыкновенно звали) завели у себя литературные вечера по понедѣльникамъ, куда созывали преимущественно писателей прежняго времени, людей солидныхъ и серьезнаго направленія. Изъ молодыхъ (въ концѣ 1840-хъ годовъ) попалъ туда одинъ лишь я и еще переводчикъ съ разныхъ языковъ Ѳедоръ Богдановичъ Миллеръ—черезъ близкаго своего пріятеля, такого-же нѣмца, какъ и самъ, стараго, забытаго художника Карла Ивановича Рабуса, неизмѣннаго участника вечеровъ Глинки. Онъ, впрочемъ, имѣлъ и свои дни, четверги, и свой кружокъ, преимущественно артистическій.

Почему никто, кромѣ меня, изъ нашего кружка (т. е. изъ молодой редакціи „Москвитянина") не проникъ къ Глинкамъ—я не берусь разрѣшить этого вопроса никакъ. Можетъ быть, они и звали кого-нибудь, но никто не пошелъ, такъ какъ отъ понедѣльниковъ Глинокъ несло нѣкоторою затхлостью; они не давали новому поколѣнію ничего ровно или очень мало. Я пошелъ

потому, что имѣлъ съ раннихъ лѣтъ страсть сближаться со всѣмъ, что было хоть когда-нибудь замѣчательно, разсматривать внимательно всякія развалины....Притомъ нельзя сказать, чтобы Глинки не давали для молодежи ничего ровно: они были хорошіе и вѣрные цѣнители всего изящнаго. „Объѣхать на кривой“ нельзя было ни старика, ни старуху.

Главными посѣтителями вечеровъ Глинки были: сенаторъ М. А. Дмитріевъ, древній поэтъ, прославленный эпиграммой Пушкина: „Михайла Дмитріевъ умре“. Потомъ: переводчикъ „Освобожденнаго Іерусалима“ Раичъ; художникъ Рабусъ и его неизмѣнный сопутникъ Миллеръ; кое-когда директоръ оружейной палаты А. О. Вельтманъ, его хорошая знакомая Е. И. Крутникова (впослѣдствіи его жена), М. Н. Лихонинъ—поклонникъ нѣмецкой, англійской и испанской литературы и, отчасти, переводчикъ (болѣе всего нѣмецкихъ поэтовъ, плохими стихами), покровительница всѣхъ поэтовъ и художниковъ, богатая вдова ген. Карлгофъ, вездѣ искавшая себѣ мужа. Бывалъ изрѣдка любопытный старикашка Сангленъ, начальникъ тайной полиціи, при Александрѣ I, во время войнъ его съ Наполеономъ. Онъ разсказывалъ много всякихъ курьезовъ про знаменитую эпоху. Вралъ или нѣтъ—кто его знаетъ. Какую именно роль игралъ Сангленъ у Глинокъ, можно или нельзя его было вытурить декабристу, оставшемуся въ подозрѣніи у правительства—Богъ вѣсть...Сангленъ, впрочемъ, заглядывалъ также и къ Дмитріеву, и Рабусу. Въ другихъ домахъ я его не видѣлъ.

Ѳедоръ Николаевичъ былъ тогда еще крѣпышъ, живой, маленькій человѣкъ безъ усовъ и бороды, но съ черными бакенбардами и густыми тоже черными съ просѣдью волосами, у которыхъ онъ поправлялъ поминутно височки. Маленькая круглая головка его была какъ будто приплюснута сильнымъ ударомъ въ темя. Щеки были вѣчно розовыя. Все лицо розовое. Черные глазки вѣчно смѣялись. Говорилъ онъ нѣсколько картавя, и никогда не могъ быть спокойнымъ: все въ немъ и самъ онъ ходилъ ходенемъ. Поговоритъ тутъ, бѣжитъ въ другую сторону—тамъ опять говоритъ и поправляетъ височки... Читалъ онъ рѣдко. Это были дни торжественные для его поклонниковъ, которые относились къ нему, какъ къ настоящему, но не приз-

нному поэту. Читая, Ѳедоръ Николаевичъ никогда не садился, а стоялъ передъ столомъ, обратясь лицомъ къ главнымъ слушателямъ, сидѣвшимъ на диванѣ и боковыхъ креслахъ. Сзади были тоже слушатели, помѣщавшіеся въ разныхъ углахъ комнаты. Наиболѣе желательнымъ предметомъ чтенія для поклонниковъ бывала поэма духовнаго содержанія: „Божественная Капля", написанная что-то давно и много разъ исправлявшаяся и дополнявшаяся. Цѣлой этой поэмы, кажется, не слыхалъ никто, или очень немногіе изъ старыхъ пріятелей хозяина. Новые удовлетворялись отрывками и не выражали никогда желанія услышать все, а если и выражали, то не очень искренно. Мнѣ случилось слышать два небольшихъ отрывка, гдѣ были мѣстами хорошіе стихи, но только стихи; содержаніе меня не занимало. Я даже его путемъ не понималъ.

Прозой Ѳедоръ Николаевичъ читалъ при мнѣ только одинъ отрывокъ: воспоминаніе о какомъ-то боѣ съ французами подъ Москвой. Тутъ говорилось кратко и о Москвѣ, и объ ея значеніи для русскаго народа и Россіи. Авторъ сравнивалъ ее съ кудрявой старопечатной буквой и, кажется, думалъ, что это сравненіе оригинально и удачно. Замѣтивъ, что его какъ-будто не всѣ надлежащимъ образомъ услышали, что до этой буквы, онъ пріостановлялся, поглядывалъ кругомъ, поправлялъ височки — и повторялъ: „она красуется въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ кудрявая старопечатная буква"...

Читалъ онъ постоянно старину, — написанное Богъ-вѣсть когда. Новаго, новидимому, ничего не производилось. Авдотья Павловна тоже читала старые свои переводы изъ Шиллера. Мнѣ случилось слышать „Колоколъ" и „Кубокъ". Другіе читала рѣдко. Литературные понедѣльники Глинокъ обходились большею частію безъ литературы. Посидятъ, потолкуютъ о томъ, о семъ, напьются чаю, иногда поужинаютъ на нѣсколькихъ небольшихъ столикахъ въ той-же зальцѣ, гдѣ происходили чтенія и бесѣды— и расходятся часу въ первомъ.

Четверги Вельтмана, съ которымъ я познакомился у Глинокъ, были также простыя вечернія собранія друзей и знакомыхъ хозяина и хозяйки, гдѣ акуратно всякій разъ бывалъ нѣкій Владиміръ Петровичъ Горчаковъ, не князь, а простой Горчаковъ, сослуживецъ Вельтмана по генеральному штабу нашей

южной арміи въ кампаніи 1828—1829 годовъ, пріятель Пушкина, одинъ изъ его „собутыльниковъ", когда Пушкинъ жилъ въ изгнаніи у Новороссійскаго губернатора Инзова. Горчаковъ самъ немного писалъ прозой, но все, что онъ рѣшился огласить было пытанно, вяло, безталанно. Въ сущности былъ человѣкъ, добрый, честный и не глупый. Всѣ его любили. Еще на четвергахъ Вельтмана бывали: Лихонинъ, Рабусъ, Миллеръ, Загоскинъ (который изрѣдка читалъ отрывки изъ не напечатанныхъ романовъ), два брата жены Вельтмана, статскій и военный, генералъ Менгденъ съ женою (тоже сослуживецъ хозяина по южной арміи 1828—1829 гг.), М. А. Дмитріевъ, Погодинъ, изрѣдка заглядывалъ изъ своей ссылки тайкомъ Американецъ-Толстой. Кромѣ того бывали и экстраординарные гости: Коссовичъ, Островскій, какіе-то малоизвѣстные сенаторы и генералы... Изъ извѣстныхъ сенаторовъ бывалъ Казначеевъ, который вывелъ въ люди ѳеодосійскаго цирюльника (?) Айвазовскаго, бывъ тогда въ Ѳеодосіи виднымъ лицомъ.

Самъ Вельтманъ былъ человѣкъ въ высшей степени милый и симпатичный, съ открытой физіономіей, какъ-то оригинально вскакивалъ съ дивана при появленіи всякаго гостя, бѣжалъ къ нему на встрѣчу, раскрывъ объятія, усаживалъ, заводилъ бесѣду. Былъ, что называется, душа человѣкъ. Въ немъ, сверхъ литературнаго, извѣстнаго всѣмъ читателямъ тѣхъ временъ, (преимущественно москвичамъ), таланта,— таились еще и другіе, скрытые отъ публики, таланты: онъ дѣлалъ очень искусно изъ алебастра копіи небольшихъ античныхъ статуй, умѣлъ сообщать имъ бронзовый, серебряный, золотой и всякіе другіе цвѣта. Иногда его копію отличить отъ настоящей статуи, отъ оригинала, было очень трудно. Онъ игралъ довольно искусно на гитарѣ и еще на какомъ-то изобрѣтенномъ имъ инструментѣ, названіе котораго я не помню. Умъ его былъ въ постоянной работѣ: онъ все что-нибудь выдумывалъ, открывалъ. Выдумалъ однажды свѣтильникъ безъ всякаго фитиля; горѣло на кончикѣ загнутой немного въ верхнемъ концѣ тонкой стеклянной трубки одно масло (деревянное или прованское). Этотъ изобрѣтенный имъ свѣтильникъ онъ назвалъ Альма. Такія „Альма" всегда горѣли у него въ кабинетѣ, штуки три-четыре, требуя, конечно, немного горючаго матерьялу, но и немного принося пользы. Очень трудно сказать,

сколько-бы такихъ „альмъ“ потребовалось на освѣщеніе хоть самой небольшой комнаты. Возился онъ одно время немало надъ изображеніемъ саней, которыя-бы не знали что̀ такое московскіе ухабы—и увѣрялъ знакомыхъ, будто-бы изобрѣлъ такія волшебныя сани и показывалъ нѣсколько бумажныхъ моделей разной величины, которыя возилъ по ухабамъ изъ картонной бумаги, но... никто не убѣждался, что такія сани въ натуральную величину, на ухабахъ Столешниковскаго, Газетнаго и тому подобныхъ переулковъ не будутъ бить подъ конецъ зимы, а временами и выбрасывать пассажировъ на мостовую, какъ всякія другія.

Наконецъ, Вельтманъ любилъ чертить карты съ изображеніемъ древнихъ славянскихъ земель; рисовалъ, перерисовывалъ, издавалъ... опять перерисовывалъ и опять издавалъ. При этомъ слѣдовалъ всякій разъ объяснительный текстъ,—иногда весьма увѣсистый томъ. Воображеніе его было самое необузданное, упрямое, смѣло скакавшее черезъ всякія пропасти, которыя другихъ устрашили-бы, но не было такой пропасти, которая устрашила-бы почтеннѣйшаго Александра Ѳомича. Кажется, никто не пускался въ серьезныя критическія изслѣдованія этой, въ большинствѣ случаевъ, ужаснѣйшей чепухи. На словахъ съ Вельтманомъ спорить было трудно: онъ никого не слушалъ и вѣрилъ, какъ въ Бога, въ непреложность и непогрѣшность своихъ открытій. Разъ онъ мнѣ сказалъ, что печатаетъ новый переводъ „Слова о полку Игоревѣ“, гдѣ многое передѣлалъ. Между прочимъ, для него стало яснымъ, что Боянъ, упоминаемый тамъ, вовсе не Боянъ, а Янъ, а приставка „бо“ есть не что иное, какъ союзъ. Сколько я ни спорилъ, что союзъ „бо“ такимъ образомъ употребленъ при имени быть не можетъ, онъ остался при своемъ: „помилуйте, это ясно, какъ день!... И какой тамъ Боянъ! Никакого Бояна въ тѣ времена не было, а былъ Янъ вѣщій!“ Такъ и напечаталъ.

Изъ самыхъ серьезныхъ изданій Вельтмана лучшее — это „Древности Россійскаго государства“, изданныя казною, in folio, съ превосходными хромолитографическими рисунками [Ѳедора Григорьевича Солнцева [1])] въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Все, что изъ этихъ экземпляровъ было послано на Лондонскую выставку (1851)—куплено въ одинъ день.

[1]) Нынѣ дѣйств. статскій совѣтникъ, почетный членъ академіи художествъ, профессоръ археологической живописи, род. въ апрѣлѣ 1801 г. Ред.

Жена Вельтмана (primo voto Крутникова) была женщина поэтическая, съ романтическими наклонностями, провела первую молодость въ Одессѣ, много разъ любила, многимъ нравилась, (между прочимъ поэту Подолинскому), писала недурно прозой— и на этомъ пути сошлась съ Вельтманомъ, еще при жизни его первой жены, родомъ молдаванки.

Какъ жена Вельтмана, она значительно поддерживала давно заведенные ими четверги, сообщала имъ то, что можетъ сообщить образованная изящная женщина, видавшая виды. Одинъ Александръ Ѳомичъ едвали-бы съ ними сладилъ.

Жили они скромно, но весьма прилично, въ большой квартирѣ директора оружейной палаты, у Покрова, въ Левшинѣ. Всѣ комнаты, особенно кабинетъ хозяина, представляли смѣсь востока съ западомъ: персидскіе ковры на всякомъ шагу; чубуки съ янтарями, оттоманы; картины съ изображеніями битвъ южныхъ славянъ съ турками. Самъ Вельтманъ привезъ изъ похода въ Турцію кое-какія восточныя привычки: курилъ съ утра до ночи дорогой турецкій табакъ изъ дѣланныхъ черешневыхъ и жестяныхъ чубуковъ. Въ повѣстяхъ своихъ часто касался востока или полувостока: Молдавіи, Бессарабіи...

Вскорѣ послѣ появленія „Банкрута“, открыла у себя литературныя субботы графиня Ростопчина, познакомившаяся съ авторомъ этой піесы у Погодина. Тамъ же ей была представлена вся молодая редакція „Москвитянина“ и это были первые ея гости по субботамъ, до нѣкоторой степени habitués субботъ. Къ славянофиламъ сердце ея не лежало, да они были и потяжелѣе и повзыскательнѣе молодежи, которая, не долго разсуждая и не имѣя формально никакихъ заднихъ мыслей, наполняла салоны Ростопчиной. Надо думать, что, послѣ исторіи съ „Насильственнымъ Бракомъ“, Ростопчины, привыкшіе время отъ времени показываться при дворѣ и вообще витать въ тѣхъ сферахъ, гдѣ легко было встрѣтить государя и другихъ членовъ императорской фамиліи,—измѣнясь въ отношеніяхъ ко всѣмъ этимъ лицамъ. даже просто „изгнанные изъ дворца“—сочли за лучшее скрыться. если не навсегда, то хоть на нѣкоторое время изъ Петербурга.... Въ Москвѣ жила мать графа; кромѣ того, было прекрасное подмосковное имѣніе, Вороново, лежавшее всего-навсего въ 60 верстахъ отъ Москвы. Въ имѣніи этомъ находился когда-

то громадный дворецъ съ флигелями, съ садомъ и съ паркомъ; необитаемый съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ сожженъ графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ Ростопчинымъ (московскимъ генералъ-губернаторомъ во дни Наполеона I), когда графъ услышалъ, что въ Вороново направляется какая-то французская дивизія. Сынъ его, Андрей Ѳедоровичъ, (мужъ Ростопчиной), переѣзжая на прочное житье въ Москву, въ концѣ 1840-хъ годовъ, велѣлъ отдѣлать нижній этажъ центральнаго зданія, для пріѣздовъ туда жены съ ея гостями въ лѣтнее время, а себѣ (такъ какъ онъ любилъ во всемъ отдѣльное независимое существованіе) построилъ особый деревянный домъ, куда пускалъ немногихъ.

Въ Москвѣ у нихъ былъ тоже домъ, на углу Лубянки и Фурнасовскаго переулка, но графъ успѣлъ его спустить за безцѣнокъ одному зажиточному москвичу. Жить въ нанятой квартирѣ графъ считалъ неприличнымъ по своему общественному положенію и потому купилъ собственный домъ на Садовой, у Ермолова, довольно большой, каменный, въ два этажа, съ садомъ и обширнымъ дворомъ; когда кто проѣзжалъ по улицѣ, дома этого было почти невидно, за широкими каменными воротами, на которыхъ сидѣли какія-то птицы, (кажется, гербъ прежняго владѣтеля Небольсина), длиннымъ дворомъ и садомъ. Графъ занялъ верхнюю половину, графиня—нижнюю. Каждый отдѣлалъ свою часть аппартаментовъ по собственному вкусу. Наслѣдственная старая мебель съ богатымъ севрскимъ фарфоромъ поставлена была въ покояхъ графини. Картинная галлерея помѣщена въ самыхъ большихъ салонахъ верхняго этажа.

Графъ и графиня жили съ нѣкоторыхъ поръ почти врозь. Видѣлись только за обѣдомъ, (составлявшимъ предметъ главнѣйшаго попеченія графа). Общихъ гостей было у нихъ чрезвычайно немного. Средства, которыми графиня располагала по милости мужа, были весьма не велики, такъ не велики, что графиня очень-очень рѣдко могла оставить гостей на ужинъ. Невзыскательный кружокъ постоянныхъ ея посѣтителей по субботамъ довольствовался и чаемъ.

Сначала вечера графини (имя которой звучало тогда особеннымъ звукомъ, было невольнымъ притяженіемъ для многихъ) посѣщались сказаннымъ кружкомъ довольно усердно. Иному просто было пріятно думать и разсказывать знакомымъ, что онъ

также бываетъ у Ростопчиной, принадлежитъ къ рѣдкимъ, исключительнымъ личностямъ.

Потомъ мало-по-малу стало сбираться на этихъ вечерахъ меньше и меньше гостей. Появилось нѣсколько дамъ необыкновенно безцвѣтныхъ и пустыхъ. Литературныя чтенія (бывавшія, впрочемъ, не часто и не представлявшія ничего интереснаго для серьезнаго литератора), бесѣды, имѣвшія болѣе или менѣе литературный оттѣнокъ, смѣнились праздной свѣтской болтовней съ игривымъ содержаніемъ. Бабье хохотало. Если былъ какой-нибудь свѣтскій вертопрахъ — онъ тоже хохоталъ, а литераторы только улыбались и поглядывали на тѣ мѣста, гдѣ у нихъ лежали шапки. Года черезъ два изъ первыхъ habitués кружка остались вѣрными субботамъ Ростопчиной очень немногіе. Пришли даже и такія субботы, когда зажигались свѣчи и сгорали, не освѣтивъ ни одной посторонней физіономіи. Вслѣдствіе этого была допущена всякая смѣсь: Юрій Никитичъ Бартеневъ, всю жизнь корчившій шута и говорившій особымъ шутовскимъ языкомъ, дававшій всѣмъ прозвища (Ростопчину онъ называлъ „Лапка“), человѣкъ не глупый, но скучный и непріятный. Уставшій скиталецъ по бѣлу свѣту, библіоманъ, англоманъ, другъ поэтовъ и артистовъ всего міра, Сергѣй Александровичъ Соболевскій, который умѣлъ составить себѣ литературное имя еще въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія, близкій дружбою и кутежами съ Пушкинымъ, который любилъ его преимущественно за неистощимое остроуміе, живые экспромты, щеголявшіе оригинальными риѳмами, неизмѣнную веселость и готовность кутить и играть въ карты когда угодно.

Когда совершилось назначеніе Грибоѣдова министромъ-посланникомъ въ Персію (1828 г.) онъ предложилъ совмѣстную съ собою службу двумъ пріятелямъ: Мальцову и Соболевскому. Мальцевъ согласился и уѣхалъ съ Грибоѣдовымъ, а впослѣдствіи, въ критическую минуту знаменитаго автора „Горе отъ ума“, остался единственнымъ русскимъ, который, изъ 36 человѣкъ, составлявшихъ наше посольство въ Тегеранѣ (считая тутъ же и прислугу), уцѣлѣлъ и воротился въ Петербургъ. А Соболевскій (обладавшій значительными денежными средствами, полученными отъ богатаго отца его, помѣщика Соймонова, и еще болѣе богатой матери, купчихи, (Карской), отправился

странствовать по Европѣ. Онъ жилъ въ Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи. Вездѣ сближался съ самымъ интеллигентнымъ народомъ. Въ Римѣ близко сошелся съ Мицкевичемъ (котораго зналъ еще въ Петербургѣ) и съ другомъ его, гр. Генрихомъ Ржевускимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ авторомъ „Listopada“ и „Pamiętników Soplicy“, а тогда просто милымъ собесѣдникомъ и безподобнымъ разсказчикомъ всего имъ видѣннаго, а видѣлъ онъ очень много. Эти-то чудесные разсказы и настроили Мицкевича, что ни день, убѣждать друга взяться за перо, сѣсть и написать что знаетъ и помнитъ. Ржевускій сѣлъ и сталъ писать, но писалъ не мудро, сначала сильно исправляемый друзьями, болѣе всего Мицкевичемъ, потомъ одинъ.

Подошедшій 1830-й годъ измѣнилъ отношенія трехъ пріятелей. Ляхи стали хитрить, не вполнѣ высказываться, особенно Ржевускій; Мицкевичъ держался проще. Онъ открылъ Соболевскому, что его зовутъ соотчичи въ край воодушевлять ихъ своими пѣснями; что ему сильно не хочется, такъ-какъ онъ не раздѣляетъ ихъ взглядовъ на революцію, однако...ѣхать всетаки придется. Потомъ сталъ готовиться въ путь, но былъ такъ не ловокъ и не опытенъ въ этомъ дѣлѣ, до такой степени требовалъ няньки, что Соболевскій рѣшилъ помочь его бѣдѣ,—размѣнялъ ему деньги, выправилъ паспортъ, купилъ необходимыя въ дорогѣ вещи и посадилъ поэта въ мальпостъ, но Мицкевичъ, по прибытіи на мѣсто (куда именно—неизвѣстно) нашелъ, что играть роль одушевителя воиновъ поздно: воины бѣжали въ нестройныхъ толпахъ въ Европу [1]). Мицкевичъ застрялъ на нѣкоторое время въ имѣніи стараго пріятеля Грабовскаго, недалеко отъ Познани, и тутъ задумалъ свою знаменитую поэму „Панъ Тадеушъ“...

О переѣздѣ его потомъ въ Парижъ и тамошней жизни я говорю довольно подробно въ предисловіи къ переводу моему этой поэмы на русскій языкъ.

Ржевускій тоже куда-то уѣхалъ. Соболевскій остался въ Римѣ одинъ, сталъ скучать и перебрался во Францію, гдѣ сблизился очень скоро съ нѣкоторыми литературными знаменитостями, болѣе всего съ Мериме. Потомъ уѣхалъ въ Испанію,

[1]) Слышалъ отъ самого Соболевскаго. Н. В.

познакомился какимъ-то образомъ съ эксцентричною княжною Монтихо (впослѣдствіи императрица Евгенія) и устраивалъ для нея русскія тройки.

Можно разсказать, пожалуй, что, уѣзжая изъ Россіи, Соболевскій заказалъ извѣстному московскому портретисту Тропинину портретъ Пушкина, какимъ онъ бываетъ за-просто, дома, въ халатѣ, съ кабалистическимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ правой руки. Приглаженный и припомаженный портретъ Пушкина работы Кипренскаго не удовлетворялъ близкихъ знакомыхъ и друзей поэта; они его такимъ никогда не видали.

Заказъ послѣдовалъ между 1827—1828 гг. Пушкинъ, уже прощенный (въ іюлѣ 1824 г.), жилъ большею частію въ своей псковской деревнѣ Михайловскомъ, но время отъ времени заглядывалъ то въ Москву, то въ Петербургъ. Въ Москвѣ онъ заходилъ къ Тропинину, на Лѣнивку (коротенькая улица между Моховою и Каменнымъ мостомъ) и давалъ ему сеансы. Когда портретъ былъ готовъ, художникъ приказалъ одному изъ своихъ помощниковъ, Смирнову, уложить его, какъ можно осторожнѣе и внимательнѣе, въ ящикъ и отправить къ Соболевскому въ Италію. Смирновъ снялъ копію, подлинникъ оставилъ у себя, а копію, своей работы, послалъ по данному адресу. Обманъ открылся позже, въ концѣ 1840-хъ годовъ, когда заказчикъ воротился въ Россію и узналъ отъ начальника московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, князя Оболенскаго, что „настоящій портретъ Пушкина въ халатѣ, работы Тропинина, у него купленъ въ мѣняльной лавкѣ Волкова, а Волкову достался отъ вдовы Смирновой“. Тропининъ, которому показали портретъ, подтвердилъ его подлинность. Оболенскій просилъ исправить испорченныя небрежнымъ обращеніемъ и полинявшія отъ времени мѣста, но Тропининъ отъ этого отказался, сказавъ, что всякую поправку того, что сдѣлано по оригиналу, считаетъ святотатствомъ, а почистить портретъ, пожалуй, почиститъ и покроетъ снова лакомъ. Соболевскій сильно зарился на этотъ портретъ и говорилъ, что Оболенскому, по правамъ европейской деликатности, слѣдовало-бы подарить портретъ законному его владѣльцу, виновнику того, что онъ явился на свѣтъ. Однако, портретъ остался у Оболенскаго и донынѣ у него пребываетъ [1]).

[1]) Слышалъ отъ Соболевскаго и Тропинина. Н. Б.

Этотъ-то самый Соболевскій, въ своемъ родѣ маленькая знаменитость, человѣкъ бывалый, утомясь отъ 20-лѣтнихъ скитаній по чужой сторонѣ и можетъ быть соскучившись по Россіи, явился вдругъ на горизонтѣ Москвы, уже порядочно устарѣлымъ, обрюзгшимъ; сталъ по старому заглядывать по вечерамъ въ англійскій клубъ (гдѣ былъ, разумѣется, членомъ съ давнихъ поръ). Посѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ, отыскалъ и Ростопчину, съ которою встрѣчался заграницею. Онъ рѣзко отдѣлялся отъ всего, что у ней собиралось изъ молодежи, манерою говорить обо всемъ небрежно, презрительно, съ какою-то вѣчною ядовитою усмѣшкою; также небрежно и презрительно разваливаться въ креслахъ (какъ никто изъ гостей Ростопчиной не разваливался); однажды онъ даже такъ развалился, что сломалъ ручку кресла, которая упала на полъ, и при этомъ сказалъ самодовольнымъ тономъ: „Какая еще сила! Не могу сѣсть на кресла, чтобы ихъ не сломать!“ Кружокъ Москвитянина былъ недоволенъ вторженіемъ, такъ сказать, въ „свои владѣнія“ этого стараго фанфарона и брюзги. Когда онъ бывалъ у графини, всѣ москвитянини умолкали, нето поглядывали на часы и на шапки.

Такимъ-же точно пугаломъ былъ для нашего кружка появлявшійся изрѣдка въ салонахъ Ростопчиной, верченый и ломанный великосвѣтскій шутъ, всегда франтовски одѣтый, изящнѣй всей Москвы—Константинъ Булгаковъ, другой сынъ московскаго почтдиректора, воображавшій о себѣ очень много, имѣвшій необходимыя talents de société, чтобы правиться барынямъ: онъ и пѣлъ, и игралъ на фортепіано, и разсказывалъ особымъ, милошутовскимъ тономъ разныя исторіи своей молодости, когда онъ былъ еще военнымъ. Исторій этихъ у него было много, цѣлые короба на каждый вечеръ. Для свѣтскихъ вертопраховъ онъ служилъ образцомъ по части умѣнья быть всегда въ своей тарелкѣ, остроумнымъ, веселымъ, даже изящнымъ, когда нужно—выпить очень солидно съ хорошею компаніею, сыграть въ банкъ... Отъ этого кружокъ бѣгалъ еще пуще. Не особенно жаловали простодушные москвичи нашего закала почти такого-же свѣтскаго вертопраха Бѣгичева, весьма красиваго молодаго человѣка, думавшаго много о своихъ костюмахъ, въ которыхъ являлся вечеромъ передъ дамами. Онъ кажется собственно за красоту и былъ допущенъ... а черезъ годъ онъ ввелъ къ Ростопчиной

своего пріятеля Вонлярлярскаго, въ качествѣ странника и писателя, только-что вернувшагося тогда изъ заграницы, какъ и Соболевскій, послѣ долгихъ скитаній по Африкѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, охотился съ извѣстнымъ Жюлемъ Жераромъ на львовъ.

Это была тоже ягода не нашего поля.

Появился потомъ у Ростопчиной орнитологъ Сѣверцовъ, говорившій только о птицахъ, нескладный, неладный. Онъ у всѣхъ находилъ сходство съ птицами. Когда Ростопчина спросила у него: „а я на какую птицу похожа?“

— На трясогузку, отвѣтилъ ту же минуту Сѣверцовъ.

Его находили чрезвычайно умнымъ и глубоко знающимъ свой предметъ, и вслѣдствіе именно этихъ обстоятельствъ терпѣли въ салонахъ, но собственно онъ былъ невозможный, impossible, скучный, однообразный. Одинъ птичій голосъ его, громче всѣхъ раздававшійся въ покояхъ, могъ раздражить какіе угодно нервы.

Въ числѣ лицъ, появлявшихся у графини около того же времени, былъ довольно извѣстный поэтъ тѣхъ временъ, Николай Ѳедоровичъ Щербина, прибывшій въ Москву съ юга Россіи, кажется изъ Одессы, откуда былъ родомъ, маленькій, неказистый, напоминавшій грека, которымъ и былъ по матери. Отсюда его раннія симпатіи къ Греціи, къ ея миѳологіи—и первые стихи, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаешься или съ Эгейскимъ моремъ или съ Хіосомъ, съ Мореей, съ Зевесомъ, Аполлономъ...

Щербина имѣлъ несомнѣнный поэтическій талантъ, который размѣнялъ на мелкую монету: все кусочки, небольшіе отрывочки, намеки, напоминанія... а серьезнаго ничего нѣтъ; какъ человѣкъ, по темпераменту до крайней степени раздраженный, болѣзненно-самолюбивый, хотѣвшій славы, поклоненія и невидѣвшій ни отъ кого въ Москвѣ (менѣе всего отъ нашего кружка) даже обыкновенныхъ симпатій и пріязни, болѣе всѣхъ терявшійся въ толпѣ, нелюбимый ни женщинами, ни мужчинами, формально ни съ кѣмъ не умѣвшій сойтись по пріятельски, искренно—онъ постоянно кипѣлъ и клокоталъ точно маленькій вулканчикъ, ходилъ ходенемъ, какъ земля его предковъ, отъ множества скрытыхъ въ ея почвѣ огней—и сталъ, не замѣчая самъ какъ это дѣлается, извергать поминутно противъ всѣхъ выдающихся сколько-нибудь личностей, тихихъ и спокойныхъ,

никогда и ничѣмъ его необижавшихъ (развѣ обижавшихъ полнымъ къ нему равнодушіемъ)—разныя ѣдкія сатиры, двустишія, четверостишія, сочинялъ, такъ названные имъ, акаѳисты. Все это отзывалось талантомъ, имѣло зачастую форму самую изящную, легко запоминалось, повторялось цѣлымъ городомъ, но тѣмъ не менѣе—было бранью, сатирой, памфлетомъ, выжимками недовольства, оскорбленнаго самолюбія—и еще больше отталкивало гостя отъ хозяевъ. Наиболѣе извѣстными изъ тогдашнихъ стихотворныхъ экспромтовъ и акафистовъ были грубое четверостишіе противъ Островскаго, гдѣ онъ названъ: „Гостинодворскимъ Коцебу“—(риѳма: въ погребу); стихи на Сушкова (дядю Ростопчиной)—собственно пародія на стихи Жуковскаго:

Скольких̀ъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Скольких̀ъ низвихъ рокъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Тирситъ!

Слышны жалобные клики
Бѣлокаменной сыновъ:
Умеръ Гоголь нашъ великій,
Живъ и здравствуетъ Сушковъ!

Эпиграмма на Гербеля, въ видѣ старинной загадки:

„Что̀ рѣдко видитъ царь, пастухъ то зритъ всегда,
А Гербель не видалъ отъ вѣка никогда?“

Отвѣтъ: „себѣ подобнаго“.

Акаѳистъ въ честь Авдотьи Петровны Глинки; акаѳистъ въ честь Вас. Петровича Боткина—начало было такое:

„Радуйся, Испаніи описаніе!
Радуйся, въ Испаніи небываніе“!....

Послѣдній стихъ: „Плѣшивыйч аепродавче, радуйся“!—намекъ на происхожденіе Боткина изъ дому, который велъ съ давнихъ поръ торговлю чаями и былъ извѣстенъ всей Москвѣ.

Изъ прозаическихъ сатиръ Щербины наиболѣе извѣстны: „Повѣствованіе о путешествіи священныхъ клашъ (т. е. колошъ) новопреставленнаго угодника ***“ (разсказываетъ одна ста-

руха другой). Рядъ разсказовъ о знаменитомъ писателѣ Григоріи (Данилевскомъ): „Григорій въ Петропавловской крѣпости“, „Григорій въ Курскѣ, въ гостяхъ у губернатора“ и другіе. Наконецъ „Прошеніе семинариста“.

Одно время Щербина занимался составленіемъ литературныхъ каррикатуръ, съ портретами московскихъ литераторовъ, куда входили: Ростопчина, Погодинъ, Островскій. Наиболѣе удачной изъ этихъ каррикатуръ надо считать: „Чтеніе пятиактной драмы“. Чтобы оно кончилось благополучно и всѣ выслушали драму до конца—приняты надежныя мѣры: два бульдога, лежащіе у дверей. Эти каррикатуры печатались въ юмористическомъ листкѣ Неваховича, въ Петербургѣ.

Придуманъ былъ еще для потѣхи публики Сонникъ, составлявшійся долго. „Что значитъ увидѣть во снѣ такого-то или такую-то“?— Тутъ же слѣдовалъ и отвѣтъ....

Жилъ Щербина очень стѣсненно, трудно даже понять на какія средства и что именно онъ проживалъ. Службы никакой достать онъ себѣ не умѣлъ, литература давала очень-очень не много. „Москвитянинъ“ платилъ немудро, да и за что было платить? За греческія элегіи, которыя являлись не часто. Щербина постоянно жаловался: „вотъ пиши тутъ! живешь далеко, на чердакѣ, никакихъ удобствъ, не достаетъ самаго существеннаго!.... Еслибъ у меня былъ вѣрный кусокъ хлѣба, сегодня, завтра, послѣ-завтра, кругомъ статуи, картины: муза бы моя развернулась, стихи-бы полились сами собою!.... а теперь что!“

Какой-то пролетающій добрый геній подслушалъ ропотъ поэта, все быстро измѣнилось какимъ-то волшебствомъ: одинъ изъ московскихъ магнатовъ, князь Грузинскій, покровитель Никулина, мужа актрисы Косицкой, о которой мы упоминали кратко въ одномъ разсказѣ [1]), живя по обстоятельствамъ службы въ селѣ Павловскѣ, рѣдко заглядывалъ въ свой московскій домъ. Тамъ жилъ его управляющій, занимая только часть комнатъ, а часть изъ нихъ всегда была пуста. Князь велѣлъ отдать эти комнаты Щербинѣ. Обѣдалъ онъ и завтракалъ съ управляющимъ и это ничего ему не стоило. Были даже въ нѣкоторыхъ

[1]) „Русская Старина“ изд. 1884 г., т. XLII, іюнь, второе изд., стр. 654—656.

комнатахъ и статуи и картины—и чтоже? Муза поэта вовсе умолкла!.. „Такъ себѣ невѣрны мы!“...

Въ концѣ 1850-хъ годовъ Щербина переѣхалъ въ Петербургъ, досталъ себѣ какое-то мѣсто, но ему, какъ говорили, позредилъ тамъ продолжаемый имъ Сонникъ... Въ 1869 г., въ апрѣлѣ, онъ умеръ отъ нарыва въ горлѣ.

Между послѣдними гостями Ростопчиной, когда habitués поотшатнулись, были артисты сцены, между прочими Щепкинъ, Самаринъ, который потомъ игралъ съ нею въ театрѣ Пановой, на Собачьей площадкѣ, піесу ея сочиненія „Домашнее укореніе“ (1853), онъ—графа, она—графиню. Мелькалъ иногда массивный старикъ, помнившій Богъ-знаетъ какія времена, Филиппъ Филипповичъ Вигель, почему-то нелюбимый москвичами. Наконецъ, его почти выгнали изъ Москвы. Н. Ф. Павловъ написалъ о немъ тогда такія строки:

Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель!
Тяжела судьба твоя:
По нѣмецки ты Schweinwigel,
А по русски ты—свинья!

* *
*

Счастливъ домъ, а съ нимъ и флигель,
Въ коихъ свинства не любя,
Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Въ шею выгнали тебя!

* *
*

Въ Петербургѣ, въ Керчи, въ Ригѣ-лѣ
Нѣтъ нигдѣ тебѣ житья:
Ахъ, Филиппъ Филиппычъ Вигель,
Тяжела судьба твоя!

Иные (ошибочно) говорили, что это стихи Соболевскаго.

Вигель любилъ смертельно читать свои записки—навязался съ ними къ Ростопчиной. Записки эти были, можетъ быть, любопытнѣе всего, что читалось когда-либо у Ростопчиной и ею, и ея гостями, но непріятная личность автора и отчасти старые пріемы чтенія сообщали прекрасному матерьялу какую-то безцвѣтность, отсутствіе интереса. Никто не хотѣлъ скучать,—а скучали.... Великое дѣло—личность автора и его реномме. Нелюбимые, непопулярные не должны читать публично. Изъ петербургскихъ ея гостей помню: Тургенева, Григоровича,

Самойлова, Маркова; изъ иноземныхъ Фанни Эльснеръ, Віардо, Рашель, Шульгофа, Маріо. Послѣдняго графиня считала образцомъ мужской красоты.

Въ числѣ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ Москвы, можно, пожалуй, упомянуть еще о кружкѣ Павловыхъ, Николая Филиповича и Каролины Карловны, состоявшемъ попреимуществу изъ славянофиловъ, но гдѣ были и западники.

Николай Филиповичъ былъ человѣкъ замѣчательный, талантливый, видавшій виды, но жившій какъ-то такъ, что у него постоянно все разстраивалось, а не устраивалось. По своимъ размашистымъ пріемамъ, по страсти къ картамъ, онъ могъ проиграть въ самое короткое время—Россію, нѣсколько домовъ, деревню, большой капиталъ.... Происхожденіе его покрыто туманомъ. Гдѣ онъ и какъ учился—неизвѣстно, но кое-чему выучился; между прочимъ—французскому языку, на которомъ говорилъ изрѣдка. Зналъ и понималъ Шекспира и главныхъ нѣмецкихъ поэтовъ, но, кажется, не въ подлинникѣ.

По-русски зналъ очень хорошо, довольно писалъ. Повѣсти его: Милліонъ, Ятаганъ, Аукціонъ, Имянины.... (въ 1830-тыхъ и 1840-выхъ годахъ) въ свое время сильно читались и даже переведены на нѣмецкій языкъ, одна (Аукціонъ) на польскій; онъ даже могъ бы сдѣлаться прямо замѣчательнымъ русскимъ писателемъ и критикомъ, (лучшая критика его—разборъ пьесы гр. Сологуба: „Чиновникъ“), еслибы.... не зеленый столъ. За этимъ столомъ онъ прокутилъ всѣ свои таланты, проигралъ свое и своего семейства счастіе.... даже двухъ семействъ.

Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ актеромъ, потомъ по любви женился на деньги типографщика Степанова. Свадьба была у Бориса и Глѣба, на Арбатѣ. Степановъ, давшій пріятелю половину скопившихся у него нечаянно грошей (около 75 р.), съ удивленіемъ глядѣлъ изъ окошка на всю эту исторію, (самъ разсказывалъ автору, въ той-же самой квартирѣ на Арбатѣ), не могъ путемъ понять что такое и зачѣмъ творится. Финансовыя средства Павлова были ему хорошо извѣстны, средства невѣсты—тоже... Эта первая семейная жизнь принесла немного пріятныхъ минутъ Николаю Филипповичу. Жена его не любила... онъ описываетъ кое-что изъ эпохи этихъ дней въ одной своей повѣсти... По счастію, страдалица скоро умерла. Дѣтей не

осталось. Николай Филиповичъ началъ опять какъ-бы новую холостую жизнь. Вышелъ изъ театра, сблизился съ литераторами; какъ очень умный, тонкій и просвѣщенный человѣкъ, онъ не былъ нигдѣ лишнимъ. Его можно было видѣть во многихъ аристократическихъ салонахъ, еще довольно крѣпкимъ, свѣжимъ, румянымъ, но уже въ полу-сѣдомъ парикѣ... Что его въ особенности портило, такъ это—частое (не)произвольное подергиваніе всего лица. Знакомые къ этому скоро привыкли и какъ-бы не замѣчали въ немъ такого важнаго недостатка, но встрѣтившій его въ первый разъ невольно всматривался и не зналъ что подумать.

Какъ-то случилось, что Николай Филипповичъ, въ концѣ 1830-хъ годовъ, женился вторично на единственной дочери доктора Яниша, скопившаго себѣ докторской практикой и разными денежными изворотами весьма изрядный капиталецъ, такъ что онъ могъ пріобрѣсть деревню въ 1000 душъ и каменный трехъ-этажный домъ, на Срѣтенскомъ бульварѣ въ Москвѣ. Каролину Карловну Янишъ, экзальтированную, чопорную, надутую нѣмку, писавшую стихами и прозой по русски, по нѣмецки и по французски почти одинаково, нѣмку уже въ извѣстномъ возрастѣ, съ неглупымъ, но не очень красивымъ смуглымъ и сухощавымъ лицомъ—соединила съ Павловымъ болѣе всего литература. Впрочемъ, кто разберетъ, какъ и почему бываютъ иногда подобныя соединенія. Такъ-ли, не такъ-ли, они стали—мужъ и жена и поселились въ томъ домѣ, на Срѣтенскомъ бульварѣ, про который было уже сказано. Павловъ впервые увидѣлъ у себя въ рукахъ большія денежныя средства. Можно было зажить, какъ слѣдуетъ. Жизнь онъ понималъ не дурно. Воображеніе у него было игривое. У него много разъ въ жизни текли, что называется, слюнки, когда онъ видѣлъ близко, какъ иные живутъ. Теперь онъ могъ утереться, и самъ стать, въ нѣкоторомъ родѣ, магнатомъ, человѣкомъ независимымъ, могущимъ себѣ во многомъ не отказывать. Прежде всего, онъ завелъ себѣ чудеснаго повара, лично занимался кухней, осмотромъ, а иногда и покупкой провизіи, зналъ гдѣ эти раки въ Москвѣ зимуютъ. Его столъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ столовъ въ Москвѣ. Говядина, телятина, пулярды, икра... подавались у него постоянно такія, какія трудно было встрѣтить въ домахъ самыхъ

первыхъ объѣдалъ, даже... у Рахменова! Обѣды устраивались не просто, а гастрономически, по всѣмъ правиламъ искусства, и одинъ никогда не былъ похожъ на другой. Само собою разумѣется, что это привлекло въ ихъ домъ разныхъ рѣдкихъ тузовъ. Ѳедотовъ сказалъ не даромъ: „штука важная—обѣдъ!“... Въ 1840-хъ годахъ Павловъ сдѣлался такъ извѣстенъ въ литературныхъ кружкахъ своимъ умнымъ распорядительнымъ обѣдомъ, что его всегда просили устраивать общественныя угощенія въ честь какого-нибудь прославленнаго артиста, героя, не то вслѣдствіе какого-либо особеннаго событія, и онъ никогда не ударилъ лицомъ въ грязь.

Что касается большаго имѣнія г-жи Янишъ,—Павловъ нашелъ его „разстроеннымъ“ и взялся устроить: ѣздилъ туда часто, распекалъ приказчиковъ, на первыхъ порахъ очень трудно было сказать что̀ именно онъ дѣлаетъ: устраиваетъ или разстраиваетъ имѣніе, особенно женѣ Павлова, Каролинѣ Карловнѣ, не имѣвшей никакого понятія о русскихъ деревняхъ, о русскомъ хозяйствѣ. Денегъ получалось довольно. Жить можно было хорошо. Давать обѣды, литературные вечера, до которыхъ хозяйка была смертная охотница, во первыхъ, какъ литераторъ, во вторыхъ—на этихъ литературныхъ вечерахъ читались непремѣнно ея произведенія. Читалъ обыкновенно кто-нибудь изъ друзей, напримѣръ, Константинъ или Иванъ Аксаковы. Авторъ, т. е. Каролина Карловна, сидѣла въ это время на особомъ высокомъ креслѣ съ подножіемъ въ видѣ лодочки, чтобы плавающіе вокругъ полуботы и бриги огибали мысомъ и не безпокоили гички царицы.

Произведенія госпожи Павловой имѣли нѣкоторое достоинство, но никогда не были такими, чтобъ ихъ долго помнить. Но сама госпожа Павлова постоянно думала, что она пишетъ какъ русскій поэтъ-мужчина. Во всякомъ случаѣ, русскій стихъ этой нѣмки былъ гораздо совершеннѣе стиха русской барыни Ростопчиной.

Павловъ, когда читали стихи его супруги, обыкновенно стоялъ подлѣ ея стула, опустивъ въ землю глаза—какъ-бы слушая и соображая. Онъ никогда, ни однимъ словомъ и ни однимъ движеніемъ не измѣнилъ въ этомъ отношеніи себѣ, но безъ всякаго сомнѣнія отлично понималъ настоящее значеніе стиховъ своей Каролины Карловны.

Такъ спокойно и пріятно текла ихъ жизнь. Конечно, было много такихъ, которые даже завидовали такой жизни... Вдругъ налетѣли тучи. А налетѣли онѣ, прежде всего, отъ непрактическаго распоряженія госпожи Павловой: она взяла къ себѣ въ домъ бѣдную родственницу, изъ остзейскихъ губерній, такую-же нѣмку, какъ сама, и если не столько, то значительно интеллигентную и хорошо воспитанную—г-жу Т***, курносенькую пріятную блондинку, которая любила заниматься литературой и живописью. Писать не писала, но знала міровыхъ европейскихъ поэтовъ; по русски говорила хорошо и свободно, читала и русскихъ поэтовъ. А въ живописи дошла до масляныхъ картинъ. Съ нею было пріятно болтать: Павлова имѣла, такимъ образомъ, изящную, естественную компаньонку, которая могла быть съ нею во всѣ часы, при гостяхъ и безъ гостей, какъ дѣвушка того-же круга, тѣхъ-же понятій и образованія, что и хозяева.

Все бы это ничего, но вдругъ старикашка-хозяинъ, въ сѣдомъ парикѣ, паралитически моргавшій и, кромѣ того, еще носившій какую-то шишку на шеѣ, которая не поддавалась никакимъ операціямъ и не могла быть достаточно-хорошо укрыта отъ наблюдателей никакимъ хитрымъ галстухомъ—этотъ старикашка влюбился на-смерть въ свою отдаленную родственницу! Мало этого: спустя нѣкоторое время произошло что-то такое, что заставило эту родственницу переѣхать на другую квартиру. У Николая Филипповича явилось два семейства: въ одномъ былъ сынъ, въ другомъ—два сына и дочь! Онъ долженъ былъ разрываться на двѣ части, изъ которыхъ законной доставалось несравненно менѣе вниманія, чѣмъ незаконной...

Разумѣется, строгая нравами (хотя тоже что-то разсказывали.....)—нѣмка, Каролина Карловна, и ея отецъ, маститый старецъ, импозантная высокая фигура съ бѣлыми локонами по плечамъ, что-то между Гёте и Гриммомъ, возмутились страшно. И тутъ было замѣчено, что управленіе имѣніемъ, принятое Николаемъ Филипповичемъ въ свои руки, идетъ вовсе не такъ, какъ онъ докладывалъ иногда женѣ и тестю въ семейныхъ бесѣдахъ: не устраивается, а разстраивается, что оно даетъ довольно, но меньше, чѣмъ прежде давало; что давно не дѣлается никакихъ улучшеній, не ремонтируются строенія, ничего не заводится вновь. Всѣ лишнія деньги идутъ куда-то, ухаютъ въ какую-то

бездну. Открылась для глазъ наблюдателей и самая бездна: клубная и домашняя картежная игра, большею частію азартная. Шло немало денегъ и на другое семейство.

Кто-то сказалъ раздраженной до послѣдней степени супругѣ, что если она не остановитъ безпорядка какимъ-нибудь энергическимъ дѣйствіемъ, то въ самомъ непродолжительномъ времени и она, и сынъ ея увидятъ себя въ затруднительномъ положеніи. Можетъ статься, имъ просто-за-просто будетъ нечего ѣсть!

„Да какое-же энергическое дѣйствіе?“ спрашивала бѣдная женщина, у которой вся поэзія бѣжала изъ головы и изъ дому, Богъ вѣдаетъ куда, и осталась одна проза,—гадкая, жестокая, сварливая, самая прозаическая проза, не знавшая никакой мягкости, уступки и пощады: „какое-жъ энергическое дѣйствіе?... это такъ трудно!“.....

— „Поѣзжайте къ генералъ-губернатору, объяснитесь съ нимъ откровенно и попросите помощи. Онъ одинъ въ состояніи вамъ помочь; что для другаго трудно—для него не трудно. Вы знаете: у него есть бланки“... Такъ обыкновенно говорили въ городѣ о новомъ (послѣ Щербатова) генералъ-губернаторѣ графѣ Закревскомъ, что онъ якобы имѣетъ бланки съ подписью Государя и все, что внесется въ такой бланкъ—будетъ немедля исполнено, какъ высочайшее повелѣніе. На самомъ дѣлѣ никакихъ бланокъ не было, а были даны самыя страшныя полномочія: Закревскій (былъ) снабженъ, при назначеніи его московскимъ генералъ-губернаторомъ, почти неограниченною властію; могъ дѣлать, что хотѣлъ. Вспомнимъ, какое было время: 1848-й годъ—французская революція и ея послѣдствія во всей Европѣ! — нужно было не зѣвать...

Во время метенія города новой метлой принимались мѣры противъ всего, лечились болѣзни неизлечимыя, всякой правительственной, бюрократической суеты была тьма тьмущая, всѣ глядѣли во всѣ глаза, не очень понимая что̀ такое творится. Мирная Москва не привыкла къ наѣздамъ хотя бы и съ самою лучшею цѣлію; ей лучше грязь и сонъ, чѣмъ хлопоты о порядкахъ, до которыхъ...не дойдешь.

Николай Филипповичъ Павловъ, занимавшійся (какъ мы видѣли) временами произведеніемъ на свѣтъ экспромтовъ и сти-

хотвореній въ юмористическомъ духѣ, написалъ довольно неосторожные стихи на всякія ломки Закревскаго („Ты не молодъ, не глупъ"). Долго не знали имени автора.

Неизвѣстно почему распространился по Москвѣ слухъ, что это писала Ростопчина. Закревскій къ ней измѣнился. Какъ находившуюся и безъ того подъ опалой, недавно выведенную оберъ-полицеймейстеромъ Лужинымъ изъ дворца, во время оффиціальнаго бала, — ее сильно безпокоилъ этотъ говоръ, эта напраслина, холодность Закревскаго и его семьи. Она рѣшила во что-бы то ни стало раскопать секретъ и объясниться съ этимъ лицемъ глазъ-на-глазъ. Большой трудности тутъ не было: поэты были наперечетъ и Павловъ не особенно скрывался. Ему льстило, что стихи его скоро разошлись, переписываются всѣми въ запуски, читаются во всѣхъ домахъ, Закревскій и Берингъ (оберъ-полицеймейстеръ, зацѣпленный въ стихахъ болѣе другихъ) сердятся, ищутъ автора—и не находятъ! Генералъ-губернаторъ скоро овладѣлъ тайною, черезъ Ростопчину или иначе—въ точности неизвѣстно. Извѣстно только, что Ростопчина ѣздила къ графу и между ними произошелъ какой-то искренній дружескій разговоръ.....—Еслибы Закревскій былъ побольше литераторъ, такъ и безъ объясненій Ростопчиной зналъ-бы, что это совсѣмъ не она. Стихи были вполнѣ грамотны и лишены всякихъ галлицизмовъ и небрежныхъ риѳмъ, такъ свойственныхъ графинѣ.

Разумѣется, съ этой поры Закревскій сталъ имѣть противъ Павлова зубъ; онъ только и думалъ какъ-бы уязвить автора сатиры, уязвить прилично, законно, но... чувствительно.

И вдругъ судьба отдала жертву въ его руки!

Выслушавъ жалобы жены и матери, опасавшейся раззоренія не столько за себя, сколько за малолѣтняго сына (котораго воспитывала какъ сына магната, какъ сына двухъ литераторовъ, набивала всякими языками... и вдругъ это оборвется и онъ останется нищимъ!)—выслушаны жалобы и опасенія, а также и намеки на то, куда могли идти большіе доходы съ серьезнаго имѣнія, Закревскій спросилъ: „а вы не полагаете, чтобы игра велась всегда... честно, всегда была коммерческая?"

— Ничего не знаю, ничего не знаю, ваше сіятельство, былъ

отвѣтъ: мой мужъ игралъ постоянно на своей половинѣ и не любилъ, чтобы въ это время кто-нибудь къ нему входилъ. Какое дѣло мнѣ было мѣшаться въ его развлеченія, которыя я считала невинными и непредосудительными, не наносящими нашему дому никакого ущерба!

„Въ такомъ случаѣ необходимо познакомиться съ дѣломъ ближе, назначить внезапную ревизію, обыскъ“, сказалъ Закревскій.

— Ужъ какъ вамъ будетъ угодно! отвѣчала Павлова, не имѣвшая точныхъ понятій о томъ, что такое внезапный обыскъ. Еще менѣе она могла знать отдаленныя мысли генералъ-губернатора.

По отъѣздѣ ея былъ приглашенъ въ кабинетъ графа чиновникъ его для особыхъ порученій, Иванъ Михайловичъ Бакунинъ, и ему приказано нагрянуть въ домъ Павлова съ надлежащимъ количествомъ полицейскихъ, завтра-же въ восьмомъ часу утра.

Бакунинъ былъ человѣкъ въ высшей степени порядочный. Онъ былъ убѣжденъ, что Павловъ шулеромъ не былъ и не будетъ; что обыскъ кончится ничѣмъ. Тѣмъ не менѣе его надо было произвести по всѣмъ формамъ. Павлова нашли, разумѣется, еще въ постели, спавшаго сномъ праведнаго и не предчувствовавшаго никакой грозы. Онъ вскочилъ, перетрусился и предложилъ незваннымъ гостямъ осмотрѣть его кабинетъ, а если нужно и цѣлый домъ, во всѣхъ подробностяхъ. Никакихъ крапленныхъ картъ, ничего подобнаго найдено не было. Но окружавшіе Бакунина чиновники, производившіе обыскъ, (по тайному приказанію или по собственному вдохновенію,—кто ихъ знаетъ) обратили вниманіе на библіотеку ревизуемаго: тутъ, что ни полка: Герценъ, князь Долгорукій, сборникъ „Полярная Звѣзда“, и разные иностранные зажигатели, противъ которыхъ въ то время было самое пущее гоненіе. Особенно былъ преслѣдуемъ Герценъ. Извѣстно, что на границахъ обшаривали не только карманы, но лазили даже и въ сапоги. Извѣстно, что впослѣдствіи Писемскій, осмотрѣнный такимъ образомъ въ Александровѣ, даже расплакался. Вообще, строго на строго запрещалось держать на дому какія-либо недозволенныя цензурой сочиненія и въ законахъ находили параграфъ, по которому можно было сослать въ Сибирь лицо, у кого будетъ найдена запрещенная книга.

Вотъ эту-то статью и вытащили и примѣнили къ дѣлу противъ несчастнаго Николая Филипповича, когда другихъ никакихъ не было! (слышалъ отъ него самого).

Въ одно прекрасное утро подъѣхала къ его дому почтовая телѣжка съ жандармомъ, въ телѣжку посадили раба Божія Николая и отвезли въ Пермь!... Жена его уѣхала въ Константинополь. Танненбергъ—за границу. Соболевскій сочинилъ стихи, несовсѣмъ оригинальные, а связанные съ его-же стихами, произнесенными довольно давно, когда г-жа Яншъ была еще дѣвицей и, какъ злые языки говорятъ, будто-бы увѣряла знакомыхъ, что извѣстный Александръ фонъ-Гумбольдтъ, отправляясь для разныхъ научныхъ изслѣдованій въ Сибирь, заѣзжалъ въ Москву единственно затѣмъ, чтобы увидѣться съ нею, съ Каролиной Карловной, которую зналъ по ея нѣмецкимъ стихамъ. Соболевскій сказалъ тогда:

„Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ. (*Пушкинъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ"*).
„Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто миръ и нѣгу возлюбя,
Нарочно ѣдетъ изъ Берлина,
Чтобъ только посмотрѣть тебя!"

На этотъ разъ, при ссылкѣ Ник. Филип. Павлова, сказалось:

„Ахъ, куда ни взглянешь,
Все—любви могила!
Каролина Яншъ—
И та измѣнила!

Плачетъ эта дама,
Молится о мужѣ:
Будь ему, о яма,
Уже, туже, хуже!

Въ ней его держите
Лѣтъ хоть до десятку,
А потомъ сошлите
Вы его..... въ Камчатку!"

Въ Перми было Павлову не дурно: тамъ правилъ тогда губерніей генералъ Огаревъ, человѣкъ очень добрый и благо-

воспитанный. Онъ любилъ знакомиться съ политическими ссыльными, лично, близко; приглашалъ ихъ къ себѣ обѣдать, за просто бесѣдовалъ съ ними. Павловъ бывалъ у него почти всякій день, все находилъ прекраснымъ, только въ обѣдахъ усматривалъ нѣкоторое незнаніе самыхъ простыхъ вещей; въ особенности картофель подавался уже черезъ-чуръ простецкій... (отъ самого Павлова). Хлопоты разныхъ друзей въ Петербургѣ (которыхъ у Павлова было вездѣ множество) значительно сократили ссылку. Ровно черезъ годъ (кажется, зимою въ 1851 г.) Николай Филипповичъ воротился въ Москву и попалъ какъ-разъ на именины къ Шевыреву въ ту минуту, когда всѣ собравшіеся подошли къ закускѣ, которая была устроена противъ входныхъ дверей. Обертываются, а Павловъ (о которомъ незадолго передъ тѣмъ говорили и воображали его далеко)—стоитъ на порогѣ!

Первые два года Николай Филипповичъ былъ крайне раздраженъ, даже прямо несносенъ: ругалъ всѣхъ и все; отъ него бѣгали. Потомъ поуспокоился—и сталъ думать объ основаніи газеты, на томъ основаніи, что надо было чѣмъ-нибудь жить, притомъ не одному, а съ семьей. Имѣніе жены его поступило въ полное ея распоряженіе, но ее обязали выдавать Николаю Филипповичу какую-то небольшую часть годовыхъ доходовъ. Этого весьма недоставало на всѣ нужды избалованнаго барина. Игру онъ бросилъ, но все-таки ѣздилъ въ клубъ и сидѣлъ по цѣлымъ часамъ подлѣ иныхъ, интересовавшихъ его, партнеровъ, дрожалъ замиралъ, какъ пьяница, смотрящій на бутылку съ хорошимъ виномъ, до которой нельзя дотронуться.

Неопредѣленныя сборища у Кошелева, у Чаадаева (того самаго, который прославился статьями въ „Телескопѣ“ и стихами къ нему Пушкина), у Рабуса, у Н. Х. Кетчера (переводчика Шекспира прозой и друга богатаго купца Солдатенкова), у этого Солдатенкова, у Грановскаго, у генеральши Карлгофъ — нельзя назвать сборищами какихъ-нибудь кружковъ или партій. Это были сборища всякаго разнокалибернаго народа, чтобы только гдѣ-нибудь посидѣть, поболтать. У Солдатенкова сходились для того, чтобы хорошо поѣсть; у Кетчера—хорошо и серьезно выпить.

Сборища у Погодина, весьма нечастыя, всегда по какому нибудь исключительному обстоятельству, ради чтенія новаго,

выдающагося сочиненія, о которомъ вездѣ кричали (какъ напр. о „Банкрутѣ“ Островскаго), именинъ Гоголя, чествованія проѣзжаго артиста, выѣзда изъ Москвы далеко и на-долго какого-либо извѣстнаго лица, — эти сборища имѣли свой особый характеръ, согласно тому, какъ и для чего устраивались. Иногда это было просто-за-просто публичное собраніе всякой интеллигенціи, по подпискѣ, обѣдъ-спектакль, гдѣ сходились лица не только разныхъ партій и взглядовъ, но прямо недруги Погодина, кто его терпѣть не могъ, а ѣхалъ—самъ не зная какъ—и чувствовалъ себя какъ дома, и послѣ былъ очень доволенъ, что превозмогъ себя и побѣдилъ предразсудки. Надо знать, что Погодина вообще въ городѣ не любили. Какъ это устроилось, что онъ имѣлъ такъ много непріятелей и недоброжелателей, этотъ почтенный человѣкъ и патріотъ — Богъ вѣсть, только устроилось. Главнымъ основаніемъ тутъ лежала его чрезвычайная разсчетливость, скупость, которая имѣла свое законное происхожденіе: Погодинъ родился крестьяниномъ графа Ростопчина, видѣлъ кругомъ себя довольно долгое время нужду и бѣдность, съ необычайнымъ трудомъ выбрался на ту дорогу, которой искала его душа,—дорогу большаго и высшаго образованія, нежели среда, въ какой сначала онъ вращался. Случилось, что выучась по-латыни, онъ давалъ даже уроки маленькому сыну своего барина, графу Андрею Ѳедоровичу Ростопчину, впослѣдствіи весьма незнаменитому мужу знаменитой или, по крайней мѣрѣ, очень извѣстной въ Россіи жены.

Окончивъ, при содѣйствіи добрыхъ людей (разумѣется, уже свободнымъ человѣкомъ) курсъ въ московскомъ университетѣ, Погодинъ, уроками и изданіями полезныхъ книгъ, а главное чрезвычайною разсчетливостью въ жизни скопилъ кое-какія деньжонки, которыя дошли, наконецъ, до такихъ размѣровъ, что онъ могъ пріобрѣсть продававшійся по случаю на Дѣвичьемъ полѣ большой барскій домъ, съ садомъ и нѣсколькими флигелями, изъ которыхъ иные были похожи на дома. Праздные люди сочинили изъ этой покупки цѣлую исторію, которая была потомъ разсказана талантливымъ писателемъ Герценомъ въ одномъ ѣдкомъ памфлетѣ, подъ названіемъ: „Какъ Вѣдринъ купилъ въ Москвѣ домъ“. (Вѣдринъ, отъ вѣдро — хорошая погода, было черезъ-чуръ прозрачнымъ анонимомъ). Да если-бы и не было

этого прозрачнаго анонима—всѣ бы узнали въ чемъ дѣло, кто и какъ.

Заживши въ этомъ домѣ съ женой, урожденной Вагнеръ (на имя которой домъ и былъ купленъ), и вскорѣ обложившись семействомъ, Погодинъ, уже профессоръ русской исторіи въ московскомъ университетѣ, сталъ собирать старопечатныя книги и рѣдкія рукописи, потомъ монеты, картины, портреты, оружіе, что ни попало, лишь бы это касалось русской исторіи, и довольно скоро составилъ очень рѣдкую коллекцію замѣчательныхъ предметовъ. Въ особенности выдавался рукописный и старопечатный отдѣлы, гдѣ были прямо (весьма рѣдкіе) фоліанты. Имя дина какъ собирателя-знатока всякой старины сдѣлалось извѣст-Погонымъ въ Москвѣ всѣмъ и каждому. Кто-бы ни добирался какимъ ни на есть путемъ до рѣдкой рукописи, монеты, картины,—несъ ее прежде всего къ Погодину, а потомъ уже къ купцу Царскому, хотя Царскій былъ собиратель и знатокъ съ бо́льшими средствами, но не такъ компетентный, нѣсколько безтолковый, дававшій иногда за вещь, которой цѣны не было—какіе нибудь пустяки; а Погодинъ сразу говорилъ чего принесенный предметъ стоитъ, и дѣло большею частью кончалось безъ особенно длинныхъ разговоровъ, иной разъ даже черезъ лакея, а не лично.

Думая о своей семьѣ, состоявшей изъ жены, двухъ сыновей и двухъ дочерей, объ ихъ воспитаніи, объ ихъ будущемъ, а главное—о приданомъ дочерей, Погодинъ рѣшился разстаться со своими сокровищами, стоившими ему столькихъ хлопотъ, лишеній, жертвъ,—пристроить ихъ къ хорошему мѣсту, получить серьезныя деньги и раздѣлить ихъ между дѣтьми.

Знакомыхъ у него въ разныхъ кругахъ Петербурга и Москвы была тьма-тьмущая—всякихъ ранговъ и положеній. Практическій и сообразительный „мужичокъ“ Дѣвичьяго поля направился по этому дѣлу прямо къ такому лицу, которое могло представить собраніе отечественныхъ рѣдкостей надежнѣйшему пріобрѣтателю: Государю Николаю Павловичу. Лицо это было—извѣстный баронъ (позже графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ, тогда директоръ императорской публичной библіотеки, статсъ-секретарь, авторъ книги: „Первые дни царствованія императора Николая Павловича“, которому Государь, при встрѣчахъ,

обыкновенно протягивалъ руку. Корфъ уладилъ дѣло скоро: „древлехранилище“ Погодина пріобрѣтено казною за полтораста тысячъ рублей и поступило извѣстною частію (рукописей и старопечатныхъ книгъ) въ вѣдѣніе императорской публичной библіотеки; наряжена комиссія изъ знатоковъ составить подробный каталогъ наирѣдчайшимъ книгамъ и рукописямъ, но, какъ это у насъ бываетъ постоянно, знатоки работали усердно годъ или два, а потомъ...устали, охладѣли; контроля надъ ними никакого не было—и каталога Погодинскимъ рѣдкостямъ до сихъ поръ нѣтъ... [1]).

Между тѣмъ явились завистники и просто праздные болтуны, которые трубили вездѣ, что Погодину заплачена черезъ чуръ большая сумма; что все это старое, ничего не стоющее тряпье. Кто повѣритъ, что къ этой фалангѣ пустыхъ болтуновъ и невѣждъ, съ маленькими средствами, присоединился также одинъ очень богатый человѣкъ (по крайней мѣрѣ тогда, въ самомъ началѣ 1850-хъ годовъ), графъ Андрей Ѳедоровичъ Ростопчинъ: и ему было завидно, что полтораста тысячъ вѣрныхъ казенныхъ денегъ употреблены такъ глупо, достались... бывшему его мужику, который не съумѣетъ съ ними надлежащимъ образомъ обойтиться, а не ему, барину, знавшему лучше всякаго другаго, какъ и гдѣ ихъ пристроить! Авторъ этихъ строкъ не разъ слыхалъ такія грозныя сѣтованія отъ графа.

И вотъ, изъ всѣхъ этихъ сплетень, статей Герцена, отчасти разсказовъ Щербины „о безсребреникѣ Дѣвичьяго поля, рабѣ Божіемъ Михаилѣ“; изъ зависти и болтовни людей, которымъ просто нечего было дѣлать, составилось, мало-по-малу, то невыгодное понятіе о Михаилѣ Петровичѣ, которое подавило разсказы другаго свойства. Была одно время мода ругать Погодина. Говорили, что фамилія его происходитъ не отъ погода, а погадить; что онъ не Погодинъ, а Погадинъ. Затащить къ нему какое-нибудь свѣжее лицо было не легко и большею частію случалось, что это лицо, переступавшее очень неохотно и съ какою-то боязнію

[1]) Здѣсь покойный Ник. Вас. Бергъ пишетъ по наслышкѣ и совершенно ошибается: рукописное отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки, а въ немъ и древлехранилище Погодина, много уже лѣтъ какъ превосходно описано и малѣйшій листокъ въ немъ отыскивается весьма скоро и удобно.
Ред.

и отвращеніемъ почтенный порогъ Михаила Петровича, послѣ третьяго, четвертаго визита становилось его поклонникомъ, партизаномъ, другомъ и дивовалось, какъ это такъ выходило, что Погодинъ представлялся ему бирюкомъ, кащеемъ безсмертнымъ, думавшимъ только о деньгахъ и о деньгахъ, разсчитывавшимъ каждую копѣйку.... А. Н. Островскій, получивъ приглашеніе отъ Погодина прочитать у него „Банкрута", съ трудомъ на это согласился, а подъ конецъ жизни Погодина (съ половины 1850-хъ до половины 1870-хъ годовъ, т. е. въ теченіи 20-ти лѣтъ) — былъ къ нему однимъ изъ ближайшихъ людей, очень любилъ его и уважалъ.

Популярность Погодина (не смотря на пустые толки, которые о немъ ходили и которымъ масса вѣрила) была въ эпоху, нами изображенную—чрезвычайна. Это было имя извѣстное не только у насъ, но и за границей, особенно въ земляхъ славянъ: въ Прагѣ, Бѣлградѣ, Софіи. Онъ вездѣ былъ свой. И эта популярность дѣлала, главнѣйшимъ образомъ, то, что Погодину удавалось многое, о чемъ другому нельзя было и подумать. Онъ могъ собрать къ себѣ, по тому или другому поводу, рѣшительно всю Москву, если-бъ въ этомъ была надобность. Мы уже не разъ говорили, что къ нему ѣхалъ всякій, даже его недругъ. Лѣтомъ помогали дѣлу прекрасныя условія, внѣшняя обстановка пиршества: огромный садъ, какого у другихъ и богатыхъ людей не было. Обѣдали въ старой липовой аллеѣ, безъ сомнѣнія помнившей французовъ. Потомъ въ ней же и гуляли, не то по боковымъ, то-же тѣнистымъ, аллеямъ и вокругъ обширнаго пруда.

Справедливость историка требуетъ, однако, замѣтить, что Погодинъ былъ дѣйствительно скупенекъ и разсчетливъ. Знакомство съ нуждой въ первые годы существованія сообщило его житейскимъ пріемамъ такія черты, которыя не могли никому нравиться, даже его партизанамъ. Онъ былъ иногда мелоченъ въ скупости, думалъ о всякой полушкѣ, выходившей у него изъ рукъ. Если нужно было написать нѣсколько строкъ къ пріятелю, онъ, постоянно обложенный бумагами, бумажками, которыя валялись на всѣхъ столахъ и стульяхъ его кабинета, никакъ не шелъ и не бралъ первую, которая на него взглядывала, а искалъ чего-то невозможнаго на полу, подъ стульями, въ корзинкахъ со всякимъ соромъ, гдѣ лежали груды старыхъ конвер-

товъ, брошенныхъ записокъ, повидимому никуда негодныхъ и ни къ чему не нужныхъ,—но они были нужны хозяину: отъ нихъ отрывался клочекъ, уголочекъ, на немъ писались два-три слова къ пріятелю; на отыскиваніе такого клочка тратилось пропасть времени, о которомъ англичане говорятъ: time is money. Погодинъ никогда не зналъ этой премудрой пословицы практическаго народа.

И этотъ-то самый, мелочно-скупой и разсчетливый человѣкъ вдругъ расшибался, становился щедръ, давалъ деньги небогатымъ людямъ на изданія хорошихъ сочиненій, или издавалъ ихъ самъ; не то помогалъ бѣднякамъ, и всегда негласно; даже рискнулъ однажды положить серьезный капиталъ на невѣрное предпріятіе (80.000 р.): на копаніе золота въ Сибири, и всѣ эти денежки, какъ говорится, „закопалъ“...

Въ цѣломъ, Погодинъ представлялъ любопытный и рѣдкій типъ ученаго, который разжился не спекуляціями, а самымъ благороднымъ трудомъ, воздержаніемъ и лишеніями, къ которымъ пріучилъ себя съ раннихъ лѣтъ; представлялъ лицо, какого въ Москвѣ до тѣхъ поръ не было и скоро не будетъ. Его оцѣнили когда его не стало. Всѣ поняли, что Погодинымъ, въ томъ смыслѣ и значеніи, какое онъ имѣлъ для Москвы и отчасти для славянскихъ земель,—быть не такъ легко, какъ это казалось со стороны; что для этого недостаточно имѣть большой домъ и большой садъ. Этотъ домъ и этотъ садъ существуютъ и донынѣ (1884 г.) въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ; есть и еще сады, гдѣ-бы можно собираться разнымъ кружкамъ и толковать, но... никто и нигдѣ не собирается, ибо нѣтъ собирателя, къ кому-бы всѣ поѣхали. Смотрящіе теперь на историческую аллею, которая видала столькихъ даровитыхъ русскихъ людей Москвы и Петербурга, столько славянскихъ и другихъ гостей изъ Европы и слышала ихъ рѣчи, смотрящіе на эту аллею только молятъ боговъ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, ушла отъ топора и доставила возможность, хотя очень отдаленнымъ потомкамъ теперешнихъ ея владѣтелей, собрать подъ ея благоуханною сѣнію хотя не такую кучу столичной интеллигенціи, какую собиралъ тамъ первый владѣлецъ, а какую случится....

Такія же моленія слышатся и о собраніяхъ рѣдкихъ пред-

метовъ, явившихся у Погодина послѣ продажи „древлехранилища“. Сюртукъ Пушкина, въ которомъ онъ дрался съ Дантесомъ, покрытый драгоцѣнною намъ кровью поэта; сюртукъ, которымъ такъ дорожилъ старикъ Погодинъ и который достался ему не легко—исчезъ куда-то, въ первый же день послѣ смерти Михаила Петровича. Говорятъ, его кто-то пропилъ.

Для меня Погодинъ представлялъ нѣчто совершенно исключительное: и друга, и наставника, и втораго отца. Безъ него я не рѣшалъ никакихъ важныхъ вопросовъ. При открытіи военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, весною 1853 года, мнѣ нужно было, по разнымъ обстоятельствамъ, непремѣнно уѣхать куда-нибудь на-долго изъ Москвы, радикально измѣнить жизнь. Ничего не могло быть радикальнѣе, какъ бросить прозаическую, монотонную, необѣщавшую ничего въ будущемъ, службу въ банкѣ и вступить въ ряды воиновъ, шедшихъ впередъ и впередъ и дошедшихъ до Силистріи, гдѣ лежитъ столько русскихъ костей, гдѣ лежали кости и дѣда моего по отцѣ, штыкъ-юнкера Владиміра Берга, о которомъ я упоминалъ выше.

Я пріѣхалъ къ Погодину, разсказалъ ему подробно все и получилъ отеческое благословеніе. Мы вмѣстѣ поплакали (у русскихъ людей безъ этого нельзя), вмѣстѣ помолились. Онъ сказалъ: „надо ковать желѣзо, пока горячо! Бѣгите вотъ съ этой запискою къ Вельтману: у него пропасть знакомыхъ въ дѣйствующей арміи: все вѣдь это съ нимъ когда-то служило въ 1828—1829 гг.! Я со своей стороны попрошу еще кого нибудь“.

Дѣло уладилось чрезвычайно быстро. Въ особенности хлопоталъ Вельтманъ, точно для какого роднаго. Онъ упросилъ одного генерала, близко знакомаго съ начальникомъ штаба южной арміи, генералъ-маіоромъ Коцебу, написать ему письмо о назначеніи меня въ главный штабъ чѣмъ случится, а потомъ имѣть въ виду. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ пришло назначеніе меня журналистомъ въ 4-е отдѣленіе главнаго дежурства, потому въ 4-е (иначе—казначейское), что предполагали во мнѣ особенныя математическія способности, такъ какъ я былъ въ Москвѣ бухгалтеромъ коммерческаго банка! А я только считалъ довольно скоро и бойко деньги разныхъ сортовъ. Для улаженія кое-какихъ бумагъ и подъема до мѣста назначенія, я долженъ былъ съѣздить лично въ Петербургъ, иначе дѣло затянулось-бы безконечно.

Въ Петербургѣ я сошелся ближе съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, тогдашнимъ ректоромъ университета. Онъ пригласилъ меня прожить у него нѣсколько дней на исторической его дачѣ, въ Лѣсномъ, которая видала въ своихъ стѣнахъ многихъ русскихъ литераторовъ. Съ Плетневымъ и Изм. Ив. Срезневскимъ (жившемъ тамъ-же, въ Лѣсномъ, шагахъ во ста отъ Плетневской дачи) мы ходили пѣшкомъ въ Парголово, къ Аполлону Николаевичу Майкову, только-что женившемуся. Онъ провожалъ насъ потомъ домой и дорогой прочелъ, наизусть, новое свое очень милое стихотвореніе.

По возвращеніи моемъ въ Москву, со всѣми необходимыми для отъѣзда въ армію документами, я долженъ былъ поневолѣ задержаться, болѣе чѣмъ на мѣсяцъ, вслѣдствіе печатанія моихъ пѣсень разныхъ народовъ, которое близилось къ концу. Не поставивъ на книгѣ, стоившей мнѣ большихъ хлопотъ и многолѣтняго труда, — собственноручно: Finis, я не могъ выѣхать, тѣмъ болѣе, что не зналъ опредѣленно, ворочусь-ли. Поручить завершеніе изданія кому-либо другому—было немыслимо. Оно требовало исключительно авторскихъ корректуръ, любви и добросовѣстности. Бывали такіе листы, которые требовали семи-восьми корректуръ, да и послѣ этого я все-таки заглядывалъ въ типографію и находилъ иное не поправленнымъ. Не лишнимъ считаю разсказать при этомъ, что тогдашняя университетская типографія изобиловавшая передъ всѣми прочими московскими типографіями самыми разнообразными шрифтами и единственно для меня возможная (я печаталъ на двадцати восьми языкахъ texte en regard) существовала на основаніи особыхъ, исключительныхъ, можно сказать невѣроятныхъ, условіяхъ: она имѣла крѣпостныхъ наборщиковъ, жившихъ подъ Москвой, въ Бутырской слободѣ. Причиною такого страннаго явленія надо считать безпорядочное поведеніе наборщиковъ во всѣхъ частныхъ типографіяхъ; никто изъ ремесленниковъ не велъ себя такъ безпутно, какъ наборщики: они пьянствовали, крали шрифты, уходили изъ типографіи неизвѣстно куда. Начальники частныхъ типографій бились съ этимъ народомъ, что называется, какъ рыба объ ледъ. Казенная университетская типографія должна была какъ-нибудь выйти изъ этихъ обще-бѣдственныхъ условій типографскаго существованія; ея изданія должны были выходить исправно, не знать

никакихъ задержекъ, не быть иной разъ въ безвыходномъ положеніи частныхъ типографій. Высшія власти, отъ кого зависѣли существенныя перемѣны быта этой типографіи, придумали: закрѣпить за ней Бутырскую слободу, на основаніи обыкновенныхъ крѣпостныхъ русскихъ владѣній, на вѣчныя времена. Типографія явилась, такимъ образомъ, чѣмъ-то въ родѣ помѣщика, а крестьяне Бутырской слободы — ея крѣпостными людьми, съ которыми можно было дѣлать что угодно: наказывать тѣлесно, пожалуй— запарывать на смерть, отдавать въ солдаты, ссылать въ Сибирь, бить ежеминутно по зубамъ, словомъ: все то, что дѣлали тогда помѣщики (или ихъ управляющіе) съ крестьянами. Бутырская слобода (гдѣ сынъ наборщика былъ тоже наборщикомъ и не видѣлъ передъ собой никакой другой дороги, даже не смѣлъ о ней и думать) привыкла къ такому положенію дѣлъ, считала его естественнымъ, какъ-бы „природнымъ“ — иначе нельзя! И разговаривать нечего! Конечно, не типографія, отвлеченное понятіе, а ея директоръ, его помощникъ, экспедиторъ, наблюдавшій за покупкою и цѣлостію типографскаго имущества, даже редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (которыя неизбѣжно тамъ печатались)—представлялись крѣпостному наборщику его господами, помѣщиками. Каждый изъ этихъ лицъ могъ, по ихъ понятію, треснуть когда ему захочется любаго наборщика въ зубы. И это кое-когда, чаще всего со стороны экспедитора, приводилось въ дѣйствіе. Съ чѣмъ другимъ, а съ зуботычками наборщики университетской типографіи были очень близко знакомы. Колотилъ временами даже и такой „начальникъ“, который вовсе не былъ „начальникомъ“ и не имѣлъ никакого права командовать бутырцами.

Однажды я, послѣ седьмой корректуры, счелъ необходимымъ заглянуть въ типографію ночью (когда шло печатаніе). Кое-гдѣ станки уже стучали, при слабомъ озареніи маленькихъ лампочекъ. Станокъ, гдѣ печаталась моя книга, стоялъ безъ движенія, въ потьмахъ, но движеніе могло начаться всякую минуту. Я кликнулъ старшаго наборщика, Смирнова, съ фонаремъ, велѣлъ ему разыскать наборщика, который исправлялъ послѣднюю мою корректуру: это оказался его сынъ. Мы пошли къ станку втроемъ. Съ нами увязалось еще двѣ-три фигуры въ грязныхъ блузахъ,— тоже наборщики-бутырцы.

„Поправлена ошибка?“ спросилъ я. (Только одна и была въ этой седьмой корректурѣ).

— Какъ-же, поправлена!—отвѣчалъ мнѣ какой-то голосъ. „Отбей экземпляръ!“

Машина стукнула, листъ вылетѣлъ. Я взялъ его и увидѣлъ что ошибка вовсе не поправлена.

„Вотъ какъ у васъ исправляютъ корректуры!“ сказалъ я Смирнову-отцу: „одну ошибку поправить лѣнь!“

Смирновъ отецъ засуетился, взглянулъ свирѣпо на сына, потомъ взглянулъ на меня и сказалъ самымъ серьезнымъ тономъ:

— „Катайте его въ зубы!“

И еслибъ я исполнилъ это, никто-бы не удивился и Смирновъ-сынъ не возразилъ-бы ни однимъ жестомъ, ни однимъ словомъ...

Н. В. Бергъ.

[Продолженія слѣдуютъ].

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г.

V [1]).

Опредѣленіе въ дѣйствующую армію.—Пріѣздъ въ армію.—Вечеринки у молдаванъ. — Кишиневъ. — Военныя дѣйствія въ Севастополѣ. — Возвращеніе въ Москву. — Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. — Отъѣздъ въ Италію. — Бесѣда съ Гарибальди.

Въ армію пріѣхалъ я въ августѣ 1854 года, когда мы перешли изъ Молдавіи въ Бессарабію и главный штабъ расположился въ Кишеневѣ.

Явившись къ ближайшему моему начальнику, дежурному штабъ-офицеру полковнику Антошевскому, родомъ поляку, съ пріемами стародавнихъ временъ, потомъ къ дежурному генералу, генералъ-маіору Ушакову, когда-то адъютанту Паскевича и автору (описанія) турецкаго похода 1828—1829 гг.,—я поспѣшилъ познакомиться съ моими товарищами по службѣ, офицерами 4-го отдѣленія дежурства, и между ними, а также и въ другихъ отдѣленіяхъ и въ аудиторіатѣ, нашелъ нѣсколько

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXIII, іюнь, стр. 1—26, 559—578; изд. 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 293—319; 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 229—279.

премилыхъ и симпатичныхъ личностей, которыя меня сразу искренно полюбили. Избравъ изъ нихъ наиболѣе надежныхъ и, какъ мнѣ казалось, скромныхъ, я рѣшился обратиться къ нимъ съ такимъ вопросомъ: „что мнѣ дѣлать съ рекомендательными письмами, которыхъ мнѣ надавали разныя лица, когда я поѣхалъ въ армію? Бросить ихъ, или вручить по назначенію? Будетъ-ли въ этомъ какой-нибудь толкъ?“

— А къ кому именно у васъ есть письма?—спросилъ кто-то изъ офицеровъ.

— „Къ командующему арміею, князю Горчакову—три; одно отъ его близкаго родственника, Бахметьева, пренѣжное! Два письма къ начальнику штаба и столько-же къ дежурному генералу“.

— По моему, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, всѣ письма бросить, кромѣ писемъ къ Коцебу. Только ихъ и отдать. А если вы отдадите одновременно три письма къ командующему, да два къ дежурному генералу—Коцебу непремѣнно обидится, онъ преобидчивый! Подумаетъ: вотъ еще куда полѣзъ! И ничего для васъ не сдѣлаетъ. А если отдать только ему—онъ все сдѣлаетъ, что будетъ можно. Онъ здѣсь сила, можно сказать единственная; всѣмъ заправляетъ, все значитъ, а Горчаковъ просто нуль! Впрочемъ, какъ хотите. Это мое мнѣніе. Другіе, можетъ, и не такъ судятъ!“

Однако-жъ никто не возражалъ. Я рѣшилъ послушать такого совѣта: отнесъ два письма къ Коцебу, а прочія спряталъ, разсчитывая возвратить ихъ впослѣдствіи тѣмъ лицамъ, отъ кого я ихъ получилъ, но этого не вышло... они сгорѣли отъ бомбы.

Какъ водится въ арміяхъ, мнѣ отведена была сейчасъ-же казенная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ—одна комната съ глинянымъ поломъ, въ домѣ молдаванскаго семейства, состоявшаго изъ вдовы, высокой, дюжей молдаванки среднихъ лѣтъ, двухъ взрослыхъ дочерей, изъ которыхъ одна уже перешла за предѣлы первой молодости, и сына-гимназиста. Сама вдова говорила по русски съ сильнымъ молдаванскимъ акцентомъ, а дѣти говорили хорошо. Люди они были простые, безцеремонные. Черезъ недѣлю мы уже такъ сблизились, какъ-будто я жилъ у нихъ цѣлый годъ. Обѣ дѣвицы были романическаго свойства, особенно старшая, она читала нашихъ поэтовъ, много говорила

о любви, о чувствахъ; начать какую-нибудь романическую исторію было съ ними очень не трудно... Большинство нашихъ офицеровъ стояли на квартирахъ у хозяевъ, подобныхъ моимъ. Иные дома, пообширнѣе, хотя тоже безъ пола (полъ въ Бессарабіи, за неимѣніемъ лѣсовъ, большая рѣдкость), устраивали для своихъ постояльцевъ и ихъ товарищей и друзей вечеринки съ танцами, которыя начинались съ 6 часовъ вечера и продолжались, съ весьма малыми перерывами, до шести утра другаго дня. Пары носились съ неслыханнымъ увлеченіемъ, какъ ни на какихъ на свѣтѣ балахъ, въ облакѣ пыли, которая садилась на голыя плечи, руки и лица красавицъ, сообщала имъ цвѣтъ креоловъ, никто это не замѣчалъ, не чувствовалъ никакого стѣсненія, никакой скуки... Подъ конецъ всѣ гостьи дома, гдѣ давался балъ, накинувъ па плечи немудрые платочки, что случится, расходились по своимъ жилищамъ непремѣнно подъ руку съ офицерами, жались къ нимъ во мракѣ и полумракѣ иныхъ узкихъ безлюдныхъ переулковъ, не то садиковъ; можно было не только пожимать трепетныя ручки, но и цѣловать бойкихъ красавицъ сколько душѣ угодно.

Моя хозяйка тоже дала такую вечеринку или баликъ, о которомъ совѣщалась довольно долго съ однимъ своимъ пріятелемъ, какимъ-то чиновникомъ, ходившимъ къ ней почти всякій день. Совѣщанія клонились главнѣйшимъ образомъ къ тому, чтобы какъ можно менѣе истратить денегъ. Оба они, и чиновникъ и моя хозяйка, были люди не богатые, и у ней и у него были загородомъ скромные хутора, гдѣ росъ виноградъ, яблоки груши, сливы, огородные овощи, водились куры, утки, индѣйки Все это, конечно, не мало способствовало уменьшенію расходовъ. Онъ поставилъ нѣсколько экземпляровъ домашней птицы; она снабдила фруктами, овощами, бѣлымъ и краснымъ виномъ. Нанять пришлось только одну музыку: цыганъ и жидовъ со скрипками, гитарами, флейтами, дудками, мѣдными тарелками (обычные тамошніе оркестры). Если не особенно стройно, то громко и задорно: на это всегда можно было разсчитывать.

Кромѣ такихъ развлеченій, въ Кишиневѣ, при содѣйствіи властей, явился скоро порядочный театръ, т. е. труппа, а зданіе было и прежде. Игравшая главныя женскія роли въ разныхъ комедіяхъ, опереткахъ и водевиляхъ, молоденькая и недурная

собой актриса Боброва приводила молодежь временами въ неописанный восторгъ. Одинъ богатый гусаръ тратилъ на нее такія деньги, что начальство, наконецъ, сочло нужнымъ вступить въ свои права и остановить неумѣстные порывы.

Самый Кишиневъ былъ весьма незанятенъ и непоэтиченъ: довольно большой, широко раскинувшійся городъ съ неказистыми, приземистыми домами, съ немощеными улицами, гдѣ самая главная (на которой стоялъ губернаторскій домъ, занятый въ то время штабомъ) представляла родъ песчаной степи, гдѣ въ сухіе теплые дни вѣтеръ крутилъ и несъ изъ конца въ конецъ желтыя облака пыли, а во время дождей образовывалась вязкая, съ трудомъ проходимая, грязь. Формально ни одного дома, на которомъ можно было-бы остановить вниманіе!

Русскій странникъ могъ пожалуй помечтать передъ развалинами большаго каменнаго дома генерала Инзова, гдѣ жилъ когда-то сосланный въ Бессарабію Пушкинъ. Оттуда лучшій видъ на Кишиневъ. Давно провалившіеся потолки и полы не даютъ возможности ходить по комнатамъ этого дома. Проводникъ подвелъ меня къ двумъ окошкамъ, разумѣется безъ рамъ, показалъ комнату съ синими стѣнами и увѣрялъ, будто-бы Пушкинъ жилъ именно здѣсь. Можетъ быть. Мѣстами видишь какъ-бы надписи, но прочитать ихъ трудно. Крыша на домѣ вездѣ сильно сквозитъ. Я сдѣлалъ очеркъ дома,—можетъ быть донынѣ единственный рисунокъ этого любопытнаго для насъ зданія. Надо-бы снять фотографію. Время съ каждымъ днемъ стираетъ краски минувшаго. Оно сдунетъ, конечно, и эти развалины, а можетъ быть ужъ и сдуло [1]).

Городской кишиневскій садъ, противъ губернаторскаго дома, насаженный довольно давно по самому сухому, казенному рисунку, поддерживался плохо и въ общемъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Но такъ какъ это былъ единственный пунктъ, въ центрѣ города, гдѣ можно было подышать чистымъ воздухомъ и видѣть много зелени, — то въ немъ всетаки прогуливались кому некуда было дѣваться.

---

[1]) Изъ газетной одной корреспонденціи видно, что нынѣ (февраль 1891 г.) отъ этого дома не осталось и слѣда: на мѣстѣ, гдѣ былъ домъ-жилище нѣкогда Пушкина—выстроены конюшни. Ред.

Высадка въ сентябрѣ 1854 г. французскихъ и англійскихъ войскъ на берега Крыма, сраженіе подъ Альмой, занятіе высотъ на южной сторонѣ Севастополя и приготовленія непріятеля къ осадѣ—заняли всѣ умы и языки. Гдѣ бы ни сошлись артиллеристы, инженеры, офицеры генеральнаго штаба и высшіе чины арміи—вездѣ слышались шушуканья о судьбѣ нашей крымской арміи, Севастополя, вынимались бумажки, чертились планы укрѣпленій, потомъ все это рвалось на мелкіе кусочки. Такъ какъ многіе изъ старшихъ образованныхъ офицеровъ знали довольно хорошо положеніе нашихъ укрѣпленій подъ Севастополемъ, точнѣе—совершенное отсутствіе укрѣпленій, то всѣ, болѣе или менѣе смышленные, предполагали, что не сегодня—завтра непріятель вступитъ въ городъ съ распущенными знаменами, подъ грохотъ барабановъ и звуки трубъ... Однако проходили дни за днями—ничего такого не было. Наконецъ, талантливый инженерный подполковникъ Тотлебенъ, посланный Горчаковымъ изъ южной арміи въ распоряженіе главнокомандующаго крымской арміею, князя Меншикова, одновременно съ другимъ талантливымъ инженеромъ Фальконетомъ (?), донесъ, что „непріятель повелъ правильную осаду". Всѣ вздохнули свободнѣе.

Страшная бомбардировка 5 октября 1854 г. и вскорѣ затѣмъ весьма неуспѣшныя и безтолковыя наши дѣйствія подъ Инкерманомъ 24 октября, гдѣ мы должны были неизбѣжно разбить непріятеля, между тѣмъ были сами позорно опрокинуты и бѣжали — снова заставили головы патріотовъ опуститься и... подумать о недалекомъ будущемъ.

Государь Николай Павловичъ приписывалъ всю неудачу послѣдняго дѣла главному распорядителю, дѣйствительно неспособному командовать войсками въ такое мудреное время. Меншиковъ подалъ въ отставку—и былъ замѣненъ еще менѣе способнымъ главнокомандовать, княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, много разъ разбитымъ турками еще въ 1828 г. Въ назначеніи его главнокомандующимъ Крымской арміи виноватъ Паскевичъ, который потомъ горько въ этомъ раскаявался. (Письмо его къ князю М. Д. Горчакову, диктованное на смертномъ одрѣ адъютанту, Панютину, напечатано въ „Русской Старинѣ" изд. 1872 г., т. VI, стр. 432).

Что произошло въ Севастополѣ — это мною разсказано въ

отдѣльной книгѣ и вообще черезъ-чуръ всѣмъ извѣстно. Странно было-бы, если-бы я сталъ все это повторять теперь, хотя-бы въ самомъ краткомъ видѣ.

По заключеніи мира, штабъ южной и крымской арміи былъ расформированъ. Я остался за штатомъ—и уѣхалъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ. Такъ какъ веденныя мною записки объ осадѣ сгорѣли на фрегатѣ „Коварный"—я старался возобновить все это въ моей памяти бесѣдами съ разными компетентными лицами, участниками и свидѣтелями фактовъ, какіе совершаются нечасто. Большинство такихъ лицъ я нашелъ въ Петербургѣ, и при помощи ихъ сдѣлалъ кое-что.

Ратное движеніе на югѣ Европы стало тянуть меня въ ряды чужой арміи. Московскіе друзья мои радовались такому порыву. М. П. Погодинъ сочинилъ по этому поводу обѣдъ у себя въ саду. Шевыревъ сказалъ мнѣ напутствіе въ стихахъ. Знаменитый Алексѣй Петровичъ Ермоловъ пожелалъ меня видѣть и принялъ въ высшей степени любезно, въ домѣ своемъ на Пречистенкѣ, неподалеку отъ пожарнаго депо. Это былъ въ то время (начало мая 1859 г.) колоссальный старикъ, разставшійся съ военными формами, въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ, такихъ-же шароварахъ и желтомъ, тоже нанковомъ, жилетѣ, съ голубымъ платкомъ на шеѣ, котораго длинные концы висѣли по рубашкѣ засыпанной табакомъ. Въ лицѣ стараго генерала, когда-то страшномъ и грозномъ (какимъ видимъ его на портретѣ Доу, въ буркѣ), осталось очень мало напоминанія объ его прошлой воинственной красѣ: оно представляло соединеніе мясистыхъ холмовъ, гдѣ носъ, широкій и расплющенный, какъ носъ льва, былъ главнымъ возвышеніемъ. Большія губы складывались подъ нимъ какъ-то оригинально, сливаясь въ одну массу. Все это было обрамлено бѣлыми сѣдыми бакенбардами, при дурно обритой и тоже засыпанной табакомъ бородѣ. Брови сильно надвигались на маленькіе глаза, имѣвшіе въ себѣ еще что-то пронзительное. Наконецъ, сверху распространялся густой шалашъ небрежно разбросанныхъ по огромной головѣ бѣлыхъ волосъ. Все вмѣстѣ, въ иныя минуты, необычайно напоминало льва—было чѣмъ-то такимъ, чего не видишь въ массахъ нынѣшнихъ людей; иногда лицо казалось каменной глыбой, изъ которой художникъ началъ дѣлать голову Юпитера или Ахиллеса, отесалъ

кое-какъ, означилъ главные пункты—возвышенія и углубленія—и бросилъ.

Ермолову могло быть въ то время близь подъ девяносто лѣтъ. Отсутствіе движенія, постоянно сгорбленное положеніе тѣла на громадномъ креслѣ, передъ столомъ, подѣйствовали разрушительно на могучій организмъ этого человѣка, не знавшаго во всю жизнь никакихъ болѣзней: онъ уже съ трудомъ приподнимался; къ обѣду водили его подъ руки два гайдука; говорилъ онъ внятно (только, вслѣдствіе отсутствія зубовъ, шамшилъ) и слышалъ хорошо, но поминутно засыпалъ, закрывая глаза и сильно дыша. Всѣ слушавшіе передъ тѣмъ какой-нибудь разсказъ его притихали. Когда Ермоловъ открывалъ глаза—разсказъ продолжался отъ прерваннаго мѣста какъ будтобы и не прерывался. Что бы ни говорилъ старикъ, принято было не возражать, хотя бы говорилась изрядная чепуха...

Зная, что я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Севастополѣ во время осады и, разумѣется, могъ видѣть много разъ какъ кто дерется, Ермоловъ, послѣ первыхъ ничего незначущихъ фразъ, проговорилъ:

— „Скажи мнѣ, пожалуйста, милый любезный Бергъ, хорошо французы дерутся? молодцы? Англичане, тѣ не умѣютъ драться. Англичане, братъ, торгаши, а не солдаты!“

Вообще онъ любилъ, такъ или иначе, кольнуть англичанъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Все англійское, по его мнѣнію, было дурно, и странно было-бы, если-бъ кто изъ гостей стараго генерала сталъ противъ этого спорить.

— „Вотъ, ты скоро опять увидишь храбрыхъ молодцовъ французовъ, милый, любезный Бергъ!... Когда вернешься, не обойди мой порогъ. Если это будетъ не далѣе какъ черезъ годъ,—я еще буду живъ; чувствую силъ еще (хватитъ) на годъ, а дальше... Богъ вѣдаетъ!... (Онъ такимъ образомъ почти предсказалъ свою смерть: умеръ 11 апрѣля 1861 г.). Если-бы я былъ молодъ и крѣпокъ, я бы встрѣтилъ тебя на заставѣ, я такъ тебя люблю!... Но теперь не могу! Прости великодушно! Скоро, можетъ быть, и по комнатамъ перестану двигаться!“

Я видѣлъ любопытнаго старика, до отъѣзда моего въ Италію, еще раза три. Однажды у него обѣдалъ. Всѣ, кто былъ приглашенъ тогда къ обѣду, явились въ полныхъ мундирахъ, при

орденахъ. Каждаго или почти каждаго хозяинъ встрѣчалъ такими словами: „ишь какъ разрядился, настоящій иконостасъ!“

А приди-ка иначе!.... Идя въ обѣду черезъ нѣсколько большихъ залъ, я замѣтилъ на стѣнахъ множество масляныхъ картинъ средней величины въ золотыхъ и другихъ рамахъ, съ изображеніемъ разныхъ битвъ временъ Наполеона I. Вездѣ его фигурка то въ сѣромъ сюртукѣ, то въ мундирѣ прежней республиканской Франціи. Отдѣльныхъ портретовъ Наполеона всякихъ величинъ тоже было вездѣ много. И только такія картины: либо Наполеоновскія битвы, либо онъ самъ.

Въ послѣдній день пребыванія моего у Ермолова, подойдя къ его широкому креслу, гдѣ погружалась его массивная фигура, я сказалъ: „Теперь, прощайте, благословите меня!“

— „Хорошо, братъ, изволь! Въ моемъ благословеніи есть что-то могущественное (слово въ слово). Многихъ оно охранило въ минуты чрезвычайной опасности. Стефани знаешь? Да одинъ-ли Стефани!“

Армейскій поручикъ Стефани, отправляясь въ венгерскую кампанію, въ 1849 году, получилъ благословеніе Ермолова. Въ одной битвѣ главнокомандующій послалъ его въ телѣгѣ черезъ горы въ отрядъ великаго князя Михаила Павловича, съ депешами. Стефани наткнулся на венгерцевъ, которые дали по немъ нѣсколько залповъ, когда онъ несся мимо ихъ во всю прыть лошадей. Какъ-то случилось, что всѣ пули прошли довольно счастливо. Поручикъ былъ раненъ, но не опасно, впрочемъ кровь лилась сильно и это его ослабило. Онъ прискакалъ въ отрядъ Михаила Павловича, едва живой, подалъ великому князю пакетъ и упалъ. Впослѣдствіи, когда онъ оправился, ему было дозволено носить постоянно фуражку. Его можно было нерѣдко видѣть въ Москвѣ, въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ и на улицахъ. Онъ подпирался тростью. Имя его всѣ знали. Знали и о благословеніи Ермолова.

Ермоловъ сталъ раскачиваться и поднялся во весь гигантскій ростъ, превышая меня, по крайней мѣрѣ, головой. Я немного наклонился и чувствовалъ, что огромная ручища летаетъ надо мной въ воздухѣ. Потомъ онъ снова тяжело опустился въ кресло.

Не могу не замѣтить объ его рукахъ: это были совершенно

исключительныя по грубости кожи руки, казалось онѣ покрыты не простою человѣческою кожей, а какой-то чешуей. Разсматривая ихъ однажды, я вспомнилъ разсказъ Марлинскаго, въ „Аммалатъ Бекѣ", гдѣ Ермоловъ отсѣкаетъ кинжаломъ голову быку—штука, очень рѣдко удающаяся и восточнымъ джигитамъ, требующая и силы, и сноровки, и частаго упражненія. Откуда у главнокомандующаго кавказской арміи могло быть такое упражненіе? Я спросилъ объ этомъ фактѣ у Алексѣя Петровича, онъ отвѣчалъ, что съ нимъ никогда ничего подобнаго не бывало.

—„А былъ силенъ, нечего сказать! Издоровъ: я въ 50 лѣтъ чувствовалъ себя какъ иной въ 20. Если не нахожусь съ утра до ночи въ самомъ усиленномъ движеніи, въ разъѣздахъ по горамъ, въ осматриваніи чего-нибудь, по мнѣ по всему пойдутъ бывало сейчасъ пупырья".

И такого-то богатыря судьба усадила съ 1826 года за письменный столъ, въ четыре стѣны кабинета, когда ему были еще нужны и конь, и поля, и горы!....

Когда я пріѣхалъ въ Италію (черезъ Парижъ, гдѣ долженъ былъ протаскивать свой паспортъ черезъ сенскую префектуру и сардинское посольство, причемъ далъ какимъ-то чиновникамъ по пяти франковъ въ руку, безъ всякой церемоніи, какъ русскимъ квартальнымъ), вся моя забота была отыскать кого-либо изъ французскихъ севастопольскихъ знакомыхъ. Занимая въ послѣднее время службы въ южной арміи должность старшаго переводчика при главнокомандующемъ, я имѣлъ множество случаевъ видѣть у себя въ Бахчисараѣ офицеровъ французскаго генеральнаго штаба, а потомъ въ перемиріе въ апрѣлѣ 1856 г. самъ ѣздилъ въ главную квартиру французовъ подъ Камышемъ, обѣдалъ у начальника штаба, генерала Мартентре (?), перезнакомился съ разными высшими членами французской арміи: все это три года спустя еще возвысилось. Мартентре былъ помощникомъ начальника штаба, министра Вальяна.

Я уладилъ безъ труда разъѣзды не только по французской арміи, но и по итальянской, а подъ конецъ кампаніи попалъ въ штабъ Гарибальди, видѣлъ этого знаменитаго человѣка очень близко—въ Тирано, главномъ городѣ Валкамоники, и въ Ядоло, на берегу озера Изео, въ альпійскихъ горахъ.

Разъ, когда генералъ былъ боленъ и долженъ былъ лежать я сидѣлъ у него на постели и мы бесѣдовали долго о нашихъ крестьянахъ, которыхъ правительство тогда освобождало. Гарибальди удивлялся, какъ это такая важная перемѣна въ государствѣ совершается тихо, безъ пролитія капли крови.... Прощаясь со мною, онъ сказалъ:

—„Помните постоянно, что лучшій вашъ другъ живетъ въ Италіи!“

Я имѣлъ неосторожность это напечатать и послѣ испыталъ не мало непріятностей со стороны тупыхъ наблюдателей за русскими нравами и поведеніемъ русскихъ за границей. Я попалъ и въ сторонники Гарибальди, и въ его волонтеры, и.... мало-ли что разсказывалось обо мнѣ разными негодяями, а иногда и писалось въ Петербургъ для увеличенія моего досье.

VI.

Засѣданія общества любителей россійской словесности.—Фанатическое движеніе на Востокѣ.—Поѣздка на Востокъ.—Сбарбори.—Чубуки и Мехметъ.—Особенности Востока.—Жизнь въ Бейрутѣ.—Въ Іерусалимѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Отъѣздъ въ Польшу корреспондентомъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Воротясь, по окончаніи французско-итальянской кампаніи, въ Москву, которую я продолжалъ считать своею главною квартирою, своимъ „домомъ“, я нашелъ въ ней кое-какія перемѣны: „Общество любителей россійской словесности“, основанное еще при государѣ Александрѣ Павловичѣ и потомъ при Николаѣ Павловичѣ само себя закрывшее впредь до благопріятной минуты, открыло въ Москвѣ свои засѣданія, привлекавшія (когда эти засѣданія были публичными) въ залу сессій и диспутовъ стараго университетскаго зданія на Моховой, можно сказать, всю интеллигенцію Бѣлокаменной. Первымъ предсѣдателемъ общества былъ Погодинъ, потомъ Хомяковъ, потомъ Аксаковъ (нынѣшній[1]) издатель „Руси“) и, наконецъ, Кошелевъ. Дальнѣйшихъ не знаю. Секретарями: Лонгиновъ, Соболевскій.... по Россіи несся тогда „духъ буренъ“. Пробуждались польскія надежды.

[1]) Писано въ 1884 году.

Все лучшее (?) у насъ было на сторонѣ поляковъ, протягивало имъ руки, простирало объятія. Салоны Каткова (редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“) были для нихъ открыты по пятницамъ, когда собиралось тамъ всякаго литературнаго народа видимо-невидимо. Леонтьевъ говорилъ о нихъ восторженно. Мои чтенія въ обществѣ „Любителей“ (какъ новаго члена) переводовъ изъ Мицкевича, преимущественно отрывковъ изъ „Пана Тадеуша“, производили эффектъ чрезвычайный. Всякія (увы) насмѣшки надъ нами, каррикатурныя изображенія нашихъ генераловъ сопровождались хохотомъ прежде всего генераловъ-же. Помню, какъ теперь: генералъ баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ долго не могъ успокоиться отъ смѣха, послѣ прочтенія мною: „А вотъ у москалей, такъ что ни генералъ—весь свѣтится въ звѣздахъ, все небо обобралъ“.

Что̀ читалъ [Мих. Ник.] Лонгиновъ о Княжнинѣ, о Новиковѣ, о Радищевѣ,—Лонгиновъ, вскорѣ затѣмъ свирѣпѣйшій крѣпостникъ, дикій губернаторъ и еще страшнѣйшій начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати! [Ник. Фил.] Павловъ прочелъ однажды громовую статью о дѣйствіяхъ начальника легкой кавалерійской дивизіи гр. Ржевускаго. Предсѣдатель (Хомяковъ) говорилъ Павлову передъ чтеніемъ, что „нельзя этого читать“, дружески запрещалъ чтеніе. Павловъ сказалъ, что „прочтетъ самый незначительный отрывокъ, гдѣ ничего такого нѣтъ“ и какъ-то нечаянно прочелъ все! Мы уже попривыкли къ подобнымъ выходкамъ нѣкоторыхъ членовъ общества, но... всетаки были сильно поражены. Многіе думали, что выйдетъ какая-нибудь исторія... можетъ быть закроютъ черезъ-чуръ расходившееся общество. Генералъ-адъютантъ, близко извѣстный государю и человѣкъ вообще недурной, начальникъ дивизіи, нисколько не отличавшійся отъ всѣхъ прочихъ начальниковъ дивизій, даже лучшій многихъ, выставленъ былъ на позорище и осмѣянъ за то, что осмѣлился удалить отъ себя одного довольно обыкновеннаго офицера, который, между прочимъ, увезъ у него дочь и на ней тайно обвѣнчался.

Гроза однако прошла благополучно. Добродушнѣйшій начальникъ московскаго округа жандармовъ, Перфильевъ, постоянно бывавшій на публичныхъ чтеніяхъ, любитель словесности, не счелъ нужнымъ доносить Петербургу о „такихъ пустякахъ“. Онъ былъ,

какъ кажется, на сторонѣ автора, по крайней мѣрѣ на сторонѣ многихъ эффектныхъ и игривыхъ выраженій, какими даровитая статья Павлова была усыпана точно камнями самоцвѣтными. Нечего говорить, что было тогда съ людьми новаго закала, какъ они потирали руки и смѣялись!

Общество вело себя въ то баснословное время до того непринужденно и развязно, что однажды, по закрытіи дверей (что дѣлалось всегда при началѣ чтеній), не пустило, пріѣхавшаго къ нему въ гости, страшнаго генералъ-губернатора Закревскаго—впрочемъ страшнаго лѣтъ десять, восемь тому назадъ, когда онъ сослалъ Богъ-вѣсть за что Павлова въ Пермь, а теперь уже уходившагося, какъ-бы потерявшаго свои бланки.

Ермоловъ, котораго я посѣтилъ на другой или на третій день по пріѣздѣ, былъ мнѣ, видимо, очень радъ. Опять разспрашивалъ о французахъ... и сказалъ, что былъ очень боленъ, въ первый разъ въ жизни: „пріѣзжалъ Иноземцевъ, далъ мнѣ какіе-то порошки: не подѣйствовали нисколько! Онъ увеличилъ дозу—опять ничего! Только послѣ третьяго увеличенія дозы случилось что-то... васъ, говоритъ, надо лечить совсѣмъ иначе, нежели мы лечимъ людей вообще: вы мастодонтъ! Каково, братъ, я—мастодонтъ!“ И весело засмѣялся.

Начавшееся фанатическое движеніе на дальнемъ Востокѣ, возстаніе въ Дамаскѣ и окрестностяхъ, обязанное своимъ происхожденіемъ происканъ наслѣдника турецкаго престола, Абдулъ-Азиза, которому смертельно хотѣлось подвязать въ мечети Ейюби саблю османовъ, послѣ смерти брата своего Абдулъ-Меджида-Хана, который былъ едва живъ,—это движеніе обращало на себя сильное вниманіе всей европейской прессы. Ожидали чрезвычайныхъ событій войны. Уже эскадры всѣхъ первенствующихъ державъ собрались передъ Бейрутомъ, остановивъ рѣзню, подобную Дамасской. Первымъ прибылъ нашъ военный фрегатъ „Илья Муромецъ“ и своими громкими салютами городу заставилъ мусульманъ, точившихъ ножи, призадуматься. Они притихли, а христіане подняли головы.

Павловъ, въ то время уже редакторъ журнала „Наше Время“ (съ 1857 г.), предложилъ мнѣ ѣхать его корреспондентомъ на востокъ. Дѣлать мнѣ было нечего: я съ удовольствіемъ согласился. Море, которое я зналъ до тѣхъ поръ только по рейду

Севастополя, произвело на меня неслыханно пріятное впечатлѣніе, когда явилось предо мною во всей своей красѣ и величіи. Я почти не сходилъ съ палубы отъ Одессы до Константинополя и потомъ отъ Константинополя до Александріи. По счастію, я не страдаю отъ морской болѣзни, а потому никакое волненіе въ морѣ, никакіе шквалы не могли парализовать моихъ наблюденій.

Не малый интересъ возбуждало во мнѣ еще одно лицо, постоянно бродившее взадъ и впередъ по палубѣ: это былъ нашъ лоцманъ, родомъ грекъ, старикъ громадныхъ размѣровъ, по фамиліи Сбарбори, когда-то въ 1820-хъ годахъ морской разбойникъ, безъ жалости душившій турокъ и кого придется, въ Архипелагѣ и Черномъ морѣ. Онъ сдѣлалъ себѣ огромное состояніе—чисто однимъ грабежомъ, вовремя забастовалъ—и сталъ

„Одессы житель мирный
И очень добрый человѣкъ".

Такія лица встрѣчаются нерѣдко во всѣхъ южныхъ портахъ Европы. Кажется, всего болѣе ихъ въ Одессѣ. Упоминаемый Пушкинымъ „сынъ Египетской земли, корсаръ въ отставкѣ, Морали" —историческое лицо, чуть-ли не живущее донынѣ (1884 г.) въ Одессѣ, гдѣ онъ пристроилъ очень выгодно своихъ дочерей, а сыновьямъ далъ серьезные капиталы. Я зналъ одного изъ его внуковъ, гусара, который получалъ 300.000 рублей ежегоднаго дохода.

Не знаю, какъ велъ и ведетъ себя этотъ „Пушкинскій корсаръ въ отставкѣ", а Сбарбори ни отъ кого не скрывалъ своей старинной разбойничьей профессіи. Иногда, въ Архипелагѣ, онъ показывалъ намъ пещеры на островахъ, гдѣ его товарищи по ремеслу вмѣстѣ съ нимъ дѣлили между собою, фесками, награбленное золото. Что это былъ за человѣкъ, что за грудь, что за плечи, что за руки! Только съ такимъ истинно-богатырскимъ тѣлосложеніемъ можно было вынести все то, что онъ вынесъ, спать на мокрой землѣ, на камняхъ, гдѣ приткнулся, и никогда не простужаться, не знать никакихъ нашихъ недуговъ. Ему было тогда уже 90 лѣтъ, но онъ смотрѣлъ бравѣе многихъ 20-лѣтнихъ юношей и лучше всѣхъ на пароходѣ видѣлъ вдаль. Еще никто ничего не видитъ, а ужъ онъ разсказываетъ очертанія

явившихся на горизонтѣ острововъ, которые съ каждой минутой становятся яснѣе и яснѣе и, наконецъ, убѣждаетъ всю команду парохода, что старикъ не вретъ.

Когда онъ дремалъ въ своей каютѣ, туда уже не входили: въ воздухѣ стояло густое облако такихъ испареній, какъ въ клѣткѣ спящаго носорога или бегемота.

Само собою разумѣется, что Сбарбори не имѣлъ никакой надобности служить лоцманомъ: у него, какъ говорили, въ однихъ Аѳинахъ было семь каменныхъ домовъ, да сколько-то въ Одессѣ. Онъ былъ лоцманомъ единственно отъ тоски по морю. На землѣ ему было невыносимо скучно.

Первыя впечатлѣнія востока, его особенная природа, пестрыя, свободныя одежды жителей, болѣе всего—Константинополь съ его оригинальными зданіями, раскинутыми на нѣсколькихъ холмахъ, съ его красивыми мечетями и минаретами, рѣзко отдѣляющимися отъ синяго, безоблачнаго неба, роскошные платаны, акаціи, кипарисы, Босфоръ съ кораблями и тысячи каиковъ, съ красивыми атлетами, ребятами—заглядѣнье! первыя впечатлѣнія всего этого были для меня благопріятны, но потомъ, когда я началъ мало-помалу приподнимать разныя завѣсы — неизлѣчимая, несмываемая никакими морями въ продолженіе многихъ вѣковъ грязь востока ярко предо мною обнаруживалась. Я вспомнилъ слова Грановскаго, когда мы разъ заговорили о востокѣ: „что, батюшка, была всегда грязь въ самой глубокой древности, и теперь грязь—и едва-ли ее когда-нибудь отмоютъ!“

Плыветъ съ вами богатый паша, немилосердно грабящій свой пашалыкъ, у кого денегъ, что называется куры не клюютъ, паша, значитъ всетаки хоть и турецкій да генералъ—и не стыдится имѣть билетъ 4-го класса, толочься между всякимъ простымъ людомъ, ѣсть грошовую соленую рыбу и всякую дрянь, за которою посылаетъ на берегъ чубукчи, т. е. подавателя трубокъ, когда пароходъ бросаетъ у какого-нибудь порта якорь. Чубукчи покупаетъ два обѣда (т. е. рыбу, какой-нибудь зелени и сладкую лепешку) для барина и для себя и тутъ-же вмѣстѣ ѣдятъ, только по разнымъ угламъ. И кто этотъ баринъ, этотъ паша, этотъ генералъ? — это точно такой-же чубукчи, только прошедшій разныя ступени турецкой службы.

Нашъ кайфскій консулъ разсказывалъ мнѣ такую исторію,

совершившуюся у него на глазахъ. У Джеззаръ-паши Сенъ-Жанъ-д'Акрскаго (извѣстная крѣпостца, которую бралъ Наполеонъ I и срѣзался,—тогда-то и царствовалъ тамъ свирѣпый Джеззаръ-паша) былъ ловкій и расторопный чубукчи Мехметъ, который, подавая поминутно чубуки своему повелителю, зналъ всегда расположеніе его духа и направлялъ къ нему просителей въ такое время, когда они могли болѣе выиграть. Разумѣется, просители благодарили за это услужливаго чубукчи. Лѣтъ черезъ пять онъ сбилъ себѣ такимъ образомъ изрядный капиталецъ—и купилъ на него у своего барина, Джеззаръ-паши, мѣсто мудира (нѣчто въ родѣ городничаго) въ мѣстечкѣ Кайфѣ, лежащемъ въ двухъ часахъ ѣзды отъ Акры. Грабилъ жителей не на животъ, а на смерть, сбилъ еще капиталецъ, и купилъ у того-же Джеззаръ-паши мѣсто мутскелима, какъ-бы градоначальника, въ Сайдѣ, потомъ тѣми-же путями добрался до мѣста каймакама въ Триполи, т. е. губернатора. Далѣе Джеззаръ-паша вести своего любимца не могъ; мѣста пашей давалъ Константинополь.

Когда Джеззаръ-паша умеръ, бывшій его чубукчи Мехметъ отправился въ Константинополь, далъ тамъ кому слѣдовало солидныя взятки не только наличными, но и векселями—и сѣлъ на тронъ своего благодѣтеля. Прибывъ въ Акру, уже какъ паша, онъ смотрѣлъ такимъ оборвышемъ, что ему было неловко въѣхать въ городъ. Онъ не счелъ нисколько неприличнымъ попросить у своего лакея сюртукъ, который былъ немного лучше и приглядѣе барскаго—и въ этомъ лакейскомъ сюртукѣ жители Акры увидѣли впервые своего новаго повелителя. А какихъ нибудь лѣтъ черезъ десятокъ акрскій паша Мехметъ сдѣлался великимъ визиремъ, нося названіе Мехметъ-Кубруски-паша.

И давно-ли все это было! Лѣтъ 20 назадъ. Что-же за мудрость, если Турція управляется неслыханно дурно, если она давно получила прозвище „больнаго человѣка“, если она теряетъ поминутно область за областью, если Европа не хочетъ знать объ ея существованіи.

Али-паши, Фуадъ-паши, Даудъ-паши... это неслыханно рѣдкія исключенія, турки, не то черкесы, воспитанные въ Парижѣ. Они имѣютъ кое-какой европейскій лоскъ, они ѣздятъ въ первомъ классѣ, они опрятны. А если-бы вы посмотрѣли, какимъ поло-

тенцемъ обтираетъ свои руки любой паша на востокѣ: дамасскій, бейрутскій, іерусалимскій, умывши ихъ въ чудеснѣйшемъ фонтанѣ, который падаетъ въ еще болѣе чудесный мраморный резервуаръ! Если-бы вы заглянули подъ военный вицмундиръ паши, похожій на казакинъ, всегда сверху донизу застегнутый, но... лучше не заглядывайте!...

Знаменитый Абделъ-Кадеръ, французскій плѣнникъ, имѣвшій въ Дамаскѣ большой комфортабельный дворецъ и получавшій отъ французскаго правительства сперва 70,000, а потомъ (съ 1860 до конца жизни, т. е. до 1882) 100,000 франковъ ежегоднаго содержанія, принималъ меня не разъ въ голубомъ истасканномъ халатѣ и въ этомъ-же халатѣ отправился съ визитомъ къ нашему чрезвычайному комиссару Е. П. Новикову (впослѣдствіи вѣнскому и константинопольскому послу) — и не зналъ, что онъ одѣтъ грязно, какъ послѣдній дамасскій торговецъ. Я видѣлъ его въ отрепанныхъ туфляхъ на босую ногу. Иногда туфли его безпокоили и онъ ихъ сбрасывалъ и сидѣлъ, и ходилъ по комнатѣ босикомъ. Полотенце его, висѣвшее у вѣчно бьющаго фонтана, было ужасно... Я удостоился видѣть даже его женъ: это были простыя рыночныя бабы, нарумяненныя, набѣленныя, насурмленныя. Ни въ одной изъ нихъ не было и напоминанія о красотѣ, а ручищи и ножищи совершенно напоминали руки и ноги мѣщанокъ и крестьянокъ нашего захолустья. Вспомнимъ еще, что эти бабы спятъ въ чемъ ходятъ, нисколько не раздѣваясь, иногда въ сорокоградусной жарищѣ... Такъ спитъ весь востокъ отъ нашего Крыма до Мерва и Туркестана, отъ Константинополя до Судана—и дальше. Я имѣлъ случай въ этомъ не разъ убѣдиться собственными глазами. „Была грязь въ самой глубокой древности, и теперь грязь—и едва-ли ее когда-нибудь отмоютъ!“ говорилъ Грановскій.

Читателямъ, конечно, извѣстно поведеніе нашихъ персидскихъ гостей въ императорскихъ дворцахъ обѣихъ столицъ. Вѣдь шахъ это императоръ и его свита, а чѣмъ они разнятся отъ татарина и его окружавшихъ военноначальниковъ?..

Странно! Во всѣхъ большихъ городахъ востока, гдѣ только я останавливался на нѣкоторое время для своихъ наблюденій, какъ корреспондентъ „Нашего Времени“, даже на иныхъ военныхъ и коммерческихъ судахъ, считали меня секретнымъ реви-

зоромъ. Наша русская ревизорская болѣзнь, породившая знаменитаго „Ревизора“ Гоголя—занеслась Богъ-вѣсть какимъ образомъ и на востокъ, разумѣется въ тамошніе русскіе кружки, и въ море. Мнѣ намекали, что я „должно быть ревизоръ“, многія высоко-поставленныя личности. Иные думали, что я корреспондентъ „Колокола“ (бывшаго тогда въ апогеѣ своей силы и славы). Письмо къ Герцену о невѣжливомъ поступкѣ главнаго командира нашей Бейрутской эскадры, такъ называемаго „Морскаго бога“, Ивана Ивановича Шестакова, съ однимъ коммерческимъ судномъ, — приписывалось мнѣ. Герценъ совѣтывалъ ему смирить гордыню и быть со всѣми вѣжливымъ, говоря, что у него имѣется шесть писемъ, о томъ-же лицѣ, которыхъ онъ печатать не станетъ, въ надеждѣ исправленія „Морскаго бога,“ но если онъ не исправится, то они будутъ непремѣнно напечатаны. Изъ Петербурга получено замѣчаніе эскадрѣ. Шестаковъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, даже, какъ говорили офицеры, и какъ это вообще бываетъ, пересолилъ въ нѣжностяхъ, что главному командиру неприлично.

Авторомъ и этихъ шести писемъ, яко бы лежащихъ въ редакціи „Колокола“, считали тоже меня!... „Морской богъ“ былъ со мною холоденъ.

Главнымъ пунктомъ моего пребыванія на востокѣ я избралъ Бейрутъ, какъ городъ болѣе изобилующій европейцами, гдѣ все можно достать, гдѣ получались всякіе журналы, книги и газеты, съ разными пароходами еженедѣльно. Русскіе пароходы приходили въ двѣ недѣли разъ. Само собою разумѣется, не существовало никакихъ цензурныхъ стѣсненій. Въ иныхъ городахъ не знали даже, что̀ такое паспортъ; продолжались времена Іисуса Христа: можно было ходить толпами и порознь, гдѣ кому угодно, не имѣя при себѣ никакой бумаги. Такъ было въ Дамаскѣ, въ Іерусалимѣ и во многихъ мелкихъ городахъ Сиріи и Палестины. Эти обширныя страны представляли вообще страшную неурядицу и вопіющій произволъ высшихъ властей, какого не дай Богъ видѣть европейцу даже и во снѣ,—съ другой стороны поражаютъ насъ чрезвычайной свободой жизни, отсутствіемъ многаго дряннаго, что у насъ видишь поминутно на всякомъ шагу, спрашиваешь: какъ это? отчего это? и не можешь разрѣшить этихъ вопросовъ. Паспортовъ нѣтъ,

цензуры нѣтъ, таможенъ нѣтъ (въ большинствѣ городовъ), нищихъ нѣтъ, полиціи нѣтъ, сыщиковъ подавно; впрочемъ, иногда усмотришь одного полицейскаго на всю громадную площадь, гдѣ двигается съ ранняго утра до вечера тысячъ сто человѣкъ народу. Ни ссоръ, ни дракъ,—толки, оглушительные крики: это обыкновенный разговоръ милыхъ восточныхъ людей. Придешь въ гостинницу—нигдѣ ключей въ дверяхъ и про воровства не слышишь; бумажныхъ денегъ нѣтъ, серебра и золота гибель; дешевизна поразительная: сутки въ одной изъ лучшихъ гостинницъ Бейрута мнѣ обходились въ семь, восемь франковъ рѣшительно все: большая комната въ 1-мъ этажѣ, постель съ бѣльемъ, прислуга, обѣдъ, чай, кофе, бутылка мѣстнаго вина, бѣлаго или краснаго, по желанію. Въ Іерусалимѣ тоже самое обходилось 11 франковъ въ самой лучшей англійской гостинницѣ.

Меня въ особенности занималъ вопросъ о нищихъ во все время пребыванія моего на востокѣ: куда дѣваютъ тамъ нищихъ? Какъ на 200,000 населенія нѣтъ ни одного нищаго? à la lettre! Такъ я и не разрѣшилъ этого вопроса. Въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ массы молящихся и воздыхающихъ къ небу европейцевъ (болѣе всего русскія барыни) расплодили не нищихъ, а попрошаекъ: здоровый, молодой, хорошо одѣтый балбесъ привяжется иногда къ вамъ и напѣваетъ: бакшишь! (т. е. дай что-нибудь). Иногда цѣлая улица такихъ балбесовъ грянетъ хоромъ, когда вы ѣдете: „бакшишь!“

Но это шалости, къ которымъ никто не относится серьезно.

Что касается юридическихъ вопросовъ—тутъ тоже патріархальное состояніе временъ Іисуса Христа. Я посѣщалъ суды, (мировые), бывалъ на ихъ засѣданіяхъ и никогда не видалъ законовъ; никто изъ судей не справлялся ни съ одной книгой. Бывъ у старшаго кадія (судьи) въ Іерусалимѣ, я спросилъ у него: „сколько у васъ томовъ въ сводѣ законовъ?“ Это его сильно озадачило. „Много, очень много!“ отвѣчалъ онъ потомъ.—„Да какъ много? десять, двадцать? мнѣ не нужно опредѣленную цифру, скажите приблизительно.“—Онъ повторилъ ту-же самую фразу: „много, очень много!“—Покажите мнѣ хоть одинъ томъ,—но въ квартирѣ старшаго судьи Іерусалима не оказалось ни одного тома законовъ.

Наши правительственныя лица въ Бейрутѣ: милѣйшій и

чудеснѣйшій генеральный консулъ Сиріи и Палестины Бегеръ, его секретари Гладкій, потомъ Оберъ-Миллеръ, чрезвычайный комиссаръ Новиковъ, его секретарь Ону и докторъ Быковъ отнеслись ко мнѣ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Вскорѣ устроилось, что мы не могли прожить другъ безъ друга, всѣмъ кагаломъ (кромѣ Быкова, который почему-то не вязался къ нашей компаніи) ни одного дня. Сегодня обѣдали у Новикова и естественно просиживали вечеръ (такъ какъ самый обѣдъ начинался уже вечеромъ въ 8 часовъ). Иной разъ пили чай въ первомъ часу ночи — и всѣ мужчины провожали меня до гостинницы Андре, на берегу моря, зачастую безъ шапокъ, среди спящаго Бейрута, когда по улицамъ не двигалось формально ни души. Если была лунная ночь — мы сбивали камнями гирлянды кактусовъ, виснувшіе надъ моремъ. Камни собирали для насъ слѣдовавшіе сзади кавасы.—парадные слуги консуловъ и комиссаровъ, въ золотыхъ курткахъ, съ пистолетами и ятаганами за поясомъ—остатокъ янычарскихъ временъ Турецкой имперіи. На завтра—та же исторія у генеральнаго консула: обѣдъ, чай, прогулка; разумѣется, бывали дни, когда такія собранія, вслѣдствіе дурной погоды или другихъ какихъ-либо причинъ, не устраивались; слѣдовалъ промежутокъ. Въ особенности осень и зима (когда въ Сиріи идутъ проливные дожди) положительно разстроивали наши дружескія сходки.

Супруга Новикова, урожденная Титова, тогда еще очень молодая, 19-лѣтняя красавица, — была душею нашего кружка, почти всегда въ соединеніи съ женою одного турецкаго доктора, Песталоцци, родомъ итальянца. Эта милая особа, по происхожденію француженка, какъ-то давно пристроилась къ русскимъ. На публичныхъ балахъ и маскарадахъ, которые время отъ времени давались разными высокими лицами въ Бейрутѣ, Новикова и Песталоцци были постоянно первыми дамами: всѣхъ красивѣе, всѣхъ лучше и съ большимъ вкусомъ одѣты. Въ особенности я не могу забыть бала на одномъ изъ флагмановъ, какъ будто англійскомъ. (Флагманъ старшій и самый большой корабль или фрегатъ эскадры). Присутствіе моря, лежавшаго кругомъ темною необъятною равниной; волшебное отраженіе въ немъ тысячи огней, горѣвшихъ на флагманѣ и другихъ судахъ, а тутъ Ливанъ, съ тонущей въ небесахъ снѣжной вер-

хушкой, блестѣвшей подъ лучами мѣсяца, и наконецъ музыка, звучавшая какъ-то иначе надъ водою, нежели она звучитъ надъ землею — и носящіяся по широкой, ярко-освѣщенной палубѣ, вокругъ мачтъ, пары танцующихъ—производили чарующее впечатлѣніе...

Памятенъ мнѣ также пикникъ нашего кружка на Собачьей рѣчкѣ (Нахырь-эль-Келябъ), за уступами Ливана, гдѣ на одномъ еще вырѣзанъ барельефъ какого-то персидскаго царя.

Я не хочу повторять моихъ разсказовъ о поѣздкѣ въ Дамаскъ, въ Сайданайю, въ Кайфу, въ Назаретъ, Неплузъ, Сайду, Суръ (Сидонъ и Тиръ), Джунъ (съ развалинами дома леди Стенгопъ, гдѣ былъ у нея Ламартинъ, въ 1833 году); на берега Іордана и Мертваго моря; въ Годулламскія пещеры, къ бедуинамъ, не стану говорить подробно объ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ: все это давно напечатано отчасти въ „Нашемъ Времени“, отчасти въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ и отдѣльно, между 1860—1862 годами.

Въ послѣднемъ 1862 году, живя въ Іерусалимѣ, я прямо не зналъ, что́ мнѣ съ собой дѣлать. Дни проходили за днями незамѣтно. Не смотря на то, что Іерусалимъ самъ по себѣ скучнѣйшій въ мірѣ городокъ, въ немъ можно не скучать, устроивъ хорошій кружокъ знакомыхъ и дѣлать съ ними экскурсіи по окрестностямъ пѣшкомъ и верхомъ. Всегда найдется что-нибудь видѣть новаго, невиданнаго, хотя казалось передъ тѣмъ, что все пересмотрѣно. На иное можно смотрѣть 5, 10, 20 разъ... и не будетъ скучно. Памятники, оставленные тамъ древностію, изумительны: эти чудесные, гранитные водопроводы, не знающіе никакой починки тысячи три лѣтъ сряду; эти цистерны, питающіе городъ и окрестности, эти такъ называемые „пруды Соломона“— три водныя большія равнины, заключенныя въ каменные резервуары—живыя, свѣжія, точно сдѣланныя только вчера... стоишь и думаешь, отчего-же это мы не можемъ сдѣлать ничего такого, чтобы черезъ мѣсяцъ не перестраивать, не переправлять, мы— снабженные всею мудростью новѣйшихъ открытій и науки?...

Мнѣ пришло, наконецъ, въ голову написать письмо къ алжирскому охотнику за львами, Жюль-Жерару, который вызывалъ печатно желающихъ быть ему товарищами въ странствіяхъ по африканскимъ пустынямъ: я написалъ ему, что если онъ

хочетъ имѣть меня товарищемъ, то увѣдомилъ-бы, гдѣ и какъ я могу его найти и какимъ штуцеромъ я долженъ запастись.

Вдругъ получается въ Іерусалимѣ извѣстіе, что поляки стрѣляли по Е. И. В. великому князю Константину Николаевичу.

Смута въ Польшѣ была мнѣ ближе африканскихъ львовъ и неопредѣленныхъ, отъ нечего дѣлать, скитаній по Сахарѣ. Я быстро собрался и уѣхалъ въ Россію слѣдить за важными событіями, важнѣйшей изъ нашихъ окраинъ, событіями, которыя съ каждымъ днемъ пріобрѣтали болѣе и болѣе серьозный и угрожающій характеръ. О томъ, что я буду когда-нибудь историкомъ этихъ событій, я въ то время не могъ и думать.

Петербургъ, гдѣ я скоро очутился, по крайней мѣрѣ тамошняя пресса и отчасти интеллигенція только и говорили о движеніи на западѣ. Пахло чѣмъ-то нездоровымъ. Двѣ газеты („Петербургскія Вѣдомости“ и „Голосъ“) стали меня упрашивать отправиться въ Варшаву и писать обо всемъ, что я увижу и услышу. Налеганія увеличились, когда послѣдовалъ взрывъ ($^2/_{11}$ января 1863 г.). Я склонился на сторону первой газеты, такъ какъ редакторъ ея былъ мой старый пріятель и товарищъ по воспитанію. Къ тому-же эта газета стояла на твердыхъ ногахъ, между тѣмъ какъ „Голосъ“ даже еще не родился, а только собирался родиться, хотя по ловкости въ издательскомъ дѣлѣ А. А. Краевскаго можно было ручаться чѣмъ угодно, что его газета въ самомъ дѣлѣ родится и будетъ газета большая и видная.

Корреспонденты были дѣломъ очень новымъ, въ Россіи незнакомымъ. Откуда ихъ было брать? Особенно ѣхать въ Польшу немного находилось охотниковъ. На первыхъ порахъ довольно долго я былъ совершенно одинъ, писалъ съ плеча, не оглядываясь, и едва не уѣхалъ изъ Варшавы съ жандармами. Прибывшій лѣтомъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ (тогда молодой артиллеристъ, впослѣдствіи предсѣдатель комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Плоцкѣ и, наконецъ, послѣ 1868 года помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, по протекціи Каткова) скоро увидѣлъ себя въ такихъ невыгодныхъ для корреспондента условіяхъ, что бѣжалъ самъ, никѣмъ не преслѣдуемый, или очень мало.

Мнѣ удалось просидѣть довольно спокойно до дней намѣстничества графа Берга, говорю: довольно спокойно, потому что различныя ищейки, бѣгавшія за мною по слѣдамъ, не только въ Варшавѣ, но и въ Краковѣ (куда я временно переѣзжалъ для ближайшихъ наблюденій за ходомъ возстанія), были очень неловки и безтолковы, и я могъ ими нисколько не заниматься. Къ тому-же никакихъ серьозныхъ грѣховъ я за собою не зналъ. Видаясь съ повстанцами, я велъ себя съ ними постоянно какъ русскій патріотъ и въ откровенныя минуты указывалъ имъ пропасть, къ которой они шли, очертя голову, слушая праздные навѣты эмиграціи, сбитой съ толку Пале-Роялемъ, но говорить съ ними тогда была пустая потеря времени. Все угорѣло, все было полно рѣзкими, ни съ чѣмъ несообразными надеждами и фантазіями... Я боюсь однако впасть въ повторенія: обо всемъ этомъ столько уже было написано и теперь (1884 г.) пишется....

Я разскажу только малоизвѣстное для читателей или, точнѣе сказать, вовсе неизвѣстное: исторію о томъ, какъ писалась исторія. Пусть мои любезные соотечественники узнаютъ, какъ у насъ трудно иногда дѣлать иныя очень простыя вещи, по приглашенію самаго высокаго лица въ краѣ, повидимому при полной его помощи. Пусть тѣ изъ писателей, кто очутится какъ-нибудь въ моихъ условіяхъ—составителя исторической записки для начальника области, прочитаютъ эти строки и примутъ въ соображеніе все, случившееся со мною между 1864 и 1868 годами и позже.

Н. В. Бергъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го іюня 1884 г.

VII [1]).

Предложеніе намѣстника гр. Берга. — Начало занятій. — Чтеніе записки. — Объѣздъ военныхъ отдѣловъ.—Придирки.—Арестъ въ Краковѣ. — Архивныя занятія.—Посѣщеніе архива Александровской цитадели.—Передъ отправленіемъ въ Литву.—Моя историческая записка.

Въ началѣ 1864 года я услыхалъ отъ моихъ знакомыхъ, имѣвшихъ сношенія съ замкомъ, что „намѣстникъ Бергъ желаетъ поручить мнѣ составленіе исторической записки о послѣднихъ событіяхъ въ Польшѣ, съ предоставленіемъ мнѣ находящихся въ его распоряженіи матеріаловъ".

Въ то время я питалъ чрезвычайное отвращеніе ко всему (заказному, офиціальному), и потому предложеніе намѣстника меня не особенно заинтересовало. Къ тому-же легко было угадать, чего хочется старому дипломату: я долженъ былъ разыграть для него роль втораго Шмита, прославить его подвиги въ той-же Польшѣ, спустя тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ того, что описывалъ Шмитъ (см. характеристику Берга въ т. III, гл. XIII, стр. 150 — 152). Но между моими понятіями и понятіями Шмита о томъ, какъ пишется исторія, была большая разница: я рѣзко

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 293—319; мартъ, стр. 579—600; изд. 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 229—279.

выставлялъ на видъ все некрасивое, неловкое, бездарное и недобросовѣстное въ нашихъ генералахъ и другихъ чинахъ арміи. Шмитъ столь-же рѣзко все это пряталъ, а гдѣ не доставало, почему-либо, матеріала—бралъ цѣликомъ изъ Мохнацкаго, (тогда никому изъ русскихъ неизвѣстнаго и недоступнаго) и ни разу не признался, что это переводъ, а не оригиналъ. Я такихъ фортелей выкидывать никакъ не могъ.

Оттого я былъ нѣсколько изумленъ, почему именно на меня палъ выборъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, приглашавшіе меня къ работѣ знали не все, мною написанное по исторической части или предполагали, что я измѣню моимъ убѣжденіямъ, что когда будутъ предложены хорошія условія, а вдали будетъ показанъ маіоратъ, въ родѣ того, какой получили дѣти Шмита.—„дѣти Шмита!“, а вѣдь тутъ не „дѣти“, а самъ „отецъ“

Что до самого намѣстника, онъ ровно ничего не зналъ томъ, что̀ мною написано и въ какомъ духѣ, т. е. не читалъ формально ни одной моей строки.

Размышляя обо всемъ объ этомъ, я не спѣшилъ представиться намѣстнику, какъ его историкъ. Но замокъ продолжалъ налегать, я надѣлъ, наконецъ, фракъ, бѣлыя перчатки, бѣлый галстухъ и явился. Намѣстникъ встрѣтилъ меня нѣмецкою фразою, безъ сомнѣнія предполагая, что я нѣмецъ и рѣзну ему по-нѣмецки исправно. Но я отвѣчалъ по-русски. И съ этихъ поръ у насъ установился навсегда только одинъ русскій разговоръ.

Я благодарилъ, конечно, за оказанную мнѣ честь и потомъ сказалъ, что считаю необходимымъ съѣздить въ Россію и переговорить тамъ съ моими друзьями о предложеніи, которое получилъ, что безъ друзей не могу рѣшиться на такой важный для меня шагъ.

— „Поѣзжайте, поѣзжайте, это ваше дѣло. Тутъ не можетъ быть никакихъ принужденій, ничего не искренняго!“ проговорилъ графъ Бергъ.

Я отправился въ Петербургъ. Всѣ наиболѣе близкіе ко мнѣ люди благословляли меня обѣими руками.

„Помилуй, дѣлается нѣчто небывалое: намѣстникъ, высшая власть Царства Польскаго, сообщаетъ тебѣ матеріалы тотчасъ послѣ совершившихся событій. А ты еще задумываешься и пятишься! Бери, хватай, садись и пиши!“

Воротясь въ Варшаву, я объявилъ намѣстнику, что „готовъ приступить къ занятіямъ“.

Мнѣ отвели въ замкѣ особую комнату, при квартирѣ помощника генералъ-полиціймейстера, флигель-адъютанта А**, куда я приходилъ ежедневно часовъ въ 10 утра и оставался до поздняго обѣда. Матеріялы доставлялись помощникомъ А**.

Это были, главнѣйшимъ образомъ, донесенія тайной полиціи, дѣла начальниковъ городскихъ отдѣловъ при князѣ М. Д. Горчаковѣ, изданія и плакаты жонда; слѣдственныя дѣла и наконецъ: записки и показанія замѣчательныхъ повстанцевъ, сидѣвшихъ въ цитадели. Такъ какъ читалось все это по мѣрѣ доставленія, а доставлялось безъ всякаго порядка, то я никакъ не могъ сейчасъ-же оріентироваться въ дѣлѣ, очень мало мнѣ, да и всѣмъ намъ, со стороны мелкихъ подробностей, знакомомъ. Можно было громоздить любопытные факты одинъ на другой, но писать исторію возстанія было невозможно въ такихъ условіяхъ. Между тѣмъ, наблюдавшій за моими работами ** требовалъ стройнаго и цѣлаго отрывка, начала труда или хоть приступа къ нему, чтобы прочесть намѣстнику и его заинтересовать. Другими словами: доказать, какъ можно скорѣе, что во мнѣ не ошиблись, что я опытный и добросовѣстный писатель и историкъ, умѣю справиться со всякими сырыми матеріалами, устраивать изъ нихъ занимательный разсказъ и, главное, не гуляю. Входить въ подробныя объясненія о принятыхъ во всемъ свѣтѣ пріемахъ всякихъ литературныхъ работъ историческаго свойства было странно. Имъ хотѣлось, во что-бы то ни стало, увидѣть сейчасъ-же первую главу, черезъ недѣлю— вторую, тамъ третью и т. д. Они боялись, что „нанятый ими авторъ“ затянетъ, пожалуй, дѣло на многіе годы умышленно; будетъ, Богъ знаетъ за что, получать назначенное ему содержаніе... начнетъ и не окончитъ. Оставалось или бѣжать, или придумать какой-нибудь особый маневръ писанія, которое-бы удовлетворяло требованіямъ замка и въ то-же время не мѣшало дѣлу. Я рѣшился на послѣднее: написалъ нѣсколько разсказовъ, по имѣвшимся въ моемъ распоряженіи матеріаламъ, не думая, что это такое: начало, конецъ, середина или просто ничего, что нужно послѣ бросить. Разсказы эти выслушивались въ замкѣ намѣстникомъ и разными генералами, которыхъ онъ собиралъ

на чтенія и производили сносное впечатлѣніе. Потомъ генералы перестали ходить. Слушалъ меня одинъ намѣстникъ съ **, а вскорѣ затѣмъ и ** исчезъ. Мы съ намѣстникомъ остались совершенно одни. Я садился подлѣ него на диванѣ и читалъ. Намѣстникъ слушалъ мои доклады, иногда дремалъ, но нельзя было полагаться на эту дремоту и воображать, что намѣстникъ ничего не видитъ и не слышитъ: онъ все видѣлъ и слышалъ, и когда я пропускалъ иныя строки подъ чертою, являлась сбоку рука графа Берга и проѣзжала по пропущеннымъ строкамъ: это значило нужно также прочесть, и я прочитывалъ. Иное вызывало небольшія замѣчанія намѣстника, не то онъ спрашивалъ значеніе слова, не такъ ему знакомаго, напримѣръ, однажды спросилъ, что значитъ нагромоздить, другой разъ: джигитъ. Былъ случай, что намѣстникъ замѣчалъ о генералѣ Треповѣ, (котораго личность, по его мнѣнію, слѣдовало выдвинуть впередъ, сдѣлать замѣтною), что „жена его была православная и семейство большое".

Я сказалъ: „какое-же дѣло исторіи до этихъ подробностей?"

— „Все-таки напишите", сказалъ намѣстникъ.

Я подошелъ къ письменному столу, взялъ карандашъ и написалъ.

— „Покажите"!

Я показалъ.

— „Зачѣмъ-же карандашемъ? Напишите чернилами!"

Я написалъ чернилами и въ концѣ прибавилъ, въ скобкахъ: Вставлено по замѣчанію намѣстника". Онъ опять прочелъ.

— „Ну, это послѣднее напрасно!"... Однако, такъ и осталось.

Тѣмъ временемъ, какъ эти странныя чтенія происходили съ самыми неопредѣленными антрактами,—недѣли въ двѣ, въ три чтеніе,—я изучалъ предметъ, сколь возможно поспѣшнѣе, по всякимъ источникамъ, скакалъ на почтовыхъ, смѣло перепрыгивая черезъ пропасти, оставляя все непонятное и туманное разрѣшеніямъ будущаго времени... Увидѣвъ чрезвычайную бѣдность, а иногда и сбивчивость свѣдѣній въ журналѣ военныхъ дѣйствій, который составлевъ на живую нитку при главномъ штабѣ, по рапортамъ начальниковъ отрядовъ и по какимъ случится матеріаламъ, я испросилъ у намѣстника разрѣшеніе отправиться въ объѣздъ всѣхъ военныхъ отдѣловъ и собрать свѣдѣ-

нія тамъ на мѣстѣ отъ участниковъ, видѣвшихъ все собственными глазами.

Намѣстнику это понравилось. Онъ велѣлъ снабдить меня особымъ открытымъ листомъ, въ силу котораго я могъ не только требовать всякихъ свѣдѣній отъ начальниковъ отдѣловъ, но и письменныхъ матеріаловъ, рисунковъ, плакатовъ и всего прочаго, чѣмъ они располагали. Чемоданы мои никто не смѣлъ осматривать по дорогѣ. Для этого былъ у меня другой охранный листъ.

Какъ надобно было ожидать, я показался въ отдѣлахъ нѣсколько таинственнымъ лицомъ. Повторилось случившееся со мною на Востокѣ, только въ бо́льшихъ размѣрахъ и со своими деталями.

Инымъ была даже подозрительна самая моя фамилія: не родня-ли-де какая? Стало, еще ближе къ намѣстнику, чѣмъ чужой! Начальники отдѣловъ, ихъ адъютанты и разные офицеры разсказывали мнѣ все съ плеча, шли дальше, чѣмъ было нужно. Въ иныхъ была даже склонность къ любезностямъ такого рода, что они предлагали мнѣ въ подарокъ повстанское оружіе, штуцеры... Чтенія мои въ замкѣ получили совершенно другую, болѣе правильную, физіономію и окраску. Я вышелъ изъ системы холостыхъ выстрѣловъ, писалъ уже до нѣкоторой степени то, что можно было назвать исторіею; намѣстникъ слушалъ иное съ видимымъ интересомъ. Явленіе записокъ члена нѣсколькихъ жондовъ, Авейде, потомъ Маевскаго, Вашковскаго и другихъ важнѣйшихъ преступниковъ,—что передано было мнѣ намѣстникомъ лично, въ его кабинетѣ, — составило заключительный матеріалъ: неясное сдѣлалось яснымъ, тайны разоблачились, если не всѣ, то многія.

Въ числѣ генераловъ, которые въ началѣ приглашались намѣстникомъ на чтенія въ замокъ, было нѣсколько такихъ, кто питалъ ко мнѣ враждебныя чувства; они боялись, что литераторъ, человѣкъ чужой въ машинѣ управленія, будучи допущенъ ко всякимъ секретамъ, читая слѣдственныя дѣла, признанія повстанцевъ и разъѣзжая по военнымъ отдѣламъ съ открытымъ листомъ намѣстника, неизбѣжно придетъ къ уразумѣнію многихъ вещей, которыхъ не слѣдуетъ разумѣть литераторамъ, по крайней мѣрѣ, такъ скоро. Въ числѣ такихъ лицъ стояли на первомъ планѣ: генералъ-полиціймейстеръ Треповъ,

начальникъ штаба Минквицъ и до нѣкоторой степени предсѣдатель слѣдственной комиссіи, генералъ Тухолка, съ нѣсколькими жандармами. Позже Треповъ настроилъ на тотъ-же ладъ и оберъ-полиціймейстера Фредерикса (†). Всѣ эти господа косились на меня при всякой встрѣчѣ въ замкѣ и гдѣ случится, но этимъ покамѣстъ все и кончилось. Разъяснять Бергу его ошибку, ссорить насъ никто не рѣшался. Всѣ знали, что Бергъ былъ чрезвычайно упоренъ въ преслѣдованіи своихъ мыслей и интересовъ. Но нѣсколько позже кто-то растолковалъ ему все это дѣло такимъ образомъ, что онъ также сталъ меня побаиваться и можетъ статься, былъ-бы радъ, если-бы меня вдругъ, какъ-нибудь, прилично, не стало въ Варшавѣ. Гнать со скандаломъ, безъ всякаго основанія, онъ не могъ, по своимъ привычкамъ, особенно послѣ открытыхъ листовъ и всякихъ другихъ нѣжностей.

Пріятели мои, замѣтивъ нѣкоторое измѣненіе мыслей въ намѣстникѣ и, можетъ быть, угадывая, что онъ думаетъ и чего ищетъ, прибѣгли къ такому маневру: у меня былъ просроченъ взятый въ Петероургѣ паспортъ. Лицамъ съ такими паспортами, вслѣдствіе тогдашнихъ распоряженій варшавской полиціи, предлагали обыкновенно выѣхать изъ Варшавы для выправки другаго въ томъ мѣстѣ, гдѣ паспортъ былъ взятъ, но выправить его вновь не всегда и не всякому удавалось. Приставъ XI цыркула, гдѣ я жилъ, поручикъ Ватацци, прислалъ мнѣ на сѣромъ клочкѣ бумаги предписаніе въ самыхъ грубыхъ формахъ, чтобы, „съ полученіемъ сего, вслѣдствіе такого-то обстоятельства, я немедленно выѣхалъ изъ Варшавы“.

На конвертѣ стояли только слова: „господину Бергу“. Я написалъ съ другой стороны бумаги, что „меня удивляетъ такое предписаніе г-на пристава, который долженъ знать подробно, кто и зачѣмъ живетъ въ его цыркулѣ“. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ эти строки были мною отправлены въ цыркулъ съ надписью на конвертѣ: „господину Ватацци“, я получилъ отъ него вторичное предписаніе въ томъ-же духѣ. Надѣлъ фракъ и отправился въ замокъ, гдѣ показалъ полученную мною бумагу намѣстнику, испрашивая распоряженіе, чтобы полиція не могла меня безпокоить подобными оригинальными предписаніями. Намѣстникъ улыбнулся и сказалъ бывшему тогда

въ кабинетѣ полковнику генеральнаго штаба (Дм. Гавр.) Анучину: „распорядитесь, чтобы ему былъ выданъ паспортъ для свободнаго и безпрепятственнаго проживанія въ Варшавѣ на неопредѣленный срокъ".

Въ тотъ-же день мнѣ былъ доставленъ изъ XI цыркула видъ на свободное пребываніе въ Варшавѣ, на неопредѣленное время.

Интриганы, однако-же, на этомъ не остановились. Было придумано слѣдующее: ко мнѣ явился однажды прусскій полицейскій офицеръ, поручикъ Кнорръ, и рекомендовался на нѣмецкомъ языкѣ. Я сказалъ, что „продолжать разговора на этомъ языкѣ не могу, а если поручику угодно, могу объясняться съ нимъ только по-русски или по-польски".

— „Такъ будемъ говорить по-польски, сказалъ Кнорръ, и тутъ-же объявилъ мнѣ, что „зная черезъ своего генеральнаго консула, барона Рейхенберга, чѣмъ теперь я занятъ, онъ рѣшается предложить мнѣ совмѣстную товарищескую работу, что онъ самъ немного литераторъ и послѣ датской войны напечаталъ брошюру, которая дала ему, за всѣми расходами по типографіи, двѣ тысячи талеровъ чистаго дохода, маленькая брошюрка! У васъ выйдутъ томы; притомъ польское возстаніе любопытнѣе для Европы, чѣмъ датская война: мы-бы зашибли съ вами на этомъ дѣлѣ тысячъ двадцать талеровъ, по крайней мѣрѣ! Разумѣется, надо печатать по-нѣмецки. Переводъ и всѣ издержки по изданію я беру на себя. Все, что будетъ выручено продажею экземпляровъ, которую я постараюсь устроить какъ можно практичнѣе, мы раздѣлимъ пополамъ. Согласны вы?" — „Согласенъ, отвѣчалъ я, но мнѣ должно переговорить объ этомъ съ намѣстникомъ. Придите дня черезъ три".

Кнорръ всучилъ мнѣ зачѣмъ-то свою фотографическую карточку, на которой снятъ былъ во весь ростъ, въ полной полицейской формѣ, и вышелъ.

Я тогда-же отправился къ намѣстнику и разсказалъ ему всю сцену свиданія моего съ прусскимъ полицейскимъ офицеромъ. Графъ Бергъ улыбнулся точно также, какъ при жалобѣ моей на поручика Ватацци и сказалъ: „если Кнорръ придетъ къ вамъ еще разъ, будьте съ нимъ вѣжливы и больше ничего!"

Кнорръ, однако, больше у меня не былъ.

Понятное дѣло, что если-бы я, соблазнившись выгоднымъ

предложеніемъ, принялъ его условія и передалъ ему для перевода на нѣмецкій языкъ обработанную часть моей записки, графъ Бергъ имѣлъ-бы полное право счесть меня измѣнникомъ правительственнымъ интересамъ и выслать изъ Варшавы. Записка составлялась для кабинета намѣстника по матеріаламъ, пока никому неизвѣстнымъ, и не могла никоимъ образомъ кому-либо сообщаться,—тѣмъ болѣе иностранцу. Интриганы не смутились и этимъ. Они написали въ Краковъ, что „я кажусь для русскаго правительства нѣсколько подозрительнымъ лицомъ, а потому нельзя-ли меня, какъ только я покажусь въ Краковѣ, арестовать, придравшись къ какимъ-либо пустякамъ, и произвести подробную ревизію моимъ вещамъ".

На что другое, а на подобныя дѣянія австрійская полиція всегда очень способна. Услуживъ такимъ образомъ русской полиціи, она могла, при случаѣ, расчитывать на подобную-же услугу нашей полиціи на нашей территоріи.

Гостинница, гдѣ я обыкновенно останавливался въ Краковѣ (Дрезденская на рынкѣ) была одно время мѣстомъ сборища повстанцевъ высшаго разряда. Говорили даже, что тамъ помѣщался, въ концѣ 1863-го и началѣ 1864-го, цѣлый Краковскій жондъ, т. е., собственно говоря, Краковское отдѣленіе Варшавскаго жонда. Въ февралѣ 1864-го года, радикально измѣнивъ свою политику, австрійское правительство сочло нужнымъ захватить членовъ этого жонда въ сказанной гостинницѣ. Арестовали и меня. Это было раннимъ утромъ, именно, какъ говорится: „въ одно прекрасное утро". Солдаты въ бѣлыхъ мундирахъ, съ ружьями и примкнутыми къ нимъ штыками, явились въ коридоръ. Двое полицейскихъ (изъ которыхъ одинъ былъ комиссаромъ того цыркула, гдѣ находилась Дрезденская гостинница) въ шапкахъ и куря сигары, вошли безцеремонно въ мой номеръ и, рѣшительно ничего мнѣ не объявивъ, зачѣмъ они и кто они, замаршировали къ комоду, на которомъ лежалъ мой бумажникъ, портъ-моне и еще кое-какія вещи, и начали все это вертѣть и разсматривать. Изъ бумажника вынуто было всѣ, кромѣ денегъ. Потомъ попросили открыть чемоданы, взяли всѣ находившіяся тамъ бумаги, фотографическія карточки, книги, остальное разбросали по полу и не дали мнѣ убрать, объявляя, что я арестованъ и долженъ за ними слѣдовать. Я надѣлъ теплое

пальто, шляпу и спустился вмѣстѣ съ полицейскими чинами внизъ, гдѣ стояла у крыльца карета, въ которую мы сѣли и отправились въ криминальную тюрьму на Гродской улицѣ. Тутъ я былъ посаженъ вмѣстѣ съ разными повстанцами, въ числѣ которыхъ былъ „начальникъ города Кракова“ и „начальникъ полиціи“, скоро со мною познакомившіеся.

Подробности этого заключенія разсказаны мною въ свое время печатно („Библіотека для Чтенія“, 1864 г., февральская книжка). Я не объяснялъ только настоящей причины ареста. Такъ какъ при ревизіи у меня формально ничего подозрительнаго не оказалось, то понятное дѣло, отношенія мои къ высшей власти Царства Польскаго измѣниться не могли. Воротясь въ Варшаву, я по-прежнему писалъ и читалъ намѣстнику написанное. Непріятели мои стали травить меня шпіонами. Въ мой номеръ то и дѣло стучались разныя лица. Надо было объясняться о какихъ-нибудь пустякахъ, терять, Богъ знаетъ на что, время. Извѣстный (въ то время) всей Варшавѣ, полицейскій агентъ Грабовскій приходилъ ко мнѣ два раза просить для прочтенія книгъ моего сочиненія.

Другой разъ былъ тоже извѣстный въ Варшавѣ многимъ замковый агентъ, курляндскій нѣмецъ, который просилъ меня пристроить его сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ „Жандармы-вѣшатели“. Онъ такъ громко сморкался за порогомъ моей двери, что я могъ принять его въ коридорѣ и тамъ окончательно съ нимъ объясниться.

Въ Цѣхоцинкѣ,—гдѣ я собиралъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Мирославскаго подъ Кршивосондземъ и въ окрестностяхъ,—ко мнѣ былъ приставленъ жидъ, который слѣдилъ каждый мой шагъ и даже подходилъ иногда къ двери номера, въ гостинницѣ Миллера, гдѣ я жилъ, и подслушивалъ, что я говорю съ разными лицами, меня посѣщавшими. Поймавъ этого жидка три раза въ такомъ упражненіи и сдѣлавъ ему приличное замѣчаніе, я весьма серьозно его побилъ, когда поймалъ въ четвертый разъ и думалъ, что у меня будетъ по этому поводу объясненіе съ инспекторомъ полиціи: ничуть не бывало, никто ко мнѣ не пришелъ. Жидъ отсталъ и если встрѣчалъ меня въ цѣхоцинскомъ саду, то прятался въ кусты, а стойновы на улицахъ и въ паркѣ стали дѣлать мнѣ съ этого времени подъ козырекъ.

Половой города N. уважалъ Чичикова за громкое сморканье. Во мнѣніи цѣхоцинскихъ стойновыхъ имѣлъ особенное значеніе тотъ, кто дрался: стало-быть, онъ имѣлъ на это право, стало-быть—онъ начальникъ!.. Въ Россіи и Польшѣ мнѣ не разъ случалось убѣждаться, что низшій классъ народа уважаетъ только поступающихъ съ нимъ грубо, а не мягко.

Въ Европейской гостинницѣ, въ Варшавѣ, гдѣ я жилъ долгое время (около десяти лѣтъ), въ 63-мъ номерѣ втораго этажа, и считалъ его уже не номеромъ, а постоянною своею квартирою, въ дверяхъ моихъ, снаружи сверхъ обыкновеннаго замка, былъ еще особый англійскій, который отворить поддѣльнымъ ключемъ было очень трудно, если не сказать: вовсе невозможно.

Въ новый 1867 годъ представленіе намѣстнику разныхъ чиновъ кончилось какъ-то скорѣе обыкновеннаго и я очутился передъ своимъ номеромъ въ Европейской гостинницѣ раньше, чѣмъ думалъ. Смотрю: какой-то засаленный мальчуганъ хлопочетъ у моего англійскаго замка. Я спросилъ у него, что онъ тутъ дѣлаетъ: мальчикъ отвѣчалъ спокойно, что „приказано поддѣлать секретный ключъ (taj emniczy klucz), вотъ я и поддѣлываю“.

Такія приказанія, разумѣется, могла отдавать только полиція (?): замокъ поддѣлывали среди бѣла дня,—и никто изъ прислуги этому не мѣшалъ. Спросивъ у мальчика имя и мастерскую, откуда онъ присланъ, я отправился къ оберъ-полицеймейстеру и имѣлъ съ нимъ объясненіе, которое привело къ тому, что мнѣ сталъ подавать чай и завтраки переряженный полиціантъ. Потомъ, насупротивъ, помѣстили на цѣлый мѣсяцъ соглядатая подъ фамиліею Малевскаго, которому прислуживалъ извѣстный, переизвѣстный въ городѣ, полицейскій агентъ Веге, сидѣвшій постоянно въ коридорѣ и слѣдившій за приходящими въ мой номеръ, а когда я уходилъ изъ гостинницы, Веге спускался внизъ и сидѣлъ въ швейцарской до тѣхъ поръ, пока я не возвращался домой, затѣмъ онъ подымался снова наверхъ и усаживался въ коридорѣ, подлѣ моего номера.

Однажды, послѣ поѣздки внутрь края, я нашелъ мою англійскую машинку у дверей изломанною: значитъ пробовали отворять, но не отворили, а только испортили.

Все это было, конечно, очень скучно. „Пріятели“ мои хотѣли

меня допечь подобными мерзостями, заставить бросить историческія занятія и уѣхать изъ Варшавы, но я не поддался. Переварилъ все и довелъ записку до конца. Она обнимала время возстанія отъ манифестаціонныхъ годовъ 1861 и 1862-го до 1864-го года включительно. Я просилъ намѣстника прислать мнѣ хорошихъ писарей; между ними очутился одинъ молодой развязный жандармъ, даже въ жандармской формѣ, который въ припадкѣ откровенности разболталъ мнѣ, что ему извѣстны коекакія подробности ухаживанія моего за одною оперною актрисою.

Еще въ числѣ писарей былъ агентъ генерала Тухолки, одинъ полковой писарь, котораго, впослѣдствіи, за особыя услуги, полиція рекомендовала университету въ смотрителя университетскихъ зданій, но онъ зашелъ въ своихъ смотрѣніяхъ такъ далеко, что былъ меньше, нежели черезъ годъ, прогнанъ ректоромъ.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ переписки моего сочиненія, я долженъ былъ не отходить отъ писарей ни на шагъ. Они писали, а я прохаживался по комнатѣ изъ угла въ уголъ, и добился, что ни одна страница не переписана вдвойнѣ.

Переплетъ книгъ происходилъ также у меня на дому и сдѣланъ былъ сносно. Я представилъ намѣстнику (въ началѣ 1868-го года) четыре огромныхъ тома и просилъ позволенія пополнить этотъ трудъ описаніемъ всего того, что случилось въ Польшѣ, въ томъ-же революціонномъ духѣ, тотчасъ послѣ возстанія 1831-го года, затѣмъ въ 1846, 1848 и 1849 годахъ до Крымской кампаніи и въ самую Крымскую кампанію. Матеріалы для этого я надѣялся найти въ архивахъ втораго, т. е. Варшавскаго военнаго округа. Намѣстникъ разрѣшилъ это, и я сталъ ходить въ архивъ, помѣщавшійся въ нижнемъ этажѣ московскаго палацца, но скоро замѣтилъ недочетъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Причиною этому было уничтоженіе 50,000 дѣлъ въ 1865-мъ году, по распоряженію особой комиссіи, состоявшей, всего на все, изъ одного генералъ-маіора Савина. Въ 1868-мъ году, когда я началъ тамъ заниматься, наряжена была новая точно такая-же комиссія, для пересмотра дѣлъ въ архивѣ варшавскаго военнаго округа, состоявшая изъ одного генералъ-маіора Менгдена. Не знаю, чѣмъ руководствовался генералъ Савинъ, человѣкъ русскій и образованный, но нѣмецъ Менгденъ (съ которымъ я

скоро встрѣтился въ архивѣ, и работалъ за однимъ столомъ), не знавшій хорошо ни польскаго, ни русскаго языка, ни нашей, ни польской исторіи, ничѣмъ не руководствовался. Придя въ архивъ въ первомъ часу, онъ требовалъ каталогъ, садился за столъ, закуривалъ сигару и ставилъ черточки карандашемъ противъ дѣлъ, которыя, по его мнѣнію, надо было сжечь или уничтожить другимъ какимъ-нибудь образомъ. Однажды я спросилъ по каталогу, очень важное дѣло,—сказали, что баронъ Менгденъ уже назначилъ его сжечь, и оно поэтому свалено въ кучу, со всѣми такими дѣлами, въ углу одной комнаты. По счастію, это было такъ недавно, что мы съ смотрителемъ архива, армейскимъ поручикомъ польскаго происхожденія, немного порывшись въ кучѣ, обреченной Менгденомъ къ сожженію, нашли интересовавшее меня дѣло, и я выписалъ изъ него, что требовалось. По рѣшенію комиссіи, состоявшей изъ Менгдена, обречено было на сожженіе 9.000 пудовъ дѣлъ. Но ихъ не сожгли, а продали жидамъ.

Въ другой разъ смотритель сказалъ мнѣ, что дѣло, которое я желалъ видѣть (о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Краковѣ, въ 1846-мъ году, при диктаторѣ Тиссовскомъ), находится на квартирѣ у барона Менгдена, потому что онъ былъ въ то время дѣйствующимъ лицомъ. До этого дѣла я никогда не могъ добраться. Было-ли тамъ что-либо невыгодное для Менгдена или онъ его просто за просто затерялъ—ужъ не знаю.

Дѣло о повстанцѣ 1846-го года Мирецкомъ оказалось на квартирѣ этого Мирецкаго, такъ какъ онъ былъ зятемъ смотрителя архива и хозяйничалъ тамъ, какъ дома. Это дѣло легко было вытребовать.

Такое печальное положеніе архива заставило меня навести справки, нѣтъ-ли въ Варшавѣ другаго какого архива, въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, куда не залетали никакія бури, въ образѣ комиссій изъ одного генерала; оказалось, что есть такой архивъ при X павильонѣ въ Варшавской Александровской цитадели.

Я просилъ намѣстника разрѣшить мнѣ посѣщеніе этого архива, находившагося въ вѣдѣніи слѣдственной комиссіи, иначе сказать, страшнаго генерала Тухолки (†). Намѣстникъ разрѣшилъ, но Тухолкѣ это не понравилось. Онъ сдѣлалъ все отъ него зави-

сѣвшее, чтобы мои прогулки въ цитадель были для меня непріятны. Прежде всего, мнѣ былъ присланъ билетъ, въ которомъ по печатному бланку прописано, что „такой-то обыватель города Варшавы требуется въ слѣдственную комиссію по извѣстному дѣлу". Вслѣдствіе этого, придя въ павильонъ, я долженъ былъ зайти въ жандармское управленіе, показать жандармскому офицеру билетъ, послѣ чего мнѣ дали двухъ жандармовъ, которые (одинъ впередъ, другой сзади), ввели меня черезъ большія желѣзныя ворота, гдѣ стоялъ вѣчный часовой съ ружьемъ, а иногда и два, внутрь ограды, обнесенной вокругъ всего павильона, потомъ еще черезъ ворота, гдѣ стояло два жандарма, съ обнаженными саблями, въ садъ, примыкавшій къ павильону и служившій мѣстомъ для прогулки преступниковъ, затѣмъ сквозь кучу солдатъ, съ ружьями, въ сѣни двухъ-этажнаго зданія, по лѣстницѣ, въ комиссію, которая помѣщалась въ первомъ этажѣ. Тутъ жандармы сдали „преступника" комиссіи; она дала новаго проводника изъ жандармовъ, сидѣвшихъ на лавкахъ въ коридорѣ. Этотъ жандармъ отвелъ меня въ казематъ. Любопытно, что сказали-бы: Погодинъ, Соловьевъ, Костомаровъ... еслибъ имъ предложили въ такой формѣ разрабатываніе серьезныхъ историческихъ матеріаловъ?..

Когда мнѣ принесли потребованное мною по каталогу дѣло, и я сталъ его читать и дѣлать выписки, я замѣтилъ, что въ дверное окошечко заглядываетъ ко мнѣ время отъ времени жандармская физіономія. Затѣмъ пришелъ Тухолка и освѣдомился какое именно дѣло меня интересуетъ. Мы проговорили о разныхъ пустякахъ, минутъ 20—30. На другой день—та-же исторія, двѣ капли воды. На третій день жандармская физіономія уже не заглядывала въ дверное окошечко каземата. Но Тухолка приходилъ, по прежнему, освѣдомляться о моихъ работахъ и болтать со мною около четверти часа. Потомъ былъ у меня въ казематѣ, можетъ статься, еще разъ или два и уже не показывался до конца моихъ путешествій въ цитадель, которыя продолжались мѣсяца три. Я пріѣзжалъ часовъ въ 10 и уѣзжалъ часа въ 4. Иной разъ въ казематѣ и закусывалъ.

Жандармскія физіономіи, бряканье ружей и сабель, путешествіе по коридорамъ арестантовъ, подъ конвоемъ солдатъ—все это мнѣ пріѣлось, ко всему этому я привыкъ. Жандармы въ кори-

дорѣ, кажется, стали угадывать, что я не преступникъ, а что-то другое, но все-таки совершали однообразно выпроваживаніе меня изъ павильона за чугунныя ворота.

Записка о событіяхъ между 1831-мъ годомъ и временемъ Крымской кампаніи была, наконецъ, готова.

Я предложилъ намѣстнику выслушать написанное. Онъ назначилъ день и часъ, и пригласилъ на чтеніе своего помощника, командующаго войсками Варшавскаго военнаго отдѣла, генералъ-адъютанта, барона Рамзая, который былъ снова призванъ на службу, по уходѣ Корфа. Оба старика слушали меня очень внимательно. Бергъ ни разу не задремалъ. Время отъ времени дѣлалъ замѣчанія, вставки подробностей, ему хорошо извѣстныхъ, такъ какъ онъ самъ принималъ участіе въ тогдашнихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ галиційскихъ повстанцевъ, будучи генералъ-квартирмейстеромъ нашей польской арміи.

При послѣднемъ чтеніи (черезъ недѣлю или двѣ послѣ того, на которомъ присутствовалъ Рамзай), прибылъ совершенно случайно генералъ-полиціймейстеръ [1]), который имѣлъ у Берга вечерній докладъ. Бергъ пригласилъ его послушать. Онъ сѣлъ... Чтеніе его, видимо, нисколько не занимало.

Когда я кончилъ, то сказалъ намѣстнику, что считаю полезнымъ съѣздить въ Вильну, дабы ознакомиться тамъ, на мѣстѣ, съ матеріалами, имѣющими непосредственную связь съ описанными уже мною событіями Царства Польскаго (1860—1865 гг.): такъ-ли, не такъ-ли въ Вильнѣ было, до прибытія Муравьева и нѣкоторое время при немъ, хорошо формированное отдѣленіе варшавскаго жонда. Не сказать ровно ничего о возстаніи на Литвѣ было невозможно, а если сказать, то ужъ по документамъ.

Намѣстникъ нашелъ мою поѣздку въ Литву весьма нелишнею. Я просилъ его сдѣлать распоряженіе, чтобы мнѣ выданы были такой-же открытый и охранный листы, какіе я имѣлъ для объѣзда Царства. Бергъ, обратясь къ генералъ-полиціймейстеру и директору его канцеляріи, сидѣвшему тутъ-же, сказалъ: „устройте это!“ Оба эти лица отвѣчали поклономъ. Прошло, однако, около

[1]) Нынѣ покойный Ѳ. Ѳ. Треповъ.

недѣли, ничего не устраивалось; я не получалъ на поѣздку ровно никакихъ бумагъ!

Обѣдая однажды въ клубѣ, рядомъ съ директоромъ канцелярія генералъ-полиціймейстера, я спросилъ его, почему мнѣ не шлютъ такъ долго бумагъ, которыя приказалъ выдать намѣстникъ тогда-то?

„Да ихъ вовсе вамъ не пришлютъ, отвѣчалъ спрошенный, потому что намѣстникъ отдалъ приказаніе не совсѣмъ ясно".

— „Не совсѣмъ ясно? И вы смѣете это говорить, когда я самъ присутствовалъ при этомъ! сказалъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ: сказанное намѣстникомъ генералъ-полиціймейстеру и вамъ черезъ столъ не совсѣмъ ясно? Стало-быть, мнѣ придется просить намѣстника о повтореніи приказанія пояснѣе".

„Какъ хотите"!

Я тотчасъ-же отправился въ замокъ, но не нашелъ намѣстника дома. Въ пріемной комнатѣ былъ только одинъ любимый адъютантъ его, ротмистръ Валь. Я объяснилъ ему все дѣло и, кромѣ того, написалъ небольшую записку, на клочкѣ бумаги, какъ-бы для памяти адъютанту, но само собою разумѣется, что Валь, вмѣсто всякой бесѣды, подастъ намѣстнику эту бумажку —родъ жалобы, однако и не жалобу.

Такъ и вышло. Бергъ потребовалъ меня къ себѣ на другой день въ 8 часовъ утра. Я прибылъ и нашелъ въ пріемной генералъ-полиціймейстера съ портфелемъ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Я поклонился, подошелъ къ окну и началъ въ него смотрѣть. Немного погодя подошелъ къ тому-же окну и генералъ-полиціймейстеръ и сталъ за мною.

„Какая хорошая погода"! сказалъ онъ.

— „Это, въ особенности, пріятно для меня, отвѣчалъ я, такъ какъ я долженъ ѣхать въ Вильну. Я жду только необходимыхъ для этого бумагъ: открытаго и охраннаго листовъ. Вашъ директоръ сказалъ мнѣ: будто-бы намѣстникъ отдалъ вамъ не совсѣмъ ясное приказаніе, такъ я пріѣхалъ просить его повторить это приказаніе пояснѣе".

„Вотъ вы, господа литераторы, постоянно нами недовольны, завелъ генералъ-полиціймейстеръ, постоянно на насъ жалуетесь, обижаетесь, а виноваты сами! Почему-бы вамъ не напомнить объ этомъ запискою?"

— „Да на что-же тутъ записка, излишняя потеря времени, сказалъ я, когда дѣло было такъ просто: намѣстникъ приказалъ вамъ черезъ столъ, вы оба поклонились, казалось, все кончено! Нѣтъ, пиши еще какую-то записку! Литераторъ никогда не пойметъ, что это нужно".

„Да, вѣдь, это такъ не трудно. Напишите нѣсколько строкъ: вотъ вамъ и бумага и перо!" сказалъ почти умоляющимъ голосомъ генералъ-полиціймейстеръ.

Я увидѣлъ, что дѣло это было слажено передъ моимъ приходомъ, въ бесѣдѣ намѣстника съ генералъ-полиціймейстеромъ, что тутъ въ писаніи записки столько-же намѣстникъ, сколько и генералъ-полиціймейстеръ,—стало, спорить не приходится. Я присѣлъ и написалъ нѣсколько словъ, придумывая въ раздраженіи возможно-грубыя формы. Когда я кончилъ, адъютантъ отворилъ дверь въ кабинетъ намѣстника, и мы увидѣли быстрошагающую къ намъ фигуру фельдмаршала съ листомъ въ рукѣ. Онъ шелъ прямо на меня, не смотря по сторонамъ.

„Кланяйтесь Константину Петровичу (т. е. Кауфману) и отдайте ему это письмо. Надѣюсь, что вамъ будутъ открыты всѣ архивы".

Потомъ, повернувшись къ генералъ-полиціймейстеру, прибавилъ: „Тутъ нужны кое-какія бумаги, уладьте!"

— „Мы ужъ переговорили объ этомъ съ господиномъ Бергомъ, сказалъ генералъ-полиціймейстеръ, все будетъ сдѣлано сегодня-же".

Въ самомъ дѣлѣ, я получилъ всѣ необходимыя бумаги въ тотъ-же самый день. Такая-то во всемъ была игра въ скачку съ препятствіями!...

Кауфманъ принялъ меня любезно и познакомилъ съ генераломъ В. Ѳ. Ратчемъ, писавшимъ тогда о событіяхъ въ Литвѣ и знавшимъ гдѣ какіе документы лежатъ. Бо́льшая ихъ часть находилась въ кабинетѣ генерала. Онъ передалъ мнѣ все, что я потребовалъ; я взялъ это съ собою въ европейскую гостинницу, гдѣ стоялъ, просмотрѣлъ въ самое короткое время и сдѣлалъ выписки.

Въ Вильнѣ за мною сильно наблюдали, не знаю только: по предписанію-ли изъ Варшавы или по распоряженію мѣстныхъ

властей. Одинъ полицейскій литераторъ, Циловъ, добивался моего знакомства, но не добился. Телеграмму, пришедшую ко мнѣ однажды, подпечатали. Я хотѣлъ пожаловаться Кауфману, но потомъ подумалъ: „а какъ эти шалости устраиваются по его приказанію?“ Махнулъ рукою и уѣхалъ.

Въ Варшавѣ я употребилъ всѣ мѣры, чтобы написанное мною получило поскорѣе, хотя въ самомъ сокращенномъ видѣ, печатную огласку. Испросить позволеніе у намѣстника на печатаніе моей записки въ какомъ-либо изъ русскихъ повременныхъ изданій—было не трудно: онъ самъ хотѣлъ скорѣйшаго оглашенія моего труда. Напечатали часть до VIII главы включительно въ „Русскомъ Архивѣ“ и потомъ издали отдѣльною книгою.

Откровенное и смѣлое изображеніе мною бывшаго главнокомандующаго южной арміи, потомъ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, князя М. Д. Горчакова, со всѣми его недостатками и неловкостью, которая привела къ событіямъ 1863-го года,—поразило многихъ, особенно всю родню безталаннаго князя. Это было первое такое, по смѣлости и откровенности, распечатаніе высокаго лица. Поднялись крики. Въ особенности громко кричали: дочь князя Горчакова, Панкратьева, и генералъ Докудовскій, женатый на отдаленной родственницѣ кн. М. Д. Горчакова. Крики эти достигли до варшавскаго королевскаго замка. Намѣстникъ Бергъ просилъ меня напечатать отъ себя статью съ объясненіемъ, какъ происходило все дѣло составленія записки: какъ намѣстникъ, не желая стѣснять автора замѣчаніями, которыя могли быть принимаемы за приказанія, молчалъ при слушаніи записки, хотя очень часто не раздѣлялъ взглядовъ автора на то или другое событіе, на то или другое лицо, вообще вполнѣ солидаренъ съ авторомъ никогда не былъ и считаться таковымъ не можетъ“. Я написалъ проектъ такой статьи и далъ прочесть намѣстнику, который поправилъ собственноручно два-три слова, что-то, сверхъ того, замаралъ. Остальное было напечатано. („Русскій Архивъ“ 1872 г.).

Графу Бергу собственно хотѣлось отдѣлаться какъ-нибудь отъ крикуновъ, чтобы возстановилась тишина. А какъ я отношусь къ тому или другому генералу или къ полковнику — это было для него все едино. Горчакова онъ не уважалъ никогда. При Паскевичѣ они даже нерѣдко ссорились (что разсказывается

въ моей книгѣ). Въ душѣ Бергъ былъ доволенъ, что я отдѣлалъ его „пріятеля“ и выставилъ ярко всю запутанность дѣлъ послѣ его управленія краемъ, гдѣ Бергъ призванъ былъ, высочайшею волею, возстановить порядокъ, и возстановилъ. Чѣмъ хуже было до него, чѣмъ болѣе замѣчалось безпорядковъ, тѣмъ выше его заслуга. Онъ дожидался съ нетерпѣніемъ оглашенія того мѣста записки, гдѣ изображалось прямо его царствованіе, и давалъ мнѣ знать разными путями, чаще всего черезъ адъютантовъ Валя и Гольдмана, что желательно было-бы увидѣть въ печати продолженіе. „Когда-же дальше, когда-же дальше?“ говорили мнѣ эти господа при встрѣчахъ и осыпали похвалами начало.

Я самъ былъ не прочь печатать далѣе, т. е. главы IX, X до XIV включительно, но въ IX главѣ изображались всѣ неловкости, позволившія народной организаціи укрѣпиться и устроить возстаніе, съ которымъ мы возились полтора года. Какъ было протащить такую мудреную главу въ печать?

Въ 1879 году, редакторъ-издатель „Русской Старины“ М. И. Семевскій предложилъ мнѣ перескочить черезъ главу IX и печатать далѣе съ X-й. Это пошло на страницахъ „Русской Старины“. Поднялись новые крики: выступили защитники и друзья Муравьева. Новая, болѣе подробная, статья моя о князѣ М. Д. Горчаковѣ тоже нашла противниковъ. Наконецъ, вооружились адъютанты графа Берга, который былъ описанъ мною совершенно въ томъ-же духѣ, какъ и его предмѣстники, съ тою-же смѣлостью и откровенностью.

Я не позволилъ себѣ смутиться всѣмъ этимъ карканьемъ людей немудрыхъ, неотесанныхъ азіатовъ, тѣмъ болѣе, что все дѣйствительно-серьезное, европейское въ обществѣ было за меня. Иные подходили ко мнѣ на улицѣ и благодарили громко.

Я думалъ только о томъ, какъ-бы дополнить, по возможности, все недостающее въ главахъ моей записки, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ и въ „Русской Старинѣ“, вставить цѣлую IX главу, передѣлать, что было не такъ вслѣдствіе недостатка матеріаловъ, освѣтить кое-какіе факты иначе, новыми документами и разоблаченіями, явившимися въ Краковѣ, Львовѣ и въ другихъ городахъ Европы, привести все это въ лучшій порядокъ и напечатать безъ цензуры, а потомъ дать на просмотръ высшимъ властямъ печатнаго дѣла въ Россіи. Постановленіе, въ силу

котораго можно печатать безъ цензуры только въ двухъ пунктахъ обширной нашей имперіи, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, дѣлало для меня недоступнымъ исполненіе моей мысли: я жилъ въ Варшавѣ, по обязанностямъ службы; дни проходили за днями; трудъ мой лежалъ почти доведенный до той полноты, какъ мнѣ хотѣлось. Я могъ раньше умереть, нежели-бы увидѣлъ хоть одну строку новаго изданія записки, стоившей мнѣ тяжкихъ многолѣтнихъ трудовъ, борьбы, возни, какой не дай Богъ никому изъ пишущихъ. Мои потомки не справились-бы съ горами рукописей, замѣтокъ, выносокъ, приложеній, гдѣ иное требовало неизбѣжнаго, окончательнаго удара кисти, что дѣлаетъ всегда самъ авторъ, уже при печатаніи. Извѣстно, какъ печатное слово озаряетъ всю работу и подсказываетъ подробности, которыя никоимъ образомъ не придутъ въ ту-же самую голову, пока рукопись—рукопись, а не печать.

Меня убивала мысль, что все это писано Богъ вѣдаетъ зачѣмъ, чтобы сгнить въ моихъ бумагахъ, которыя послѣ меня останутся. Не можетъ-же быть, чтобы труды и усилія столькихъ лѣтъ, изслѣдованія самыя истинныя и добросовѣстныя, по матеріаламъ очень рѣдкимъ, которые не скоро будутъ доступны исторіи, да и будутъ-ли?—не можетъ быть, чтобы тутъ не нашлось чего-либо полезнаго для моихъ отдаленныхъ читателей! Кто знаетъ, можетъ не одинъ будущій правитель Польши почерпнетъ въ этихъ строкахъ уроки для управленія мудренымъ краемъ, избѣгнетъ ошибокъ своихъ предшественниковъ... Да и, наконецъ, всякому трудившемуся надъ чѣмъ-нибудь литературнымъ честно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, позволительно желаніе увидѣть это въ печати. Хорошо это или дурно, вѣрны эти портреты или невѣрны—пусть рѣшаетъ будущее!... Пушкинъ не даромъ сказалъ, поощряя всякіе дневники, мемуары, записки: „помните, господа, что ваше слово, пока вы живы, много, много значитъ“.

Я сталъ хлопотать въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, гдѣ тогда былъ просвѣщеннѣйшій начальникъ—Николай Савичъ Абаза, дабы мнѣ было дозволено начать печатаніе моей книги въ Варшавѣ, внѣ существующихъ правилъ, т. е. безъ предварительной цензуры. Мнѣ подавали надежды, что это устроится...

Начинать новыя хлопоты я не рѣшился, а просто-за-просто началъ печатаніе въ Познани, въ типографіи Крашевскаго.

Это было осенью 1881 г. Корректуры присылались ко мнѣ въ Варшаву по почтѣ на тонкой китайской бумагѣ, въ обыкновенныхъ письмахъ. Я отправлялъ продержанную корректуру въ письмахъ франкированныхъ. Были кое-какія задержки въ сообщеніи мнѣ пришедшихъ корректуръ, но пропало только два письма въ теченіе всего времени печатанія четырехъ большихъ томовъ, in 8^0, въ 500 приблизительно страницъ каждый.

Въ 1884 году печатаніе кончилось.

Я рѣшаюсь выпустить напечатанное въ свѣтъ.

Пусть судятъ меня, кто можетъ судить.

Совѣсть моя спокойна: я нигдѣ, ни въ одной строкѣ, не покривилъ душею. Я смѣло выставилъ недостатки правительственныхъ распоряженій и ошибки частныхъ лицъ — кто-бы это ни былъ и какъ-бы высоко ни стоялъ! Я руководствовался единственно пользою, какую можетъ принести такая честная смѣлость и откровенность моимъ соотечественникамъ, если не теперь, то послѣ... когда-нибудь. Я могу сказать, положа руку на сердце, что я писалъ, какъ русскій патріотъ, и полагаю, нигдѣ не сбился съ дороги. Во всѣхъ этихъ десяткахъ, даже можетъ и сотняхъ тысячъ строкъ, европейскій читатель не усмотритъ ни одной строки непатріотической, а до азіатовъ и ихъ взглядовъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я писалъ не для нихъ.

Н. В. Бергъ.

† 16-го іюня 1884 года.

Примѣчаніе. Намъ не случилось видѣть напечатанный въ Познани обширный трудъ Н. В. Берга по исторіи возстаній Польши, но покойный писатель 21-го января 1883 года принесъ въ даръ архиву „Русской Старины“ два обширныхъ тома перваго (1873 г.) изданія своего труда: „О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ (1831—1862 гг.) и полный оттискъ статей его-же въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1879 г.); „Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.“, со множествомъ собственноручныхъ вставокъ и дополненій Н. В. Берга на бѣлыхъ листахъ, переплетенныхъ съ печатнымъ текстомъ. Ред.